

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 1 (68)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2011

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
**Читинский государственный универси-
тет**

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»

www.agrk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
Редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандрo-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 1 (68). – Чита: ЧитГУ, 2011. – 136 с.
Chita State University Journal. № 1 (68). – Chita St. Univ. Pr. 2011.

Экономические науки

УДК 303.685

Васильева Светлана Владимировна
Svetlana Vasilieva

**ТРУДОВЫЕ ЗАТРАТЫ И ВОПРОСЫ
СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ
СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ****LABOUR COSTS AND SPARE TIME
QUESTIONS OF RURAL POPULATION**

Рассматривается значение временного фактора в жизнедеятельности населения. Особое внимание уделяется трудовым затратам и вопросам свободного времени сельских жителей. В работе проводится качественный и количественный анализ бюджета времени. Делаются выводы о незначительном количестве и низком качестве свободного времени, особенно сельских жителей

Ключевые слова: бюджет времени, трудовые затраты, свободное время, благосостояние населения, общественное производство, домашнее хозяйство, личное подсобное хозяйство, суточный фонд времени, структура затрат времени

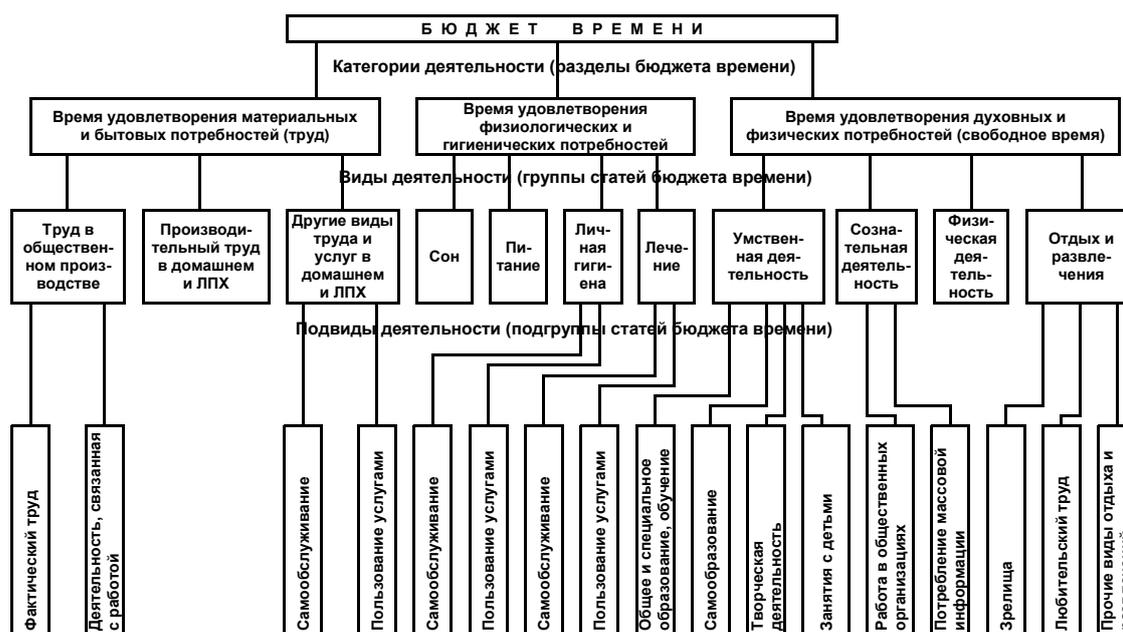
The article discusses the importance of time factor in the life of population. Particular attention is paid to labour and free time questions of rural residents. The paper deals with qualitative and quantitative analysis of time budget. Conclusions about a small number and poor quality of free time, especially rural people are presented

Key words: time budget, labour costs, spare (free) time, prosperity of population, social manufacture, housekeeping, individual subsidiary farms, daily time fund, structure of time costs

Время выступает важной экономической категорией при определении эффективности производства и благосостояния общества. Поэтому важной задачей при определении эффективности деятельности домашнего хозяйства является изучение трудовых затрат и свободного времени населения. Проблема соотношения трудовых затрат и свободного времени особенно остро стоит перед сельскими жителями. Анализ качественной и количественной характеристик этих показателей и стал предметом данного исследования с целью выявить проблемы села и определить необходимые направления изменения ситуации.

Основной категорией структуры бюджета времени является труд, направленный на удовлетворение материальных, физиологических, духовных и других потребностей (см. рисунок).

Время, затрачиваемое городским и сельским населением на труд, неодинаково. Обе группы заняты на общественном производстве, которое составляет наибольшее время в рабочие дни. Для семей характерно ведение домашнего хозяйства. Некоторые городские жители занимаются ведением личного подсобного хозяйства (ЛПХ), в то время как для сельских оно является жизненно важной необходимостью. ЛПХ горожан имеют незначительные размеры и часто удалены от места жительства, поэтому приложение труда осуществляется в основном в выходные дни. ЛПХ сельских жителей имеют значительные размеры и больше составных частей, расположены в непосредственной близости с домом, поэтому требуют ежедневных трудовых затрат.

Структура бюджета времени [1]

Время на труд в общественном производстве составляет в рабочие дни у мужчин, работающих на сельскохозяйственных предприятиях, примерно 10...11 ч, а у работников промышленных и других предприятий – 8 ч; у женщин, работающих в сельском хозяйстве – до 9 ч, на других предприятиях – 7...8 ч. Наряду с этим больших затрат времени требует труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве, у женщин в рабочие дни он достигает 6 ч и более, т.е. приближается к длительности труда в общественном производстве. В результате общая трудовая нагрузка достигает значительных размеров: в рабочие дни у сельских жителей она составляет: у мужчин – 11...12,5 ч, у женщин – 13...13,5 ч, у городского населения 10 и 11...12 ч соответственно [4].

Значительный размер общей трудовой нагрузки воздействует на другие составные части бюджета времени, ограничивая их размер: время на удовлетворение физиологических потребностей составляет примерно 9 ч, а свободное время – около 2...3 ч. Использование времени в нерабочие дни иное. Однако и оно носит трудовой характер, поскольку значительно возрастает время, расходуемое на труд в домашнем и

подсобном хозяйстве: у мужчин – до 4,4; у женщин – до 6,5...6,8 ч.

В нерабочие дни примерно на 2 ч увеличивается время на удовлетворение физиологических потребностей (в том числе сна) и значительно возрастает время для удовлетворения социальных и духовных потребностей. Свободное время у мужчин достигает 7 ч в день, а у женщин – 5,2 ч в день [3].

Нерабочие дни на селе и для горожан, ведущих ЛПХ, не являются в полной мере днями отдыха, особенно летом. ЛПХ требует трудовых затрат как в рабочие дни, так и в нерабочие дни. Поэтому общая трудовая нагрузка в нерабочие дни достигает у мужчин около 5,5 ч, а у женщин – около 8 ч в день.

В зимний период использование суточного фонда времени в рабочие и нерабочие дни претерпевает некоторые изменения, особенно у сельских жителей. Однако работа в домашнем и личном подсобном хозяйстве по длительности мало меняется: у женщин как в летний, так и в зимний период она составляет 4 ч в рабочие дни и более 6 ч в нерабочие. Бюджет времени работников сельского хозяйства зимой менее напря-

жен, чем летом. Об этом свидетельствуют большие затраты зимой на удовлетворение физиологических потребностей, а также увеличение свободного времени: в рабочие дни у мужчин — 3 ч, а у женщин — около 2 ч.

Домашнее и личное подсобное хозяйство — есть та сфера приложения труда, в которой заняты все трудовые ресурсы общества и подавляющая часть нетрудоспособного населения. Ведение семейного хозяйства подразделяется на различные виды.

1. Производительный труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве:

- уход за скотом, птицей и пчелами;
- работа на приусадебном участке, в саду, огороде;
- приготовление пищи;
- изготовление предметов домашнего обихода, одежды, обуви;
- строительство жилых и подсобных помещений;
- заготовка и переработка продуктов леса, рыбной ловли, охоты;
- прочие виды производительного труда.

2. Непроизводительный труд и услуги:

- покупки продовольственных и промышленных товаров;
- уход за бельем, одеждой, обувью;
- уход за бытовыми приборами, средствами личного транспорта;
- уход за двором, надворными постройками, жилым помещением;
- реализация товарной продукции домашнего хозяйства;
- прочие виды деятельности [4].

В ходе исследования выявлено, что более половины затрат времени, связанных с ведением ЛПХ (до 60...70 %), потребляет животноводство. Приусадебный участок занимает около 30...40 % времени, расходуемого на ведение ЛПХ. Излишки продукции реализуются на сторону. Средние затраты времени на его реализацию составляют в нерабочие дни около 3...5 % всех временных затрат, связанных с ведением ЛПХ, а в рабочие дни — гораздо меньше.

Ведение домашнего хозяйства также требует больших затрат времени. Мужчины расходуют на этот вид труда в рабочие дни около 0,5 ч, в нерабочие дни — примерно 2

ч. Женщины тратят времени гораздо больше: в рабочие дни — около 3 ч, в нерабочие — около 5 ч в день [3].

Затраты времени на домашний труд у женщин составляют 70...80 % общих затрат в «домашнем производстве», у мужчин — около 30...40 %. Примерно 27 % «домашнего производства» отнимает уход за детьми (у мужчин всего 4 %).

Большой занятостью в ведении домашнего и личного подсобного хозяйства отличаются неработающие пенсионеры. Это обусловлено рядом социально-экономических факторов:

- для их значительной части хозяйствование является единственным источником дополнительных доходов;
- занятость пенсионеров в личном подсобном и домашнем хозяйстве высвобождает из данной сферы труда других членов семьи;
- создается реальная возможность активной трудовой деятельности, т.е. они находят себе новое приложение труда — это основной вид их трудовой деятельности.

Среди всех видов деятельности в домашнем хозяйстве наибольшие трудовые затраты приходится на приготовление пищи. В этой сфере деятельности заняты, в основном, женщины.

Оценивая трудовые затраты времени трудоспособного населения в современной ситуации, следует отметить, что в дореформенной экономике нашей страны занятость в общественном секторе была обязательной для всех лиц, входящих в состав трудовых ресурсов. Поэтому удельный вес в структуре общих затрат времени здесь был наибольший. В период перехода к рыночным отношениям работа в общественном производстве больше не является обязанностью каждого трудоспособного члена общества. Это создает реальные возможности существенно увеличить затраты времени на ведение ЛПХ либо вообще предпочесть работу в ЛПХ общественному производству. Наиболее продолжителен труд в ЛПХ двух социально-демографических групп: женщин трудоспособного возраста, занятых только ЛПХ, и пенсионеров. Как показывает ис-

следование, на их долю приходится 80 % всех затрат труда в ЛПХ.

Продолжительность труда в ЛПХ не регулируется обществом и им не нормируется. Кроме того, если в общественном производстве налажен статистический учет отработанного времени, то труд в ЛПХ органами государственной статистики не ведется. Поэтому информацию о затратах труда в этой сфере можно получить лишь путем проведения специальных выборочных исследований. Учет затрат труда в ЛПХ нужен не только для оценки трудоемкости в нем, расчета трудовой нагрузки и свободного времени сельского населения, но и для правильной оценки производительности труда во всем сельском хозяйстве. ЛПХ основано преимущественно на семейном труде. Затраты времени в данной области приложения труда всех членов семьи (и каждого в отдельности) велики.

Ведение ЛПХ требует значительных затрат труда. Известно, что 1/3 всех затрат труда сельской семьи, приходящихся на ведение ЛПХ, приходится на растениеводство и 2/3 — на животноводство. В растениеводстве затраты труда составляют 1500 чел/час. В настоящее время общие затраты труда домохозяйств на ведение ЛПХ составляют в среднем не менее 1200 чел/час, или приблизительно 0,6 среднегодовых работников [2].

Наряду с рабочим временем важнейшую часть его бюджета для человека представляет свободное время. В свободное время осуществляются виды деятельности, связанные с удовлетворением духовных, физических, социальных и прочих потребностей.

Важнейшими функциями видов деятельности, которые осуществляются в свободное время, являются отдых, развитие умственных и физических способностей, развлечения.

Величина и структура свободного времени неодинаковы в рабочие и нерабочие дни. В рабочие дни у мужчин она составляет около 2...3 ч, зимой — около 3 ч, у женщин 1,5...2 ч. В нерабочие дни свободное время у мужчин возрастает до 7 ч в день, а у женщин до 5 ч.

Недельный фонд свободного времени в среднем у работников сельского хозяйства составляет: у мужчин — примерно 25...19 ч; у женщин — около 17...15 ч. Зимой этот фонд несколько больше. В расчете на один год: у мужчин — 1050...1300 ч; у женщин — 1200 ч. Разница у женщин достигает 300 ч, у мужчин — 600 ч в год.

Наряду с нерабочим временем в рабочие и выходные дни все трудящиеся пользуются ежегодным оплачиваемым отпуском. Минимальный размер трудового отпуска составляет 28 календарных дней. Для ряда категорий работников установлены повышенные размеры и дополнительные отпуска.

Наряду с ежегодными выходными днями и ежегодными отпусками рабочие и служащие в каждом году имеют дополнительно 10...12 праздничных нерабочих дней. Общее количество дней в году, свободных от работы в общественном производстве (выходных, праздничных и отпускных дней), в настоящее время достигает 120 и составляет почти 1/3 от общего календарного фонда дней в году.

Для реализации свободного времени важна хозяйственная характеристика его расходования. СМИ занимают половину свободного времени, а в зимний период даже несколько больше. На учебу и повышение квалификации как летом, так и зимой уходит сравнительно небольшая часть свободного времени — 1...5 %, на посещение зрелищных учреждений — около 4 %. Около 30 % свободного времени расходуется на общение, физическую культуру, спорт и пассивный отдых [3].

Максимальные запросы времени на СМИ (включая чтение книг и просмотр кинофильмов) — у женщин с высшим и средним специальным, у мужчин — с незаконченным высшим и средним образованием. Минимальные затраты в рабочие и нерабочие дни — у самой малообразованной группы. Следовательно, с ростом образования затраты времени на СМИ возрастают.

В сельской местности значение СМИ высоко, во-первых, из-за низкого обеспечения культурными центрами (театрами,

концертными залами и т.п.) Во-вторых, по причине ограниченности выбора досуга на селе. Радио, печать, телевидение, иногда кино в сельской местности, как правило, заменяют все виды культурного досуга жителей всех возрастных категорий и являются определяющими по воздействию на сознание сельской аудитории.

Свободное время носит в основном пассивный характер. То есть главными его функциями являются отдых, развлечения, общение. Часть времени расходуется на умственные занятия, спорт и физкультуру.

Отдыху в целом присущ пассивный характер. Этому способствует усталость, а также недостаток необходимых знаний и умений в проведении личного свободного времени. Уровень досуговых умений у женщин гораздо ниже, чем у мужчин.

Наибольшее предпочтение для проведения свободного времени как среди сельских жителей, так и среди горожан отдается своему дому, дому родственников, друзей.

Трудовые затраты и количество сво-

бодного времени являются важными составляющими. От трудовых затрат зависит благосостояние каждого отдельно взятого человека и его семьи. Особенно важен этот вопрос для жителей сельской местности, где трудовой день не нормируется, и в ведении домашнего и подсобного хозяйства посильное участие принимают все члены семьи. Наряду с этим, остро встает проблема обеспечением свободного времени не только количественно, но и качественно.

Данная работа показывает, что свободное время селян значительно уступает горожанам как по количеству, так и по качеству. Региональным и муниципальным органам власти следует обратить внимание на решение проблем улучшения быта, культурно-массового сектора сельского населения для повышения привлекательности сельской местности для молодых семей, заинтересованности предпринимателей в развитии здесь малого бизнеса, что, конечно же, в перспективе повлечет экономический подъем села.

Литература

1. Бюджет времени городского населения / Под ред. Б.Т. Колпакова, В.Д. Патрушева. – М.: Статистика, 1971. – 248 с.
2. Бюджет времени сельского населения / Под. ред В.Д. Патрушева. – М.: Наука, 1979. – 271 с.
3. Елисеева И.И. Социальная статистика. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 480 с.
4. Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 46-50.
5. Бюджет времени: вопросы изучения и использования / Под. ред В.Д. Патрушева. – Новосибирск: Наука, 1977. – 287 с.
6. Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. – М.: Мысль, 1977. – С. 145-155.
7. Михайлов Ю.П. Сельская местность в социально-территориальной структуре России и ее проблемы // География и природные ресурсы. – 2000. – № 3. – С. 72-81.
8. Новоселов А.Ф., Маслаков В.В. Эффективность сельскохозяйственного труда: организация, управление, качество. – Екатеринбург, 1997. – 172 с.
9. Пути социального развития деревни / ред. Г.И. Заславская. – Новосибирск: Ин-т экономики и организации промышленного производства, 1988. – 234 с.
10. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения (Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). – Смоленск: Ойкумена, 2007. – 352 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Васильева С.В., канд. геогр. наук, доцент кафедры экономической теории, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: 8 (3022) 28-20-16

S. Vasilieva, Candidate of Geographical Sciences, Dean of Economic department, Associate Professor of Economic Theory, Chita state university

Научные интересы: сельское хозяйство, деятельность личных подсобных хозяйств

Scientific interests: agriculture, activities of private farms

УДК 330.44

Городкова Светлана Александровна
Svetlana Gorodkova

МАРЖИНАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «ИЗДЕРЖКИ» СОВРЕМЕННОГО ФОРМАТА

THE MARZHINALISTSKY APPROACH TO DEFINING THE MODERN FORMAT ESSENCE OF THE «EXPENSES» CATEGORY

Исследуется современный понятийный аппарат категории «издержки», раскрывается маржиналистский подход к определению сущности данной категории. Комментируется экономическая мысль австрийской школы к познанию внутреннего содержания издержек. Раскрывается особенность научного понятия «издержки», проявляющаяся в двойственности экономической природы и распространяющаяся на два вида управления производственным процессом: бухгалтерский учет и перспективное управление (экономический подход)

Ключевые слова: познание издержек, сущность издержек, подходы к определению издержек, области применения термина «издержки»

The modern conception of a category «costs» is investigated, extremely useful approach to definition of essence of the given category is discovered. The economic idea of the Austrian school to knowledge of internal contents of costs is commented. The feature of scientific concept «costs» shown in a duality of an economic nature and extended on two kinds of production control is opened: business accounting and perspective management (economic approach)

Key words: knowledge of costs, essence of costs, approaches to definition of costs, area of application of the term «costs»

В учебной и научной литературе далеко не всегда достаточно четко и определенно раскрывается содержание понятия «издержки», что характеризует отсутствие в теории единого подхода к определению сущности данной категории. Изучение исходных положений существующей парадигмы позволяет разобраться в смысловом содержании категории «издержки» в современной теории и определить условия применения термина в практике управления данным динамичным явлением. В этой связи выявление ключевого подхода к оп-

ределению сущности изучаемой категории относится к числу актуальных вопросов экономической теории и хозяйственной практики.

Данная задача диктует в числе первоочередных интеллектуальных поисков необходимость исследования современного понятийного аппарата категории «издержки».

В современной литературе встречаются следующие трактовки, интерпретирующие термин «издержки» (см. таблицу).

Толкование понятия «издержки»

Источник	Толкование
Океанова З. К. Экономическая теория [12]	Издержки производства – затраты на совокупность факторов производства (С. 194)
Гукасян Г.М. Экономическая теория [5]	Издержки – это затраты ресурсов, принявших на рынке стоимостную форму (С. 214)

Источник	Толкование
Константинов В.А. Грамотное использование понятий «расходы», «затраты» и «издержки» в формировании основ внутренней учетно-аналитической системы для промышленных предприятий [6]	Издержки – это потребленные в процессе производства материальные и трудовые, а также денежные ресурсы предприятия, включая так называемые вспомогательные или дополнительные издержки (С. 12)
Куттер М.И. Теория бухгалтерского учёта [7]	Издержки – денежное измерение суммы ресурсов, используемых с определенной целью
Носова С.С. Экономическая теория в вопросах и ответах [11]	Издержки производства – расходование ресурсов с целью получения прибыли (С. 111)
Бизнес: Оксфордский толковый словарь по бизнесу [2]	Cost (издержки, расходы) : 1) затраты, как правило, денег на покупку товаров и услуг; 2) расходы, обычно денежные, понесенные для достижения цели (С. 157)
Макконнел Кэмпбелл Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика [9]	Издержки – это все платежи – явные (внешние) и неявные (внутренние), включая в последние и нормальную прибыль, необходимые для того, чтобы привлечь и удержать ресурсы в пределах данного направления деятельности (С. 46)
Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия [13]	Издержки – сумма денежных трат организации в ходе ее деятельности, связанная с отказом от альтернативного использования ресурсов
Ульсон У. Экономика предприятия [14]	Издержки – компенсация за приобретенные или использованные на предприятии ресурсы (С. 63)

Исследование данных интерпретаций позволяет заметить существование двух подходов к определению издержек, один из которых в современной теории основывается на феномене ограниченности ресурсов и возможности их альтернативного использования [9; 13; 14]. Последнее означает, что выбор ресурсов для производства опре-

деленного товара свидетельствует о невозможности производства альтернативного товара. Это один из важнейших принципов рыночной экономики.

Наглядно исходные положения современной теории издержек производства представлены на рисунке.

Схема теории издержек производства периода плановой и рыночной экономики

Ретроспективный обзор публикаций позволил заметить, что один из подходов к определению издержек в современной экономической среде основан на употреблении категорий, содержательно сформированных ранее в контексте исторического развития знаний.

Так, альтернативный взгляд на существование экономических процессов прослеживался еще у представителей австрийской школы экономической мысли, в центре внимания которых находилась проблема субъективной ценности блага. Общим для австрийцев было противопоставление нового направления учению классиков, особенно Давида Рикардо.

Характерной идеей австрийской школы было положение о том, что не ценность и цена зависят от издержек производства, а напротив, благодаря наличию ценности у потребительских благ образуются оценки производственных ресурсов, или факторов производства — те оценки, которые формируют издержки производства и которые возникают в результате вменения ценности тем производственным благам, что требуются для изготовления данных потребительских благ.

Карл Менгер, основоположник школы, считал, что издержки производства не являются причиной каких-то важных экономических явлений. В своем фундаментальном труде «Основания политической экономии» (книга «Основания политической экономии» издана в 1871 г. (в русском переводе впервые издана в 1903 г. в г. Одесса). Над ее совершенствованием К. Менгер работал большую часть своего творческого периода. Второе издание «Оснований...» вышло в свет в 1923 г., спустя два года после смерти автора), автор посягнул на святую святых классической политической экономии — трудовую теорию стоимости (ценности). По его мнению, «затраты труда и его количества или другие блага на производство того блага, о ценности которого идет речь, не находятся в необходимой и непосредственной связи с величиной ценности» [10; С. 125].

Явно отмежевываясь от рикардianс-

тва, К. Менгер рассматривал издержки как психологическое явление, основанное на предельной полезности. Он объяснял их как следствие тех основных причин, о которых только и вел речь. «От ожидаемой ценности благ первого порядка получают оценку факторы производства, от предельной полезности предметов конечного потребления зависит количество используемых ресурсов производства — так и формируются издержки», — комментирует идеи новой экономической теории К. Менгера Е.М. Майбурд [8; С. 371].

В отличие от К. Менгера О. Бем-Баверк (наиболее значимый труд О. Бем-Баверка «Основы теории ценностей хозяйственных благ» был опубликован в 1886 г.) признал связь между издержками производства и ценностью. В своих суждениях он исходил из принципа вмененной ценности и подчеркивал различие в подходах к этой проблеме представителей австрийской школы и трудовой теории стоимости. Принципиальное различие заключалось в том, что «австрийцы» определяли ценность издержек производства ценностью продукта, на который они были направлены, а представители трудовой теории стоимости, наоборот, производственными издержками определяют ценность блага. Для «австрийцев» «ценность продукта является элементом определяющим, а ценность производительных средств — элементом определяемым» [1; С. 332]. О. Бем-Баверк подчеркнул частный характер приоритета величины издержек производства над предельной пользой блага и указал условия его проявления: «...закон издержек производства имеет силу только по отношению к таким материальным благам, количество которых может быть увеличиваемо путем производства до каких угодно размеров, и ... он не заставляет ценность соответствующих материальных благ держаться неизменно на уровне издержек производства» [1; С. 333]. В этом О. Бем-Баверк видел проблему того, что представители трудовой теории стоимости со своих позиций не объяснили несоответствие рыночной цены издержкам производства.

Австрийский теоретик Ф. Визер (свою

версию новой экономической теории Ф. Визер изложил в двух книгах: «Происхождение и основные законы хозяйственной ценности» (1884 г.), «Естественная ценность» (1889 г.) ввел в теорию затрат понятие, которое стало одним из краеугольных в неоклассической экономической науке. В разных переводных книгах можно встретить четыре варианта этого термина (opportunity cost (англ.):

- 1) издержки альтернативных возможностей;
- 2) издержки упущенных возможностей;
- 3) альтернативная стоимость;
- 4) альтернативные издержки.

Новое содержание понятия, по Ф. Визеру, состоит в том, что издержки производства продукта определяются ценностью ресурсов при иных возможных способах их употребления (производство других благ). Другими словами, издержки производства данного продукта зависят от альтернативных возможностей, которыми приходится жертвовать для того, чтобы произвести этот продукт (говоря словами М. Блауга, они представляют собой «платежи, необходимые для отвлечения факторов от наиболее выгодных из других способов их использования» [3; С. 453]).

Е.М. Майбурд в своей книге идею альтернативных издержек Ф. Визера поясняет следующим образом: «Ресурсы могут быть использованы многими разными способами. Из всех альтернатив всегда есть наилучшая, наиболее эффективная. И для производства данного продукта оплата за ресурсы осуществляется по цене той самой наиболее эффективной альтернативы» [8; С. 373].

Вот одна из возможных формулировок закона издержек (закона Визера): действительная ценность какой-либо вещи есть недополученные полезности других вещей, которые могли быть произведены (приобретены) с помощью ресурсов, потраченных на производство (приобретение) данной вещи [4].

Понятие альтернативных издержек не может существовать без предпосылок о на-

личии множества продавцов, покупателей, производителей, потребителей. Оно может проявляться и для отдельного индивида, но это общественное понятие. И оно было получено Ф. Визером потому, что он сместил угол зрения с индивида на общество.

Другое условие, предполагаемое понятием альтернативных издержек, — это наличие конкуренции. Только в условиях конкуренции издержки отражают ценность альтернативного (притом наилучшего из возможных) способа употребления ресурсов.

Понятие альтернативных издержек имеет смысл только в тех случаях, когда имеются ограниченные и неизменные запасы тех или иных ресурсов. То, что имеется в избытке, не ценится людьми. Если какое-то благо доступно без ограничения, альтернативные возможности перестают регулировать употребление этого блага. Избыточность благ означает отсутствие конкуренции за обладание ими.

Понятие альтернативных затрат Ф. Визера помогает разобраться в категориях доходов и издержек. Ответ на вопрос: что включать в издержки, Е.М. Майбурд в своей книге показывает примерами [8; С. 379]:

«Если предприниматель сам работает как управляющий, он, конечно, экономит на зарплате менеджера, которого мог бы нанять. Но эквивалентную сумму ему следовало бы начислять в издержки. Так говорит теория альтернативных издержек и так правильно с экономической точки зрения.

Если капиталист приобрел оборудование на деньги, взятые займы, то в состав издержек он правомерно будет включать процентные платежи по ссуде. Но если он купил это оборудование из средств своего сбереженного дохода, эквивалентную сумму, по закону Визера, он должен бы включать в состав издержек. Деньги, потраченные на оборудование, он мог бы дать кому-то займы и получать ссудный процент. А упущенный доход наука сочла правильным считать издержками».

Е.М. Майбурд обращает внимание читателя на то, что познание понятия альтер-

нативных издержек позволяет увидеть следующее: «кривые спроса (и предложения) выражают не что иное, как оценки альтернативных возможностей. Сколько чего покупается и сколько чего продается — все это зависит от человеческого выбора. А выбор людей определяется альтернативными издержками» [8; С. 375].

Значение доктрины альтернативных издержек для тех, кто ее выдвигал, состояло в том, что она демонстрировала ошибочность теорий ценности, основанных на «реальных издержках». Австрийцы с пренебрежением отзывались о двусторонней теории А. Маршалла. Теория альтернативных издержек представила как спрос, так и предложение зависящими от полезности, сведя все издержки к отказу от полезности. Ф. Уикстид отмечал, что «отсюда производственные издержки могут повлиять на ценность чего-либо только потому, что они сами представляют собой ценность другой вещи» или «издержки производства одной вещи есть не что иное, как другое наименование эффективности производства других вещей» [3; С. 454].

Изучение содержания экономической теории австрийской школы позволило заметить, что австрийцы с подозрением относились к математическому изложению научных знаний, предпочитали логическое рассуждение в словесной форме естественным языком, наполняя его определениями основных экономических категорий. Данные принципы прослеживались и в отношении формирования учений об издержках производства.

Главные идеи учения представителей австрийской школы экономического анализа основывались на вскрытии причинных связей между явлениями. В отличие от представителей трудовой теории стоимости в своей методологической концепции они шли от результата к причинам. Такой подход позволил «австрийцам» вскрыть глубинные связи издержек с психологией человека, отражающей результаты познания людьми законов развития природы и общества, а также наполнить сущностную основу категории «издержки» содержанием

ценности ограниченных потребительских благ.

Методологическую основу своих исследований представители австрийской школы строили на принципе диалектического развития. Все явления, определяющие сущность издержек, они рассматривали как результат накопления опыта деятельности людей, результат повышения уровня их знаний.

Таким образом, при смещении угла зрения с индивида на общество из сферы производства в сферу потребления сформировалась методология «полезности», согласно которой издержки представлялись вторичным явлением, общественным понятием. Через доктрину альтернативных затрат Ф. Визера появилась иная сущностная основа издержек, согласно которой издержки определяются ценностью ограниченных ресурсов эффективной альтернативы (состоят из неполученной субъективной полезности благ) и, таким образом, являются определяемым элементом. Наука сочла правильным считать издержками упущенный доход от наиболее выгодного из всех альтернативных способов использования ресурсов.

Итак, современные подходы к определению издержек основываются не только на теории трудовой стоимости, но и на феномене ограниченности ресурсов. Термин «издержки» современного формата, рассматриваемый как психологическое явление, основанное на предельной полезности ограниченных ресурсов, несет маргиналистский подход к определению.

Практический выход проведенного исследования видится в обозначенной автором статьи двойственности экономической природы научного понятия, распространяющейся на бухгалтерский и экономический аспекты:

- управление с точки зрения бухгалтерского учета (бухгалтерский подход) коррелирует с термином «затраты» (контролируется фактический расход факторов производства по ценам их приобретения);
- ориентацией экономического подхода на будущее (перспективное управление) уделяется внимание ресурсам, требуемым

в дальнейшем при различных альтернативных целях. Возникающий элемент имплицитности, или вмененности присущ категории «издержки».

Выявленные области применения категорий «затраты» и «издержки», полагаем,

поспособствуют грамотному использованию терминов при описании закономерностей протекания экономических явлений и процессов, а также их проявлений на эмпирическом уровне.

Литература

1. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер / Пер. с нем.; предисл., коммент., сост. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1992. (Эконом. наследие) – С. 243-426.
2. Бизнес: Оксфордский толковый словарь по бизнесу: англо-русский: свыше 4000 понятий / пер.: С. Щедрин, Н. Кричигина, Е. Островская, И. Осадчая. – М.: Прогресс-Академия; РГГУ, 1995. – 752 с.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ., 4-е изд. – М.: Дело Лтд, 1994. – 720 с.
4. Визер Ф. Теория общественного хозяйства (фрагменты) // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер / Пер. с нем.; предисл., коммент., сост. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1992. (Эконом. наследие) – С. 427-494.
5. Гукасян Г.М. Экономическая теория: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.
6. Константинов В.А., Гиновкер М.Э., Алимов С.А. Грамотное использование понятий «расходы», «затраты» и «издержки» в формировании основ внутренней учетно-аналитической системы для промышленных предприятий // Управленческий учет. – 2006. – № 2. – С. 4-12.
7. Куттер М.И. Теория бухгалтерского учёта: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 640 с.
8. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2000. – 560 с.
9. Макконнелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л. Экономика: Принципы, проблемы и политика: в 2 т.: т. 2.: пер. с англ. – 11-е изд. – М.: Республика, 1992. – 400 с.
10. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер / Пер. с нем.; предисл., коммент., сост. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1992. (Эконом. наследие). – С. 31-242.
11. Носова С.С. Экономическая теория в вопросах и ответах: учеб. пособие. – М.: Экономика, 2006. – 313 с.
12. Океанова З.К. Экономическая теория: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Дашков и Ко, 2008. – 652 с.
13. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: Инфра-М, 2008. – 826 с.
14. Ульсон У., Ленквист Р., Естрем Б. Экономика предприятия. Методическое руководство и основные понятия. – М., 1994. – 126 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Городкова С.А., канд. экон. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
gorsa77@mail.ru

S. Gorodkova, Candidate of Economic Science, Assistant professor, Chita state university

Научные интересы: ресурсно-ориентированный подход к формированию стратегии субъекта хозяйствования

Scientific interests: the resource-guided approach to formation of subject managing strategy

Философские науки

УДК 303.4:167.7:008

Дороженский Андрей Вячеславович
Andrey Dorogenski

**К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ В
ИССЛЕДОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ДИНАМИКИ****THE PROBLEM INTEGRATION OF
METHODOLOGICAL PROGRAMS
INTEGRATION INTO THE STUDY OF
CIVILIZATIONAL DYNAMICS**

Утверждается, что создание операциональной модели развития цивилизационных систем требует серьезного научного, гносеологического и социально-философского обоснования возможности и направлений интеграции моделей макроисторического и макросоциологического исследования. Обосновывается, что отсутствие надлежащего методологического обеспечения такой интеграции приводит к затрудненной экспликации внутренних логических и функциональных связей цивилизационной системы

Ключевые слова: методологическая программа, цивилизационный подход

Creation of an operational model of civilized systems requires serious scientific, epistemological, social and philosophical substantiation of the possibilities and directions of macrohistorical and macrosociological studies' integration research models is stated. Lack of an adequate methodological support for such integration leads to the difficulties in explicating internal logical and functional connections in the civilized system is defined

Key words: methodological program, civilized approach

К концу первого десятилетия XXI в. и в западном, и в отечественном научно-философском и гуманитарном знании формируется установка на интеграцию исследовательских подходов, предлагаемых различными концепциями социокультурной макродинамики, среди которых наиболее применяемыми являются различные версии технологического детерминизма (включая теорию общественно-экономических формаций), цивилизационного и мир-системного подходов, геополитических концепций и др. В основе такой интеграции находится единство объекта исследования: в фокусе всех подходов находятся большие

социокультурные общности — общества определенного технологического уклада, цивилизации, культуры, мир-империи, мир-системы и т.д.

Возможна ли в принципе интеграция методологических подходов в рамках как одной, так и между различными исследовательскими программами, и если да, то на каком уровне: вот одна из интереснейших методологических проблем исследования макроисторических процессов. Ее решение относительно исследования цивилизационной динамики осложняется, в частности, тем, что отечественные исследователи в определении своей методологической ори-

ентации зачастую оперируют терминами с достаточно «расплывчатым» методологическим содержанием: «цивилизационный подход», «цивилизационная парадигма», «цивилизационная теория», «цивилизационная модель», «концепция цивилизационной динамики» и т.д. То же самое в ряде случаев можно сказать и о формационном, мир-системном, геополитическом и других подходах.

Решение означенной проблемы затруднительно представить без попытки экспликации некоей обобщенной модели методологии макросоциального исследования.

Программу исследования социокультурной макродинамики можно представить в виде матрицы, включающей следующие составляющие.

1. Философско-методологические установки исследователя в их возможной связи с общенаучными принципами и концепциями.

Схожий методологический уровень представлен в работах Э.Г. Юдина *уровнем философской методологии*, содержание которого составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом [1; С. 65], и *уровнем общенаучных принципов и форм исследования*; и Н.С. Розова (*уровень философских оснований теории и уровень научных оснований теории*) [2; С. 87].

Философские (метатеоретические) основания являются предпосылками для дальнейших теоретических положений. К таким предпосылкам Н.С. Розов, в частности, относит онтологические (касающиеся сущностных оснований бытия изучаемой социальной реальности), гносеологические (фиксирующие представления о правомерных и предпочтительных познавательных приемах и процедурах) и ценностные (определяющие основные нормативные представления исследователя, а также прагматическую направленность его работы) [2; С. 88-89]. Общенаучные основания схожи с философскими тем, что также являются обобщениями, не подлежащими непосредственной эмпирической проверке. Они служат предпосылками не для одной

дисциплины или группы смежных дисциплин, а для многих наук и дисциплин, весьма различающихся по предмету исследования.

Поскольку в рамках данного методологического уровня формируются установки по линиям таких оппозиций, как «развитие—повторение», «регресс—прогресс», «детерминизм—случайность», «логика—свобода», «номотетика—идеография» и т.д., именно на этом уровне формируется линейный или нелинейный вариант интерпретации социокультурной макродинамики, определяется «смысл истории», образы ее начала и конца, задаются возможные метафизические (трансцендентные) основания исторического процесса и т.д. В силу предельного характера теоретико-методологических установок данного уровня дать ему нейтральное определение довольно сложно. Мы попробуем охарактеризовать его как уровень *методологических ориентаций*, или *методологической парадигмы* (сразу же оговорив ее принципиальное отличие от научной парадигмы по Т. Куну: философско-методологическая парадигма выполняет прежде всего ориентационную задачу, задавая видение общей картины и логики исторического процесса). В рамках данного уровня правомерными будут такие понятия, как «линейная парадигма», «нелинейная парадигма», «стадиально-циклическая парадигма», «унитарно-стадиальная парадигма», «плюралистическо-циклическая парадигма» и пр.

2. Концепции и концептуальные модели социокультурной макродинамики.

Как отмечает Н.С. Розов, в начале теоретического исследования приходится иметь дело с «предтеориями» в виде концепций, представляющих собой совокупности суждений, лишенные как строгой дедуктивности (выводимости теорем из аксиом), так и понятийной замкнутости (построения всех производных понятий из конечного числа базовых неопределяемых понятий) [2; С. 90]. Исходным пунктом формирования концепций является выдвижение подлежащих проверке положений (теоретических гипотез), а необходимым условием

– определение *объекта*, основной «таксономической» единицы исследования социокультурной макродинамики, являющегося нестрогой концептуальной моделью.

С точки зрения методологии данный уровень можно охарактеризовать как уровень *методологического подхода*. По Э.Г. Юдину, методологический подход можно определить как принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (т.е. способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования [1; С. 69].

На этом уровне исследования социокультурной макродинамики мы выделим такие основные подходы, как *формационный* (объект исследования – общественно-экономическая формация), *цивилизационно-культурологический* (объект исследования – цивилизация, культурно-исторический тип, культурная суперсистема, суперэтнос), *мир-системный* (объект исследования – мир-система или мир-системы, мир-империя, мир-экономика), *геополитический* (объект исследования – государства и их союзы как пространственно-географические организмы). В ряде работ в качестве самостоятельных подходов обозначаются структуралистский и семиотический подходы в культурологии, теория модернизации и технологический детерминизм, функционализм, социальный эволюционизм, демографический детерминизм и др., хотя здесь в ряде случаев возникают трудности с определением специфического объекта исследования.

На данном уровне правомерным будет использование таких терминов, как «концепция цивилизационной динамики», «концепция развития мир-системы», «геополитические концепции» и других определений, однопорядковых с терминами «цивилизационный подход», «формационный подход» и т.д.

3. Теории и теоретические модели социокультурной макродинамики.

Теории как «дедуктивно организованные совокупности суждений, построенных

в замкнутой системе понятий» [2; С. 90], являются продуктом реализации исследовательской стратегии, определяемой предметом исследования. Таковую исследовательскую стратегию можно охарактеризовать как *методологическую программу* в рамках определенного подхода (оговорив нетождественность данного конструкта с понятием «исследовательская программа», по И. Лакатосу), а данный уровень «методологической матрицы» – *уровнем методологической программы*.

Так, в рамках цивилизационного подхода отечественные исследователи выделяют такие методологические программы, как органицистско-натуралистическая (Н. Данилевский, О. Шпенглер); религиозно-элитаристская (А. Тойнби, В.Л. Межуев); ландшафтно-географическая (Л.И. Мечников); этнопсихологическая (Л.Н. Гумилев); социологическая (П.А. Сорокин); культурологическая (С. Хантингтон); системно-синтетическая (М.А. Барг, Е.Б. Черняк, Н.С. Розов и др.).

Именно методологические программы как стратегии исследования определяют предмет исследования и дефиниции цивилизации; классификацию и типологию цивилизаций; источники и механизмы цивилизационного развития; набор теорий цивилизационной динамики; стиль и инструментарий прогнозирования социокультурных процессов.

4. Методика и техника исследования.

Методика и техника исследования представляют собой методологический уровень, обеспечивающий получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания [1; С. 68], формирующий «поле эмпирической проверки» теории социокультурной макродинамики [2; С. 81, 92-95]. Методика и техника эмпирической проверки теории, определяемые методологической программой исследования, определяют характер отбора эмпирических данных, механизм их систематизации, группировки и интерпретации.

Широко обсуждаемая в специальной литературе проблема междисциплинарного теоретического синтеза в исследованиях социокультурной макродинамики интерпретируется нами как проблема *интеграции методологических программ как в рамках одного подхода, так и между различными подходами*. Интеграция методологических программ обеспечивает возможность взаимообогащения концепций, теорий и парадигм и создания «объемной картинке» объекта макроисторического и макросоциологического исследования.

В качестве примера интеграции исследовательских программ мы обратимся к научно-философской традиции, сложившейся в рамках *Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций* (ISCSC), которое было создано в 1961 г. У истоков ISCSC стояли историки О. Андерле и Р. Кулборн, а первым президентом ISCSC стал выдающийся русский и американский социолог П. Сорокин. В настоящее время руководящее ядро организации складывается из сотрудников преимущественно американских университетов [3]. В своей деятельности Общество исходит из понимания того факта, что комплексный характер цивилизационной проблематики требует полидисциплинарного подхода. Отсюда же вытекает и определенная методологическая толерантность, дающая возможность членам Общества (напр., Д. Уилкинсон) публиковать результаты исследований как в собственном журнале Общества «Comparative Civilizations Review», так и в изданиях, ориентированных на мир-системный подход (к примеру, «Journal of World-Systems Research»).

Если обратиться к методологическим установкам тех исследователей, которые в настоящее время занимают ведущие позиции в ISCSC (Д. Уилкинсон, У. МакГафи, Л.Д. Снайдер, Д. ван дер Мулл, М. Мелко, С. Блаха, Ш. Ито, Л. Фархат-Хольцман, Д. Фернандес-Морера, Э. Тарговски и др.), то мы увидим в них ряд межконцептуальных методологических и контентных аналогий, свидетельствующих не только об определенной конкуренции, но и интеграции раз-

личных подходов в макроисторическом и макросоциологическом исследовании.

Так, Л.Д. Снайдер, используя термин «культур-системы» (налицо определенная аналогия с «мир-системами» И. Валлерстайна), представляет их как сообщества, находящиеся в постоянном процессе сохранения собственной целостности и целостности единых поведенческих образцов от внутренней дезинтеграции и внешних вызовов, и адаптирующие собственные структуры к изменяющимся историческим обстоятельствам [4; Р. 84-85].

Японский исследователь Ш. Ито утверждает, что ни евроцентристская точка зрения, рассматривающая незападные общества как периферию, ни точка зрения, связанная с упрощенными мультицивилизационными подходами, без усмотрения какой-либо логики во взаимодействии цивилизаций не являются достаточными в качестве парадигмы сравнительного изучения цивилизаций. Цивилизации не развивались изолированно, но подвергались, как единое целое, нескольким великим трансформациям, причем не местным, а глобальным. Это «Антропная революция», «Аграрная революция», «Городская революция», «Осевая революция» и «Научная революция» (включает научную, промышленную и информационную стадии), которые раньше или позже произошли (и происходят сейчас) во всех культурно-цивилизационных регионах [5; С. 346-347]. Налицо попытка Ш. Ито объединить цивилизационный подход и концепцию волнового развития Э. Тоффлера.

М. Мелко определяет цивилизации как большие сообщества, обладающие определенной степенью автономии и внутренней интеграции, сельскохозяйственной экономикой, религией, стратификацией, военной инфраструктурой, наличием городов и центрального правительства, письменности или какого-либо другого метода ведения долгосрочного учета. Цивилизации складываются из множества интегрированных «систем» — региональных и провинциальных систем управляемых сельскохозяйственных и промышленных регионов, каждый из ко-

торых, в свою очередь, подразделяется на более мелкие [6; С. 310-311]. С другой стороны, цивилизации могут рассматриваться как состоящие из «паттернов» – систем искусства, философии, религии, которые также распадаются на различные школы и движения. Эти паттерны являются механизмами, которые задают отношение частей между собой и их отношение к цивилизации как целому, тогда как системы обладают неким изначальным единством. М. Мелко сравнивает «системы» с детскими строительными кубиками, а паттерны – с нитями тканого ковра [6; С. 311].

Д. Улкинсон, определивший цивилизацию как город-государство, города-государства или урбанистические государства, тесно связанные в военно-политическую сеть и не являющиеся частью чего-либо большего, чем такая сеть [4; Р. 85], исходит из того, что краеугольным камнем цивилизационной теории должно стать понятие Центральной цивилизации. Центральная цивилизация, появившаяся на Ближнем Востоке около 3500 лет назад и выросшая до глобального масштаба в настоящее время (некий аналог «всемирной цивилизации» Р. Уэскотта и Мир-системы А.Г. Франка), показывает долговременную тенденцию устойчивого географического и демографического расширения, несмотря на множество локальных спадов. Центральная цивилизация – это основная общность, к которой должны применяться теории классового общества, социальной системы, мировой экономики и мир-системы [7; С. 422].

Наконец, нынешний президент ISCS С. Э. Тарговски в попытке дать интегрированное видение определяет цивилизацию как «большое сообщество, живущее в автономной реальности с нечеткими, размытыми границами. Это сообщество не является частью ничего большего и существует длительный период времени. Оно специализируется на определенных видах производства и отличается от других цивилизаций собственной культурной системой, формируемой в комплексе городской, сельскохозяйственной, промышленной и

информационной инфраструктуры благодаря коммуникации, религии, богатству и власти. Цивилизация развивается в цикле возникновения, роста, стагнации и упадка» [4; Р. 94]. Это стремление к интеграции не только в рамках цивилизационного подхода, но и в контексте теории волн и мир-системного анализа, еще более ярко проявляется в предложенной им классификации цивилизаций (в соответствии с рисунком) [4; Р. 95].

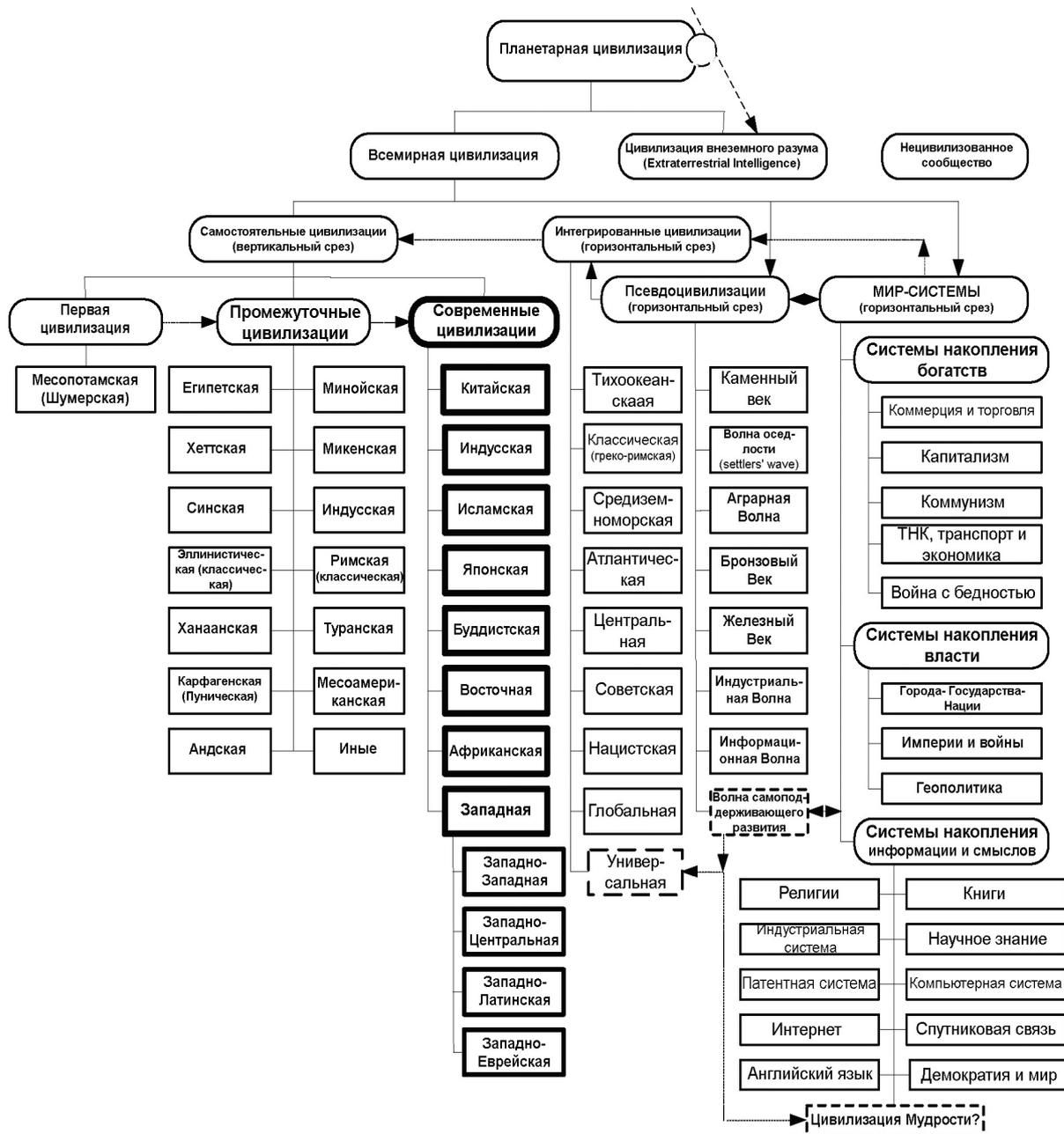
Из приведенного анализа мы видим, что в ISCS осуществляется дальнейшее развитие методологических оснований, заложенных А. Тойнби, П. Сорокиным, С. Хантингтоном, К. Куигли, В. Каволисом и другими исследователями. В рамках данного научно-философского сообщества диагностируется устойчивое стремление к интеграции различных методологических программ исследования цивилизационного развития и построению интегрированной структурно-диахронической модели социокультурной динамики, включающей элементы теории мир-систем и теории волн развития.

Наряду с эвристической значимостью предложенной модели следует отметить ее определенную эклектичность и «размытость» методологического обоснования, что приводит к проблеме затрудненной экспликации внутренних логических и функциональных связей между ее уровнями и элементами.

Представляется, что одним из перспективных направлений методологической интеграции в отечественной социальной философии и макросоциологии станет развитие системных концептуальных моделей цивилизационной реальности как результата интерпретации моноаспектных методологических программ *в контексте системно-синергетического подхода*, для чего имеются весомые основания. Такими основаниями, в частности, являются, во-первых, трактовка цивилизации как особого способа адаптации человеческого сообщества к внешней среде (А. Тойнби, Л. Гумилев, А. Назаретян, Н. Моисеев, Н. Розов и др.), во-вторых, иерархическая ор-

ганизация цивилизационных образований (П. Сорокин, Л. Гумилев, Н. Розов, С. Глазьев, Р. Уэскотт, М. Мелко, Э. Тарговски и др.), и в-третьих, многоуровневый цик-

лизм цивилизационной динамики, который расценивается рядом авторов как отражение процессов самоорганизации цивилизационной системы [8-9].

Классификация цивилизаций (Э. Тарговски, 2008 г.)

Литература

1. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС. – 1997. – 444 с.
2. Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск, 2009. – 412 с.

3. The ISCSC Newsletter. Winter 2009. – Vol. 49. – №.1.
4. Targowski A. Towards a Composite Definition and Classification of Civilization. – *Comparative Civilizations Review*, 2009. – №.60. – P. 79-98.
5. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // *Время мира: Альманах.* – Вып. 2. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 345-354.
6. Мелко М. Природа цивилизаций // *Время мира: Альманах.* – Вып. 2. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 306-327.
7. Уилкинсон Д. Центральная цивилизация // *Время мира: Альманах.* – Вып. 2. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 397-423.
8. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. – М.: ЛКИ, 2008. – 232 с.
9. Дороженский А.В. Социодинамика техногенной цивилизации. – Мн.: НТООО «ТетраСистемс». – 1996. – 84 с.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Дороженский А.В., канд. филос. наук, декан экономического факультета, Полесский государственный университет, г. Пинск, Беларусь
andydar@yandex.ru

A. Dorogenski, Candidate of Philosophical Sciences,
Dean of Economic Faculty

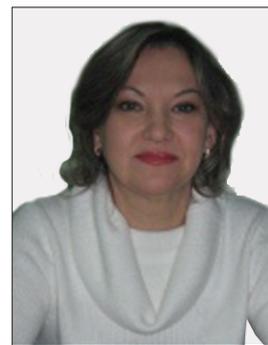
Научные интересы: методология цивилизационных исследований

Scientific interests: methodology of civilized studies

УДК 316:1

Журавлёва Ирина Александровна
Irina Zhuravleva

К ПРОБЛЕМЕ ДЕМАРКАЦИИ МЕЖДУ КОНЦЕПЦИЯМИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА, ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

TO A DEMARCATION PROBLEM BETWEEN CONCEPTS OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY, INFORMATION SOCIETY AND SOCIETY OF KNOWLEDGE IN THE MODERN SOCIAL THEORY

Представлен опыт социально-философской рефлексии проблемы демаркации между теориями постиндустриального и информационного общества и концепции общества знаний. Рассматриваются позиции зарубежных и отечественных исследователей в отношении концептуальной последовательности и терминологической определённости указанных теоретических конструкций

Ключевые слова: социальная теория, постиндустриальное общество, информационное общество, общество знаний

In the article philosophical problem of distinguishing the theory of postindustrial society, information society theory and the concept of knowledge society are considered. The author envisages the position of foreign and domestic research on the relation of these theories, the conceptual consistency

Key words: social theory, postindustrial society, information society, knowledge society

В условиях современных трансформаций вопрос о сущности нового этапа общественного развития является одним из важнейших вопросов социальной теории. Его отличительная особенность заключается в том, что информация и знания выступают в новой для них роли системообразующих ценностей, определяющих суть всех происходящих изменений, переходных состояний в отношениях, связях, структуре современного общества. Все более интенсивно развиваются процессы, в которых знания играют ключевую роль: формируется экономика, основанная на знаниях, связанная с «интеллектуализацией» используемых технологий и доминированием на рынке интеллектуальных товаров и услуг; происходит изменение социальной структуры общества, вызванное ростом количества

занятых в сфере услуг; совершенствуются формы организации науки; обновляется образовательная система. Трансформация социального порядка, возникающая под воздействием знаний, формулирует современные вызовы социальной теории, обусловленные необходимостью обобщения новых эмпирических данных и экстраполяции выявленных трендов.

В последние годы в дискуссиях о сути происходящих социальных трансформаций и новых стратегиях цивилизационного развития отчётливо проявляется тенденция к интеграции исследовательских поисков вокруг проблемы возникающего общества, основанного на знаниях. Появляются теории, свидетельствующие о смещении акцента в построении прогнозов будущей социальной реальности: «...с технических компонен-

тов на исследование программных аспектов сложных систем и информационных потоков в этих системах, замыкающихся на человеческом компоненте» [1; С. 37]. В современной социальной теории наметился переход от известных концепций постиндустриального, информационного общества к исследованию природы социального пространства общества знаний, комплексная и дисперсная природа которого требует новых подходов.

Проблема демаркации указанных теоретических конструктов представляется нам важной философской проблемой, решение которой будет способствовать осознанию сущности возникающей новой социальной реальности. Сложность поставленной задачи определяется целым комплексом факторов, связанных, в первую очередь, с идентификацией новых социальных феноменов, выявлением их роли в современном мире. Значение концептуальных моделей будущего общества определяется возможностями эффективной рефлексии современного состояния социума, осуществляемой на основе осмысления складывающихся тенденций. Однако динамика современных процессов, их противоречивый и непредсказуемый характер не позволяют адекватно идентифицировать наличное состояние общества, понять, действительно ли появилось нечто, кардинально меняющее социальный порядок, что позволяет говорить о качественно новом этапе развития общества. Эта проблема связана с отсутствием в современной социальной теории единой позиции относительно критериев определения состояния социума, что, в полной мере, относится к теориям постиндустриального и информационного общества, прочно укоренившимся в социальной теории, и концепции общества, основанного на знании, растущая актуальность которой только ставит перед научным сообществом вопрос о её социологическом и философском статусе. Проблема демаркации указанных теоретических конструктов обусловлена их несомненной преемственностью, состоящей в общности методологических принципов позитивистской философии. Общая мето-

дологическая основа создаёт определённое затруднение самостоятельной экспликации определяющих идей указанных теорий. Однако, по мнению Д.В. Ефременко: «...нет непреодолимых преград, позволяющих бесповоротно отделить концепцию общества знания от других теорий. А те перегородки, которые возводятся различными теоретиками, создают впечатление временных и легко преодолимых сооружений» [2; С. 77]. Не будучи так категоричными в отношении «лёгкости» разрешения, на наш взгляд, непростой методологической проблемы демаркации между указанными теориями социальных трансформаций, мы согласимся с позицией уважаемого учёного, исходя из сущностных характеристик феномена общества знаний, на наш взгляд, отличающихся от характеристик постиндустриального и информационного общества.

Именно поэтому в центре нашего внимания стоит вопрос о содержательных полях концептов «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний», а также адекватности их использования для характеристики современного этапа общественного развития. В связи с чем мы считаем необходимым представить основные исследовательские позиции по поводу соотношения указанных понятий и актуализирующих их теорий.

Как показывает анализ научной литературы, некоторые исследователи стремятся провести четкое разграничение между концепциями постиндустриального общества, информационного общества и общества знаний или даже противопоставить их, что кажется нам ошибочным. Подавляющее же большинство исследователей, говорят о том, что они: «...представляют собой родственные теоретические построения, основанные на уверенности в том, что качественные социальные трансформации в современном мире неразрывно связаны с новой ролью информации и знания» [2; С. 77]. «Внутри этой большой семьи теоретических конструкций» (выражение Д.В. Ефременко) чаще всего исследователи не противопоставляют, а сопоставляют понятия «постиндустриальное общество» и «инфор-

мационное общество»; «информационное общество» и «общество знаний».

В первом случае ученые по-разному решают этот вопрос, обобщённо представить спектр исследовательских позиций можно, условно разделив их на группы.

Первая группа исследователей рассматривает информационное общество в качестве синонима постиндустриального общества. Так, например, американский писатель, футуролог Дж. Несбит, один из авторов известной книги «Мегатренды» («Megatrends» 1982) в числе десяти новых мегатрендов, т.е. глобальных тенденций современности, определил переход от индустриального общества к информационному, исходя из того, что «постиндустриальное общество – это информационное общество» [3]. Подобной позиции придерживается украинский учёный Л.Г. Мельник, использующий эти понятия как тождественные. С точки зрения характеристики социально-экономических отношений, предложенной отечественными исследователями Д. Суслым и Ю. Цариком, информационное общество практически не отличается от постиндустриального [4].

Часть исследователей считает, что информационное общество – это одна из разновидностей постиндустриального общества. Так, Р.С. Меликян «в качестве главного фактора общественного развития «информационное общество» рассматривает как производство и использование научно-технической информации. Концепция «информационного общества» является разновидностью теории постиндустриального общества» [5; С. 55].

Пожалуй, самой многочисленной является группа исследователей, рассматривающих информационное общество как один из этапов развития постиндустриального общества, а концепцию информационного общества как составную часть постиндустриальной теории. Такую позицию сформулировал сам основатель постиндустриализма Дэниел Белл. В его концепции выражение «информационное общество» является новым названием для постиндустриального общества: «...подчеркивающее

не его положение в последовательности ступеней общественного развития – после индустриального общества, – основу определения его социальной структуры – информацию» [6; С. 32]. Таким образом, информационное общество рассматривается Д. Беллом как развитие постиндустриального общества и, соответственно, теории информационного общества являются логическим продолжением теорий постиндустриализма. На преемственность концепций постиндустриального и информационного общества указывают японский учёный Е. Масуда, известный критик теории информационного общества Ф. Уэбстер. Среди современных отечественных исследователей такую позицию разделяет В.Л. Иноземцев, И.Ю. Алексеева, А.В. Костина, А.В. Чугунов и др. По мнению В.Л. Иноземцева, концепция информационного общества может и должна рассматриваться как составная часть постиндустриальной теории, т.к. она в силу ее излишней замкнутости на технологических проблемах развития общественного производства вряд ли могла претендовать на характер целостной социальной теории, какой представляется нам теория постиндустриализма [7; С. 39].

Многочисленную группу представляют исследователи, выводящие информационное общество за рамки постиндустриального общества, представляя его в качестве новой ступени общественного прогресса, идущей на смену постиндустриальному обществу – Г. Бехманн, И.С. Мелюхин, А. Лазаревич и др. Так, известный немецкий философ, социолог Г. Бехманн говорит о том, что: «... для Белла главную роль в обществе играет не социальный контроль, например, в виде создания института социальной оценки, а научное информирование и подготовка решений, призванных обеспечить максимизацию прибыли, конкурентоспособность и т.д. При таком расширении информационное общество понимается более не как постиндустриальное, а как информатизированное промышленное общество, детерминированное рыночной экономикой» [1; С. 108]. Известный российский философ И.С. Мелюхин согласен с тем, что концеп-

ция информационного общества может рассматриваться как новая ступень эволюции человеческой цивилизации, новая фаза общественного развития. А. Лазаревич рассматривает теории постиндустриализма и информационного общества как разные сценарии общественного развития. По его мнению: «Постиндустриальная концепция строится на основе широкой реализации возможностей третичного сектора хозяйственной и социально-культурной деятельности. Информационное же общество следует рассматривать через призму активизации так называемого четвертичного сектора — информационного» [8].

В отдельности все названные позиции страдают одномерностью и имеют уязвимые стороны. Мы разделяем позицию исследователей, которые полагают, что более плодотворным является подход к пониманию природы современного общества на основе диалектического синтеза двух последних позиций. По мнению В.Л. Павлова, это обусловлено тем, что «... развитые страны мира, достигнув уровня постиндустриальности, свое дальнейшее развитие связывают, прежде всего, с производством и использованием информации» [9; С. 79].

Рассматривая соотношение теоретических конструктов общества знаний и информационного общества, отметим большую согласованность исследовательских позиций. Можно констатировать, что, несмотря на отдельные попытки как их отождествления, так и противопоставления, научное сообщество исходит из того, что информационное общество несет в себе начальные формы формирующегося общества знания. В одном из международных аналитических документов ЮНЕСКО, позиция которого предусматривает продвижение концепции обществ знания, а не мирового информационного общества, заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации г-н Абдул Вахид Хан характеризует эти два понятия как взаимодополняющие, говоря о том, что: «... информационное общество является функциональным блоком общества знаний.

Концепция информационного обще-

ства связана с идеей технологических инноваций, а концепция общества знаний охватывает социальные, культурные, экономические, политические, экономико-правовые аспекты преобразований, а также более плюралистический, связанный с развитием, взгляд на будущее» [10; С. 23-24]. Многие зарубежные и отечественные учёные исходят из неразрывной связи сосуществования этих двух типов обществ в один и тот же исторический период и преемственности теории информационного общества и концепции общества знаний. Так, для Г. Бехманна, концепция общества знаний является одной из современных интерпретаций информационного общества. Аналогичные позиции сформированы и в российском теоретическом дискурсе. Известные отечественные учёные А.И. Ракитов, Д.В. Ефременко рассматривают идею общества знаний в качестве усиленной версии информационного общества [2]. Российский философ К.Х. Делокаров полагает, что сущностно общество знаний не отличается от информационного общества: «...поскольку и для того, и для другого конституирующим фактором является знание» [2; С. 18-19], а их программы имеют общую теоретическую основу. По мнению ведущего научного сотрудника Института философии РАН И.Ю. Алексеевой, сами понятия общества знаний и информационное общество являются родственными, но, вместе с тем, не тождественными. «Общество знаний видится как стадия социально-экономического развития, почти достигнутая передовыми странами и обретающая черты более отдалённого, но не менее желанного будущего для тех, кто отстал в мировой технологической гонке» [6; С. 9].

Таков общий «идеологический» контекст, или набор пресуппозиций, на фоне которых происходит новая постиндустриальная социально-экономическая организация социума.

Наша позиция состоит в признании преемственности рассматриваемых теоретических конструктов. В самом широком понятийном и историческом смысле современное общество мы называем «постиндус-

триальным», понимая непосредственно ту ступень в лестнице общественного развития («после индустриального»), на которую вступило человечество. Это состояние мы разделили бы на два этапа, или, если выразиться более социентально — на две эпохи: эпоху информационную (информационного общества) и эпоху знаний (общества знаний).

Таким образом, анализ различных трактовок соотношения понятий общества

знаний с понятиями информационного общества и постиндустриального общества, проблемы их концептуальной последовательности, специфики и перспектив развития позволил выявить общий легитимирующий контекст, включающий западный и отечественный социально-философский дискурс, который отражает основные точки притяжения исследовательского интереса и общее содержание формирующегося социального порядка.

Литература

1. Бехманн Готтхард. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний: пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. — М.: Логос, 2010. — 248 с.
2. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко. — М., 2010. — 234 с.
3. Несбит Дж. Мегатренды; пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: АСТ Ермак, 2003. — 384 с.
4. Суслов Д., Царик Ю. Информационное общество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/print/1566/>.
5. Меликян Р.С. Концептуальные основания информационного общества: проблемы и перспективы // Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки). — № 2 (5). — Ер.: РАУ, 2007. — С. 68-75.
6. Алексеева И.Ю. Что такое общество знаний? — М.: Когито-Центр, 2009. — 96 с.
7. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
8. Лазаревич А. Наука в постиндустриальном обществе // Наука и инновации 12(82), 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://innosfera.org/node/603>.
9. Павлов В.Л. Особенности информационного общества // Философия и социальные науки. — № 1. — М., 2010. — С. 77-83.
10. На пути к обществам знаний: Интервью с заместителем Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации г-ном А.В. Ханом // Наука в информационном обществе: Информационное издание / Сост. Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. — СПб., 2004. — С. 22-26.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Журавлёва И.А., канд. филос. наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики института социальных наук, Иркутский государственный университет (ИрГУ)
irlend@mail.ru

I. Zhuravleva, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Irkutsk State University (ISU)

Научные интересы: социальное прогнозирование, философия науки, философия образования, социология управления

Scientific interests: social philosophy

УДК: 316.42:323:327(510)

Кучинская Татьяна Николаевна
Tatiana Kuchinskaya

ОТКРЫТЫЙ ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

OPENED BORDER REGIONALISM IN CHINA'S GLOBAL STRATEGY: LESSONS FOR RUSSIA

Рассматривается сущность и специфика открытого приграничного регионализма как инструмента глобальной стратегии КНР. Дан анализ форм и институциональных механизмов китайского приграничного регионализма, показана его роль в трансграничном взаимодействии с приграничными регионами России

Ключевые слова: приграничный регионализм, приграничные регионы, глобальная стратегия КНР, российско-китайское межрегиональное взаимодействие

The essence and features of opened border regionalism as an instrument of PRC's global strategy are examined in the article. The author analyzes the forms and institutional mechanisms of Chinese border regionalism and its role in cross-border cooperation with Russian neighboring regions

Key words: border regionalism; border region, PRC's global strategy, Russian-Chinese cross-border cooperation

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (государственный контракт № 02.740.11.0363)

Современный глобальный мир, подверженный последствиям мирового финансово-экономического, социального, экологического кризиса, характеризуется интенсификацией и масштабностью распространения проблем, которые создают угрозы не только для отдельных государств, но и устойчивому развитию человечества в целом. Решение глобальных кризисных проблем осуществляется, с одной стороны, усилением и укреплением социально-культурных, финансовых, экономических, политических связей в международных отношениях. С другой стороны, усилением

процессов регионализации, проявляющихся в интегративности, локализме, самодостаточности, самобытности и исключительности региональных проявлений.

На КНР мировой финансово-экономический кризис оказал значительное влияние. Но, по мнению большинства экспертов [4; 12], влияние кризиса на экономику Китая мало и меры, предпринимаемые китайским руководством в борьбе с его последствиями, эффективнее в сравнении с реалиями экономик ряда западных стран, что в очередной раз демонстрирует жизнеспособность и силу китайской экономической системы и системы управления в условиях глобальной трансформации мировой системы. *«Мировой финансовый кризис не заставит Китай проводить политику закрытых дверей и вернуться на путь плановой экономики. Китай будет стремиться «обратить кризис в шанс» и ответит на вызовы углублени-*

ем реформ и расширением открытости» [12].

Положительный опыт КНР в антикризисном регулировании экономики и реализации антикризисных программ развития актуализирует необходимость исследования специфики открытого китайского регионализма, обуславливающего в том числе и особый характер социально-политических и социокультурных механизмов реализации внутрирегиональных и глобальных стратегий развития Китая в современных условиях. Объектом данного исследования выступает открытый приграничный регионализм как один из инструментов глобальной стратегии КНР, реализующейся посредством расширения и усовершенствования международных и межрегиональных связей в рамках политики открытости и «выхода вовне».

Сущность *нового открытого китайского регионализма* в современном глобализирующемся мире заключается в обеспечении международного и регионального окружения, благоприятного для дальнейшего мирного гармоничного развития и устойчивого роста КНР. Парадигма нового китайского регионализма предполагает создание «китайского регионального порядка», так называемого регионального сообщества Pan-Sinica посредством таких мирных механизмов, как экономические, идеологические, политические и культурные стратегии развития. Так, провозглашенная китайским правительством в 1999 г. стратегия «выхода вовне» (*Zhōuchūqū*, или в англ. *Chinese «Go Global» («Go Out») Strategy*) реализуется посредством расширения и интенсификации международного и межрегионального взаимодействия и открытости внешнему миру. Стратегия «выхода вовне» первоначально была направлена на стимулирование инвестиционной деятельности национальных предприятий, привлечение зарубежных инвестиций и активное освоение ресурсов за рубежом, подключение их к экономическому развитию Китая. На сегодняшний день цели и инструменты политики «выхода вовне» КНР значительно расширились, включив набор не только

экономических, но и политических, дипломатических, идеологических и социокультурных механизмов китайской региональной политики.

Китайский приграничный регионализм реализуется через механизм расширения и диверсификации форм приграничного сотрудничества в рамках политики «реформ и открытости», политики «выхода вовне», программы построения «приграничного пояса открытости», региональных программ «освоения западных регионов», программ «подъема и процветания старопромышленной базы» Северо-Восточных регионов КНР, программ конструирования экономических, транспортных и культурных приграничных коридоров и др.

«Приграничный пояс открытости» — это комплексная система, включающая столицы приграничных провинций и функционирующие в них разнообразные зоны экономического развития; приграничные открытые города и созданные в них зоны приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС); «открытые порты» и торговые зоны Хуши [7; С. 37].

Особое внимание на развитие приграничных регионов правительство КНР обратило в период 1965-1976 гг. в свете идей укрепления обороноспособности страны в период ухудшения отношений с ведущими мировыми державами. Позже в рамках политики реформ и открытости в 1979 г. первыми получили право реализовать политику «открытости внешнему миру» провинции Юго-Восточного региона страны — Фуцзянь и Гуаньтун. Их успешный опыт распространился и в других регионах страны. В 1980 г. созданы четыре свободные экономические зоны (СЭЗ) на Юго-Востоке, в 1984 г. открыты для иностранного капитала 14 портовых городов, в 1985 г. учреждены специальные районы технико-экономического развития.

По замыслам китайского руководства, особые экономические районы и приграничные города, «соединяясь по морскому побережью в одну линию», должны образовывать «переднюю полосу, открытую для внешнего мира» и, таким образом, будет ус-

корено не только экономическое развитие приморских регионов, но и осуществлено «подтягивание» внутренних регионов путем «заимствования передовых достижений техники, распространения опыта научного управления, передачи экономической информации, подготовки кадров и т.п.» [5].

Цели проекта строительства «приграничного пояса открытости» были реализованы быстро. Однако конструктивные результаты распространились лишь на приморские регионы. Уже в 1986 г. на восточные приморские провинции и города центрального подчинения (Фуцзянь, Гуандун, Хэбэй, Цзянсу, Ляонин, Шаньдун, Пекин, Шанхай и Тяньцзинь) приходилось 75,5 % экспорта, в них генерировалось 50 % ВРП (при 37,5 % населения), и доля экспорта в формировании ВРП составляла 13 %. Однако «подтягивание» внутренних и окраинных регионов не состоялось, региональные диспропорции в развитии КНР усилились.

Реформаторская деятельность по строительству «приграничного пояса открытости» в ареале приграничных территорий Северо-Восточного, Северного и Юго-Западного и Северо-Западного регионов КНР вновь активизировалась в начале 90-х гг. XX в. В приграничных регионах были созданы разнообразные зоны с особыми режимами управления, которые различались:

1) по подчинению – национального и регионального класса;

2) по типам – приграничные (размещены в приграничных городах) и внутренние (расположены в столицах провинций, а также в некоторых ключевых городах);

3) по функциям – промышленные, экономической кооперации, экономического развития, торговые, развития высоких технологий и техники, туристские, универсальные [7; С. 39].

Например, в провинции Хэйлунцзян в 1994 г. учреждена 21 зона развития, в том числе 4 зоны национального класса (2 зоны приграничного экономического сотрудничества, 2 зоны развития высоких технологий и техники), 17 – регионального класса (6 зон экономического развития, 10 зон приграничного сотрудничества и 1 – инвес-

тиционного развития). К 2006 г. общее количество специальных зон составило 41.

В целом же работа по созданию «приграничного пояса открытости» включает формирование благоприятного внешнеполитического климата, разрешение пограничных вопросов, подписание договоров и соглашений о системе контроля границ, установления взаимного доверия.

Основные институциональные механизмы создания «пригранично пояса открытости» заключались в следующем:

1) возобновлено функционирование *открытых портов* (таможен), не действовавших в период изоляции Китая, создано большое количество новых;

2) при «открытых портах» стали создавать *приграничные торговые зоны*;

3) выборочным населенным пунктам, расположенным вдоль границ, присвоен статус «*приграничных открытых городов*»;

4) статус открытых для привлечения иностранных инвестиций получили столицы приграничных провинций;

5) во всех открытых городах учреждены *зоны экономического сотрудничества* (различные по функциям и подчинению).

Открытые порты КНР. Термин «открытый порт» применяется для обозначения морских портов, аэропортов, станций и сухопутных мест пересечения государственной границы гражданами, товарами или транспортными средствами, которые используются для въезда в страну или выезда из страны. Китайские открытые порты могут быть классифицированы по разным критериям:

1) по системе управления: национальные порты первого класса (подчиняются центральным или – реже – провинциальным властям) и порты второго класса (находятся в ведении провинциальных властей, властей автономных районов или городов);

2) по наличию и типу транспортных магистралей: железнодорожные, автомобильные, авиационные, речные или морские;

3) по специализации, зависящей от

местоположения: приграничные, приморские, внутренние;

4) по выполняемым функциям: локальные (обслуживающие преимущественно приграничную торговлю), региональные (с нагрузкой, обеспечивающей торговлю внутри одного макрорегиона, например, страны Центральной Азии) и международные (через которые проходят глобальные товарные потоки).

Например, согласно оценкам китайских специалистов, в Северо-Восточном регионе КНР из 37 открытых портов международные функции выполняют 5 и 1 – региональные.

Выделяют *три типа приграничных зон* [14]:

– первый тип – *торговые зоны с пересечением границы* (торговые зоны Хуши) (ТЗПГ, впервые введены в 1996 г., открыты более чем в 90 населенных пунктах; должны устанавливаться в приграничных районах – не более 20 км от границы; их образование должно быть одобрено со стороны народного правительства провинции (если их образование связано с дипломатическими или военными вопросами, то необходимо одобрение Госсовета КНР); деятельность зоны контролируется таможен; каждый приграничный житель может пользоваться освобождением от налогов согласно квоте, чтобы иметь возможность покупать предметы первой необходимости);

– второй тип – *пограничная торговая зона с особым режимом управления* (ПТЗ, первая создана в 2000 г. Основным их отличием является то, что таможен не только не требует виз, но и не контролирует виды и объемы товара, который реализуется внутри зоны. Торговать на территории зоны имеют возможность любые предприятия обоих государств, основная функция этого типа зон состоит в продвижении «беспошлинной торговли» для предприятий);

– третий тип – *зоны приграничного экономического сотрудничества* (ЗПЭС, созданы в 1992 г. Правительство каждой провинции утверждает пакет льгот, которые включают возможность ввоза машин, оборудования и других материалов для

формирования инфраструктуры в пределах ЗПЭС; льготы по уплате НДС, подоходного и других налогов; льготы по импорту/экспорту товаров, необходимых для функционирования предприятия ЗПЭС или произведенных в ЗПЭС).

Задачу «подтягивания» приграничных регионов до уровня приморских провинций Китая проводимые реформы, в т.ч. «политика открытых дверей», не выполнили ввиду ряда географических, природно-климатических, геополитических и социально-экономических факторов. Однако работа в данном направлении продолжается.

Наиболее яркими примерами международного сотрудничества по трансграничному регионостроительству в современном Китае являются программы формирования крупных трансграничных субрегионов страны – проекты «Большой Туманган» и «Большой Меконг».

Субрегион «Большой Меконг» (*The Greater Mekong Subregional Economic Zone GMS, 2004 г.*) [15] представляет собой так называемую «шестистороннюю зону экономического сотрудничества». Проект создания зоны инициирован Азиатским банком развития (ADB) в 1992 г. Основная цель трансграничной зоны, согласно концепции проекта – совместное освоение природных ресурсов и развитие инфраструктуры. Субрегион «Большой Меконг» включает приграничные регионы 6 стран в территориальном ареале р. Меконг: Таиланд, Вьетнам, Лаос (Лаосская Народно-Демократическая Республика, ЛНДР), Мьянма, Камбоджа и КНР (пров. Юньнань) [13, Р. 26].

Первые попытки реализации экономических проектов в рамках политики «реформ и открытости» в пров. Юньнань, КНР начались в 1984 г., когда здесь были открыты 27 торговых приграничных зон. Это было началом политики Китая по формированию экономических связей материкового Китая со странами региона Юго-Восточной Азии.

Кроме того, содействие сотрудничеству в рамках региона «Большой Меконг» совпало с планом по развитию Западных регионов КНР, что отразилось в национальной

стратегии, начатой в 2000 г. Особое значение в проекте уделено стратегии развития приграничных городов КНР. Пров. Юньнань, КНР имеет границу с Мьянмой, Лосом и Вьетнамом общей протяженностью 4007 км. Этот регион играет важную роль в развитии приграничной торговли и привлечении иностранных инвестиций. С 1992 г. на территории провинции было создано 17 приграничных городов (*коуши*) и 92 пункта пропуска — национального и провинциального уровней. В целом, международный трансграничный проект «Большой Меконг» предусматривает возможность продвижения пров. Юньнань в качестве «шлюза» для сотрудничества со странами ЮВА и «локомотива» социально-экономического развития окраинных регионов Юго-Западного Китая.

Субрегион «Большой Туманган» (The Greater Tumen Initiative, GTI) (Первоначально известный Проект развития р. Туманная (ПРРТ), 1988 г.) представляет собой межправительственный механизм сотрудничества в Северо-Восточной Азии, при поддержке Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) [16].

Странами-участницами программы являются Корейская Народно-Демократическая Республика, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Республика Монголия и Республика Корея. Кроме стран-участниц, в программе ограниченное участие могут принимать страны или организации-наблюдатели. В этом качестве выступает Япония и некоторые мировые банки (МБРР, АТБ и др.). Проект рассчитан на 20 лет (с 1995 г.) с объемом предполагаемых инвестиций в 30 млрд долл.

Первоначальная суть проекта Туманган заключалась в создании Международной специальной экономической зоны (МСЭЗ), условно названной Малый Туманган и Большой Туманган. Первый вариант охватывает территорию в 1000 км² в виде треугольника, вершины которого упираются в порт Раджин (КНДР), г. Хунчун (КНР) и порт Посьет (Россия). Второй

вариант распространяется на территорию 10000 км², границы которого расположены в треугольнике порта Чончжин (КНДР), г. Яньцзи (КНР) и Владивосток (Россия).

МСЭЗ призвана выполнять две основные функции. Первая связана с формированием транзитно-транспортного узла между Северо-Восточной Азией и Европой. Особое внимание предполагалось уделить транспортной инфраструктуре (порты, реки и ж/дороги). Вторая функция определялась задачами создания экспортноориентированной экономики внутри МСЭЗ. Предполагалось формирование производственного комплекса, включавшего как первичное производство, так и выпуск конечной продукции (прежде всего, товаров народного потребления). По мнению многих авторитетных экспертов, данная зона обладает объективными условиями превратиться в один из перспективных центров деловой активности в Восточной Азии.

В настоящий период Инициатива по инвестиционному сотрудничеству в регионе «Большой Туманган» (Greater Tumen Initiative (GTI)), принятая в 2009 г., включает территорию четырех административных единиц Северо-Востока КНР (пров. Цилинь, Хэйлуцзянь, Ляонин и Автономный район Внутренняя Монголия), Раджин-Сонбонской торгово-экономической зоны КНДР, восточных провинций Монголии, городов-портов восточной части Республики Корея и Приморского края РФ [17].

Программа предоставляет уникальные возможности для трансграничного экономического взаимодействия, расширения и диверсификации экономического сотрудничества, урегулирования политических отношений и стабильности в регионе Северо-Восточной Азии.

Приграничное сотрудничество России и Китая в конце XX — начале XXI вв. стало неотъемлемой частью внешней политики двух стран. Приграничная торговля, совместная производственная деятельность, сотрудничество в области трудовых ресурсов, специализация и кооперирование производства, совместное строительство транспортной инфраструктуры, межре-

гиональные программы гуманитарного и культурного сотрудничества имеют большое значение для развития приграничных территорий двух стран.

Наиболее значимыми в этом плане являются четыре пары приграничных городов на границе Северо-Восточного региона КНР и Юго-Восточного региона РФ. Это Хайхэ (Хэйлунцзян, КНР) – Благовещенск (Амурская область, РФ); Суйфэньхэ (Хэйлунцзян, Китай) – Хабаровск (Хабаровский край, РФ); Хуньчунь (Цзилинь, КНР) – Владивосток (Приморский край, РФ) и Маньчжурия (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) – Чита (Забайкальский край, РФ).

Остановимся подробнее на региональной паре Маньчжурия (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) – Чита (Забайкальский край, РФ). г. Маньчжурия является крупнейшим городом и сухопутным портом на границе Китая, России и Монголии. Развитие города осуществляется в рамках национальных региональных программ – Программы Реконструкции и развития старопромышленных баз Северо-Востока КНР и Программы развития Западного региона КНР.

На территории г. Маньчжурия функционируют две СЭЗ национального уровня:

1) *Маньчжурская зона приграничного экономического сотрудничества* создана и утверждена Госсоветом КНР в марте 1992 г. СЭЗ включает производственные зоны, торговые площади, жилые районы, административные зоны и зоны переработки импортируемых ресурсов;

2) *Маньчжурская приграничная зона российско-китайской международной торговли и туризма* разработана и утверждена Госсоветом КНР в 1992 г. в рамках национальной программы развития приграничных зон. СЭЗ включает зоны обработки экспортной продукции, комплексный промышленный парк, торговые и туристические зоны.

В будущем г. Маньчжурия рассматривается правительством КНР как один из ключевых портов «Первого континентального моста Евразии» и «цивилизацион-

ный порт общегосударственного значения» [18].

Что касается российских приграничных территорий Юго-Восточного региона, то ослабление экономических и культурных связей в системе «центр-периферия», утрата геополитических ориентиров или их раздвоенный характер, размывание основ самоидентификации – духовно-цивилизационного самосознания многих россиян привело к разнобою в определении приоритетов межрегионального приграничного взаимодействия и как следствие – ослаблению их роли и участия в трансграничном региональном строительстве.

Первые шаги в попытке исправить ситуацию, сложившуюся на территории российско-китайского приграничья, обозначены в ряде программ национального и регионального уровня:

1) Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.) [6];

2) «Стратегия развития Дальнего востока, Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия до 2025 г.» [8];

3) «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» [9];

4) Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.» [11];

5) «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г.» [10];

6) «Стратегические направления развития Забайкальского края на период 2025 г. и программа социально-экономического развития края на 2010-2014 гг.» [2].

Однако анализ данных программ на предмет корреляции развития приграничных территорий РФ и КНР приводит ряд ученых к неоднозначным выводам о том, что «это четкое воспроизведение назначения Дальнего Востока и Восточной Сибири как сырьевой базы развития КНР. На территории Российской Федерации будет

происходить разработка целого ряда месторождений полезных ископаемых, природных ресурсов и создание инфраструктуры по экспорту этого сырья преимущественно в одном направлении – китайском. На китайской же территории, напротив, строятся промышленные предприятия, ориентированные на переработку добытых в России ресурсов» [1].

В то же время нельзя однозначно заключить, что дальнейшее расширение межрегионального сотрудничества РФ и КНР будет иметь только негативные последствия для российской стороны. Лесные и энергетические ресурсы являются важнейшей статьёй российского экспорта, китайская

рабочая сила и инвестиционные потоки играют важную роль в развитии региона, а транзитное положение предоставляет возможности для развития транспортной инфраструктуры [3]. От повышения уровня социально-экономического развития приграничных территории РФ и разработки региональными элитами эффективной региональной политики, способствующей экономическому развитию и культурному диалогу, во многом зависит реальная конфигурация трансграничного регионального пространства и превращение российско-китайского приграничного взаимодействия в потенциальный фактор соразвития приграничных территорий России и Китая.

Литература

1. Дарбалаева Д.А. Перспективы сотрудничества российского и китайского приграничья [Электронный ресурс] // Стратегические направления устойчивого развития Байкальского региона: материалы Всеросс. науч.-практич. конференции с участием иностранных ученых и экспертов, 21-22 апреля 2010 г., г. Иркутск. – Режим доступа: http://www.isea.irk.ru/files/s1/31_Darbalaeva.pdf.
2. Депутаты приступают к обсуждению законопроекта о стратегических направлениях развития Забайкалья [Электронный ресурс] // Regions.ru. Новости Федерации. – Режим доступа: <http://www.regions.ru/denie.pdf>.
3. Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Северо-Восток Китая в условиях реализации плана возрождения экономики // Пространственная экономика. – 2009. – № 2. – С. 140-158.
4. Островский А. Китайская экономика в условиях мирового финансового кризиса (уроки для России) // Федерализм. – 2010. – № 2 (58). – С. 153-160.
5. Пивоварова Э.П. Об опыте Китая «открытия внешнему миру» // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2007. – Т. 82. – С. 54-70.
6. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/04/dv-knr-programm.doc>.
7. Рыжова Н.П. Развитие окраинных регионов КНР: роль «приграничного пояса открытости» // Пространственная экономика. – 2008. – № 4. – С. 36-59.
8. Стратегия развития Дальнего востока, Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия до 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfrr.ru/docs/Vvedenie.pdf>.
9. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. от 28 декабря 2009 г. № 2094-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?NewsID=556>.
10. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. от 5 июля 2010 г. № 1120-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php#invest>.
11. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Вос-

тока и Забайкалья на период до 2013 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/fcp/programs/fcp2013>.

12. Финансовый кризис не заставит Китай снизить темпы расширения открытости внешнему миру [Электронный ресурс] // Газета «Жэньмин жибао on-line». – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/6538824.html>.

13. Chen Xiangming. Beyond the Reach of Globalization: Chinese Border Regions and Cities in Transition // Globalization and the Chinese City, ed. Fulong Wu. Routledge, 2006. – P. 21-46.

14. Geng Xengwei. Basic Facts on Various Development Zones in the Border Provinces and Regions of China [Internet resource] // Policy and Management Mechanisms for Economic Development Areas. Urumqi, Xingjiang Uygur Autonomous Region, PRC, 22-24 August. 2007]. – Access address: <http://www.adb.org>.

15. Sino-Thai strategic economic development in the Greater Mekong Subregion (1992-2003). [Internet resource] – Access address: http://goliath.ecnext.com/coms2/gi_0199-2782580/Sino-Thai-strategic-economic-development.html.

16. The Greater Tumen Initiative [Internet resource]. – Access address: <http://www.tumenprogramme.org>.

17. The Greater Tumen Initiative Investment Guide 2009 [Internet resource]. – Access address: [http://www.tumenprogramme.org/data/upload/download / GTII_investmentGuide2009part1_oZLeS3.pdf](http://www.tumenprogramme.org/data/upload/download/GTII_investmentGuide2009part1_oZLeS3.pdf).

18. Zhang Pingyu, Yanji Ma, Zhenhan Yu, 2002. Border Port Manzhouli: Urban Function and Space Development // Chinese Geographical Science. Beijing: Chinese Press. – 2002. –Vol. 12 (4): – P. 315-320.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Кучинская Т.Н., канд. полит. наук, доцент кафедры востоковедения, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
kuchinskaya_t@mail.ru

T. Kuchinskaya, Candidate of Political Sciences, Assistant professor of Oriental Studies Department, Chita State University

Научные интересы: региология, внутренняя и внешняя регионализация КНР, трансграничный регионализм, российско-китайское межрегиональное взаимодействие

Scientific interests: region studies, internal and external regionalization of PRC, trans-border regionalism, Russian-Sino interregional cooperation

Филологические науки

УДК 71.04

Дутова Наталья Валерьевна
Natalya Dutova

ГЕНДЕРНЫЕ КАРТИНЫ МИРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ГКМ

GENDER PICTURES OF THE WORLD: COMPARATIVE ANALYSIS OF WESTERN AND EASTERN GENDER WORLD PICTURE

Рассматриваются особенности Западной и Восточной гендерных картин мира в антропологическом сравнительном аспекте на примере типизированных национальных английской, русской и китайской гендерных картин мира

This article deals with some western and eastern gender picture peculiarities of the world in anthropological comparative aspect by typical national English, Russian and Chinese gender pictures of the world

Ключевые слова: гендерная картина мира, маскулинный, феминный, индивидуализм, коллективизм, дистанция власти, терпимость к неопределенности

Key words: gender picture of the world, masculine, feminine, individualism, collectivism, distance of power, tolerance towards uncertainty

В настоящее время термин «картина мира» широко используется в межкультурной коммуникации. На современном этапе развития научного знания актуальным является изучение картины мира каждого отдельного народа, т.к. «каждая цивилизация, социальная система характеризуются своим особым способом восприятия мира» [5; С. 28]. С появлением нового научного знания под названием «гендерные исследования» возник вопрос об изучении не только национальной, но и гендерной картины мира (далее – ГКМ). При этом под ГКМ подразумевается упорядоченная, непротиворечивая и внутренне связанная, структурированная совокупность существующих в обыденном сознании языковых и культурных ориентаций, ценностей, установок, идеалов, в которых находит отражение языковая и культурная дифференциация полов [8].

Данная область научного знания недостаточно изучена, отсюда значимым становится изучение картины мира с учетом национально-гендерных особенностей. Задача данной статьи рассмотреть особенности Западной и Восточной ГКМ в антропологическом сравнительном аспекте на примере английской, русской и китайской национальных ГКМ. Учитывая, что ГКМ не только национально, но и индивидуально специфична, в данном исследовании речь пойдет о типизированном поведении типизированной культурно-языковой личности в типичных национальных условиях.

Для более детального сопоставления Западной и Восточной ГКМ обратимся к параметрам измерения культур, представленной Г. Хофштеде [5; С. 39], он выделил четыре основных параметра, которые напрямую отражаются в особенностях Западной и Восточной ГКМ: мужское/женс-

кое начало; индивидуализм/коллективизм; дистанция власти; терпимость/нетерпимость к неопределенности.

Рассмотрим параметр мужское/женское начало в Западной и Восточной ГКМ. Западная и Восточная ГКМ формируются на основе гендерной типологии культур. Традиционно выделяют два гендерных типа: маскулинный и феминный, или, точнее сказать, культуры с преобладанием мужского начала и культуры с преобладанием женского начала. Кроме того, принято считать, что в западных культурах преобладает мужское начало, в восточных – женское, т.е. маскулинная ГКМ свойственна Западным культурам, а феминная – Восточным. Согласно данной теории, английская культура, будучи Западной, принадлежит к маскулинному гендерному типу, Восточная, китайская – к феминному, русскую культуру, занимающую промежуточное положение между Западом и Востоком, относят к феминному типу.

Принимая во внимание, что мужское противопоставляется женскому, приходим к выводу, что маскулинная английская ГКМ и феминные русская и китайская находятся в бинарной оппозиции. Однако русскую национальную ГКМ нельзя идентифицировать с китайской, т.к. ГКМ национально специфична и формируется под влиянием социально-культурных отношений, культурных ценностей, норм и традиций, характерных для определенной нации. То есть в культурах, принадлежащих к одному гендерному типу, можно выделить общие признаки. Однако либо степень проявления этих признаков в культурах разных наций будет различной, либо общие признаки будут иметь разные формы выражения, либо свою специфику в проявлении.

По мнению Г. Хофштеде, в культурах с мужским началом доминируют мужские ценности, они ассоциируются с амбициозностью, достижением цели, силой воли, властью денег. Представители таких культур склонны много и напряженно работать, в работе видят смысл жизни, большое значение имеет конкуренция, стремление к достижению материального успеха. Так как

английская культура относится к культурам с мужским началом, значит, это дает нам основание считать, что данные признаки характерны для английской культуры и отражаются в английской ГКМ. Действительно, англичане вошли в историю как ловкие предприниматели, энергичные и неутомимые в изобретении способов делать бизнес и богатеть. Например, благодаря англичанам, вино и коньяк из продукта, производимого для домашнего потребления, стало важным источником дохода. Однако англичан часто укоряют в отсутствии инициативы, стремления к прогрессу, желании законсервировать старое и ничего не менять.

На наш взгляд, данный факт корнями уходит в названную Кейт Фокс английскую особенность – умеренность, что означает стремление избегать крайностей, чрезмерности и напряженности любого рода [13; С. 482]. Поэтому, по словам А.В. Павлоцкой, в англичанах нет и не было той страсти к деятельности, которая изматывает, например, американцев, не позволяя им расслабляться и спокойно отдыхать. А былая предприимчивость не выходила за рамки удовлетворения собственных интересов и создания условий для комфорта [7; С. 191]. В культурах с женским началом, в нашем случае в русской и китайской, доминируют женские ценности: сочувствие к слабым, большое значение придается вопросам воспитания, духовным ценностям, теплым отношениям, например, русским нелегко переносить сенсорный голод, они нуждаются в близких контактах, во взаимопонимании, эмоционально зависят от своего окружения. Развитие феминных черт в китайской культуре напрямую связано с философией. Антропологи-лингвисты отмечают, что даже китайский язык направлен на то, чтобы приобщиться к эмоциональному состоянию. Главное – не высказать точную мысль, а передать ощущение, сопутствующее определенным словам и звуко сочетаниям [11; С. 67]. Вся культурная традиция Китая способствовала развитию таких феминных ценностей, как приверженность к семейному клану, беспрекословное подчинение старшим, эмоциональная сдержан-

ность, немногословность, стремление к гармонии, взаимопониманию, которые отразились на ГКМ.

Культурный параметр индивидуализм/коллективизм, на наш взгляд, также влияет на формирование национальной ГКМ. В основе деления культур на индивидуалистические и коллективистские лежит исторически сложившийся уровень дистанции между членами общества. В индивидуалистических культурах дистанция больше, в коллективистских — меньше. В индивидуалистической английской культуре преобладают интересы индивида, «я» стоит выше, чем «мы», индивидуальные цели важнее групповых. В коллективистских русской и китайской культурах преобладают интересы группы, здесь «мы» стоит выше, чем «я», групповые цели важнее индивидуальных. Главное отличие коллективистских русской и китайской культур от индивидуалистической английской культуры заключается в отношениях между культурно-языковыми личностями. В коллективистских русской и китайской культурах отношения между членами группы более тесные, чем в индивидуалистической английской, они строятся на основе взаимозависимости, взаимопомощи и подчинения. Такие отношения служат сохранению культурных традиций и взаимопониманию между людьми. Основной характеристикой коллективистских русской и китайской культур является то, что поведение человека зависит не столько от его личности, сколько от традиций, общепринятых стереотипов поведения, религиозных предписаний или идеологических формул. В русской культуре это проявляется в ценностной ориентации «быть как все» и выражается в рассуждениях типа: «Мы — народ» [9; С. 155].

В Китае также люди предпочитают находиться в коллективе и нести коллективную ответственность, они не стремятся к личной свободе, придают большое значение гармонии в коллективе, предпочитают равенство, стараются достичь взаимопонимания.

Представители английской, русской и китайской культур характеризуются разным восприятием «образа себя»: в индиви-

дуалистической английской культуре — это «я-образ», в коллективистских русской и китайской — «мы — образ». Любопытно, что в китайской культуре слово «я» и обозначающий его иероглиф имеет, как отмечают антропологи-лингвисты, отрицательную коннотацию; человек существует и является кем-то, если он принадлежит к какой-то группе [5; С. 325]. В английском языке, напротив, местоимение I пишется с большой буквы, что отражает значимость индивида в английской культуре. В русском языке с большой буквы пишется местоимение Вы, что свидетельствует о других ценностях и приоритетах.

Культурный параметр индивидуализм/коллективизм напрямую связан с таким фактором социальных отношений, как дистанция. Чем более индивидуалистической является культура, тем больше дистанция, разделяющая людей, и наоборот. Для англичан характерно значительное личное пространство при ограниченной тактильной коммуникации. Личное пространство человека, его право на независимость в английской культуре является той важнейшей ценностью, которая находит отражение в материальной культуре, в сознании, в характере, а также в языке и коммуникации. Для ее обозначения в английском языке имеется слово *privacy*, значение которого гораздо шире словарного перевода. Например, *to respect somebody's privacy* (словарный перевод — не нарушать чьего-либо покоя) — значит не только не приходить в гости без приглашения и не звонить в неудобное время, но и не приближаться слишком близко, не проявлять интереса к частной жизни, не касаться личных тем, не оказывать давления, не давать непрошенных советов, не делать замечаний, избегать критики, не перебивать, сдерживать свои эмоции и т.д.

Кроме того, антропологи-лингвисты указывают на взаимосвязь соблюдения дистанции с ограничением на свободное выражение эмоций, недопустимостью физического контакта, строгими предписаниями речевого этикета в английской культуре [5; С. 254]. Так, эмоциональная сдержанность

и самоконтроль вызывают уважение и симпатию окружающих. Открытое проявление чувств, особенно негативных, у англичан не приветствуется, подобное поведение считается свидетельством недостаточной зрелости, невоспитанности человека, ставит окружающих в неловкое положение. Эмоциональная сдержанность англичан касается не только отрицательных, но и положительных эмоций и распространяется на все сферы, включая семейные. Для русской культуры, где ценятся общение и солидарность, характерна близкая дистанция общения, зона приватности выражена не ярко, часто допускается «вторжение» в чужое личное пространство. Это проявляется в коммуникативной активности русских, легкости установления контакта с незнакомыми людьми, способности открыть душу незнакомому человеку. Называя русских самым общительным народом в мире, Н. Бердяев писал: «У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь...».

В средневековом Китае считалось недопустимо публично проявлять чувства, телесный контакт был ограничен строгими нравами. В целом общественное поведение китайцев имело своим фокусом семью, а главным мотивом — семейные интересы: посторонним в такой системе отношений не находилось места. Таким образом, в средневековом Китае личное пространство, при котором китаец чувствовал себя комфортно в пределах семьи, было незначительно. Однако даже в семье китаец не проявлял своих чувств, сдерживал эмоции, следовал строго нормам и традициям конфуцианства. Что касается общественной сферы, то дистанция между людьми была значительна, хотя в любом случае китайцы старались сохранить лицо и достичь гармонии в отношениях. Сейчас дистанция между людьми сократилась благодаря влиянию Запада. Современные китайцы более открыты, общительны, но эти изменения касаются, в основном, внешних проявлений культуры, не затрагивая при этом ее глубинных слоев.

Дистанция власти относится к социальному устройству общества. Индекс дистанции власти определяется тем, насколько члены общества, обладающие меньшей властью, принимают это неравенство, а члены общества, обладающие большей властью, демонстрируют свое превосходство. В Англии — стране с низким индексом дистанции власти — власть не дает особых льгот и привилегий. Ценятся образованность, идеи и личные достоинства, а не статус. В сфере социальных отношений предпочтение отдается минимизации неравенства, ее завуалированности, а также личной инициативе. Лингвисты-антропологи отмечают, что английская статусная дистанция проявляется в речи, привычках, вкусах, образе жизни, а не в социальных отношениях. Уважительное и внимательное отношение к каждому, независимо от статуса и социального положения, является важной чертой английской культуры. Даже при наличии асимметричных отношений вышестоящие не демонстрируют свою власть, а обращаются с подчиненными на равных. Подобное поведение вышестоящего к нижестоящему не понижает, а напротив, повышает его статус. В повседневном общении демонстративное подчеркивание статуса как самим его обладателем, так и его нижестоящим окружением является признаком дурного тона. В Китае и России — странах с высоким индексом дистанции власти — власть носит демонстративный характер, отношения строятся на подчинении, послушании, почитании, обязательством выполнении указаний старших. Власть дает огромное преимущество тем, кто ею обладает.

Российская государственная власть традиционно оставалась всегда сильной. В течение нескольких веков она была важнейшим компонентом культуры, что оказало влияние на русскую ментальность. Так, государственная власть всегда представлялась народу как единственная защита от врагов, гарант порядка и безопасности в обществе. Отношения власти и населения по традиции понимались как патриархально-семейные: «царь—батюшка» — глава «русского рода» и «дети государевы», обязанные

исполнять все его приказы [9; С. 165]. Подобное отношение к власти сохранилось и в сознании современных россиян.

В Китае — стране с высоким индексом дистанции власти — сложились нормы поведения каждого члена общества в зависимости от статуса. Согласно Кун Фу-цзы, основой для порядка в государстве является строгое подчинение старшим, слепое повиновение его воле, покорность и скромность. Строгая иерархия с самого рождения определяла место человека в обществе. Чувство иерархии у китайцев составляет суть гуманности [1; С. 141].

Параметр допустимость/недопустимость неопределенности заключается в том, что у каждой нации есть свой лимит неопределенности, за которым начинается чувство дискомфорта. Многие западные маскулинные культуры толерантны к неопределенности, чего не скажешь об английской. В таких культурах ценятся риск, перемена места жительства, места работы, отсутствует сентиментальная привязанность к родным местам, на первом месте — прагматические устремления. Англичане боятся перемен, суеверны, порицают невоздержанность, обуздывают свои желания. Им присуща осмотрительность, привязанность к дому, тяга к спокойной жизни. «Свой дом, своя собака, свое кресло вечером — вот идеал английского покоя» [7; С. 193]. Даже молодежь отнюдь не безрассудна и беспечна. Только 14 % молодежи — любители риска.

Представители русской и китайской культур также предпочитают стабильность, любят традиции, боятся рисковать, не любят перемен. Китайская пословица «Листья возвращаются к корням» говорит о том, что, постарев, человек должен возвращаться в родные места. Если к этому не подталкивает жизнь, китайцы обычно не любят покидать Родину. Среди китайцев отмечается тяга к покою, нелюбовь к переменам («Не приведись вам жить в эпоху перемен» — эти слова Конфуция широко цитируются), настороженное отношение ко всякого рода новациям.

В своей деятельности русские предпочитают традиционные, а не новаторские

формы. Они не любят разрушать свой привычный уклад жизни: для них становится драмой необходимость поменять место работы, сделать крупный ремонт в квартире или поменять место жительства. Недаром русские считают, что два переезда равны одному пожару. Им легче перетерпеть некоторые неудобства, чем радикально менять и потом долго привыкать к новшествам [9; С. 150].

В русской, китайской и английской культурах неопределенность воспринимается как угроза; то, что отличается от привычного, вызывает не любопытство, а чувство опасности и страха.

Таким образом, национальная английская ГKM и национальные русская и китайская ГKM диаметрально противоположны. Прежде всего, в названных культурах доминируют разные гендерные начала: в английской — мужское, в русской и китайской — женское. Поэтому английская нация идет по маскулинному типу развития и ей характерна маскулинная ГKM, а русская и китайская нации — по феминному типу развития и ГKM данных наций — феминные. В силу географических и исторических особенностей в английской маскулинной, русской и китайской феминных культурах сформировались разные ценности. Английский маскулинный тип культуры сочетается с индивидуализмом со значительной зоной личной автономии. Русский и китайский феминный тип культуры сочетается с коллективизмом. Зона приватности в русской культуре выражена не так ярко, как в английской, но четче, чем в китайской. Кроме того, маскулинная индивидуалистическая английская культура характеризуется более низким индексом власти. В феминной коллективистской русской культуре индекс власти выше, чем в английской, но ниже, чем в китайской культуре. Сравнивая терпимость к неопределенности англичан, русских и китайцев, отметим, что индексы выраженности по этому параметру в трех культурах близки. Представители всех трех наций предпочитают стабильность. Можно сказать, что в данном параметре проявляется феминный признак национальной английской ГKM.

Итак, национальные ГКМ сравнимых культур различны и в этом нет ничего случайного. То, что бросается в глаза, вызывает удивление и недоумение, на самом деле является естественным для данного типа культур.

Литература

1. Афонасенко Е. Особенности этнического самосознания современных китайцев // Развитие личности. – 2004. – № 1. – С. 131-143.
2. Булычев И.И. Образцы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира // Credo New. – 2004. – № 1 [Электронный ресурс]. – Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.gzvon.pyramid.volia.ua>. – (Дата обращения: 15.08.2010).
3. Косов А. Кросс-культура и XXI век // Статьи о Форекс. [Электронный ресурс]. – Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.internetforex.ru/statii/252.htm>. – (Дата обращения: 1.10.2010).
4. Куликова Л.В. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей // Вестн. ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. – № 2. – С. 52-60.
5. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
6. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16-21.
7. Павлоцкая А.В. Как иметь дело с англичанами. Несентиментальное путешествие. – М.: МГУ, 2006. – 208 с.
8. Рябов О.В. Гендерное измерение национализма: методологические проблемы исследования // Вестн. ИрГУ. Сер. История. Философия. Педагогика. Психология. – 2008. – Вып. 3. (в печати) [Электронный ресурс]. – Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.riabov.wordpress.com/2008/10/05/gendernoe-izmerenie-natsionalism>. – (Дата обращения: 25.09.2010).
9. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 320 с.
10. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – Смоленск: Русич, 2000. – 464 с.
11. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. – М.: АСТ: Астрель:Хранитель, 2007. – 286 с.
13. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 512 с.
14. Чучин-Русов А.Е. Гендерные аспекты культуры // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. [Электронный ресурс]. – Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg/163930.html>. – (Дата обращения: 10.09.2010).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Дутова Н.В., ст. преподаватель кафедры МИС, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Дом. тел.: (3022) 31-02-88

N. Dutova, Senior teacher of International Informational Relations Department, Chita State University

Научные интересы: гендерные исследования, антропологическая лингвистика

Scientific interests: gender investigations, anthropological linguistics

УДК 82-1/29: 830

Жаткин Дмитрий Николаевич
Dmitriy Zhatkin

ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНАКРЕОНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ А.А. ДЕЛЬВИГА

GERMAN LITERATURE TRADITIONS IN ANACREONTIC LYRICS OF A.A. DELVIG

Осмысливаются традиции немецкой литературы в анакреонтических произведениях А.А. Дельвига. При этом особое внимание уделено характерным тенденциям описания гедонистического мира, специфике воссоздания «атрибутов» анакреонтического текста. Осуществлен анализ дельвиговских стихотворений «К Амуру», «Досада», «Застольная песня» («Ничто не бессмертно, не прочно...»), являющихся переводами из С. Геснера, Х.-Э. Клейста, А. фон Коцебу; проведены параллели между стихотворением Дельвига «Тленность» и сочинениями западноевропейских предшественников, в частности, «Nach einem alten Liede» И.-Г. Якоби

Ключевые слова: поэзия романтизма, международные литературные связи, художественный перевод, литературная традиция, компаративистика, реминисценция

Traditions of German literature in anacreontic masterpieces of Delvig are thought out in the article. Great attention is paid to typical tendencies of hedonistic world description and specific details of «anacreontic text features» creation. Such poems as «To Amour», «Annoyance», «Zastolnaya pesnya», being the translations of S. Gesner, X.A. Klayst, A. fon Kotsaby poems are properly analyzed. It is very interesting to see the parallels between Delvig's poem «The Rot» and previous poems of West European writers, as «Nach einem alten Liede» by I.G. Yackoby

Key words: romantic poetry, international literary connections, literary translation, literary tradition, comparative linguistics, reminiscence

Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.1-300-028/1 в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт № 16.740.11.0415)

Подобно многим современникам, русский поэт первой трети XIX в. А.А. Дельвиг формировал представление об античности — богатой сокровищнице понятий, атрибутов и имен — под впечатлением от чувствительной «легкой» поэзии XVIII в.

Произведения анакреонтической и горацанской тематики, получившие значительную популярность в русской романтической литературе, бесспорно, способствовали дальнейшему развитию интереса поэта к античности. Среди привычных «атрибутов», имевших определенную символику в анакреонтических текстах Дельвига, — пастуший рожок, розы, чаши и кубки, причем прорисовка картин пробуждающейся природы пасторальными образами вызвана, возможно, влиянием на русского поэта анакреонтической «Утренней песни» С. Геснера.

Уже в ранней оде Дельвига «К Диону» (1814, 1819) в полной мере сохранены характерные «атрибуты» анакреонтики: и сама обстановка, в которой происходит

действие (ср., например: И.-Г. Фосс, «Луиза», 1783 – 1795 – «В сладкой прохладе, под тенью двух лип широковетвистых» [1; С. 603]; Дельвиг – «Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи <...> в тени» [2; С. 68]), и значимое утверждение о том, что жизнь дарована богами для счастья (ср., например: В.А. Жуковский, «Теон и Эсхин», 1814 – «...боги для счастья послали нам жизнь» [3; т. 1; С. 213]; Дельвиг – «Боги для счастья нам и веселия дни даровали, / Для наслаждений любви», [2; С. 68]). Описывая гедонистический мир, Дельвиг не считает его нормативным, более того, этот мир почти никогда не претендует у поэта на реальность, оставаясь дистанцированным от повседневности, обыденности.

Отсутствие исторических деталей, бытовой конкретики, использование для номинации героев в качестве особого средства поэтизации условно-мифологических имен в древнегреческом стиле (Дион, Лилета, Хлоя, Дорида, Филида и др.), получивших определенную языковую устойчивость, свидетельствуют о том, что гедонистический мир для Дельвига являлся в 1810-е гг. отвлеченным миром идей [4; С. 16]. Имена в стиле древнегреческих пришли в произведения Дельвига из книг немецких авторов, идиллий С. Геснера, эротических стихотворений Н. Леонара, других французских поэтов XVIII в., где традиционно выполняли «аллегорически орнаментальную роль» [5; С. 34]. Воспевание радостей жизни, ставшее традиционным мотивом од Дельвига, обусловлено влиянием немецкого рококо, прежде всего, творчества Хр.-М. Виланда [см.: 6; s. 124], гимнов «К радости» Ф. Хагедорна и И.-П. Уца, оды Ф. Шиллера «К радости» [см.: 7, s. 41; 8, С. 18]. И все же основная идея одического цикла Дельвига сугубо гораццианская: воздавая дань пирам, вину, любви, поэт вслед за великим римским предшественником подчеркивал, что основа блаженной жизни – «в безмятежности духа, умеющего сохранить меру в благополучии и твердость в трудном положении» [9; С. 375], чуждого стремлениям к роскоши и величию, доступного простым,

естественным чувствам, беззаботному веселью и утехам.

Воспевание Бахуса, значимое для анакреонтических произведений Дельвига, никогда не становилось похвалой безрассудному пьянству. Бахус оказывался своего рода мифологическим аналогом беззаботного наслаждения, которое человек может получить от хорошего вина. Подобное понимание влияния Бахуса на человеческую жизнь пришло в творчество Дельвига под несомненным влиянием западноевропейской литературы XVIII в., например: «В пьяной чаше / Жизни нашей / Смысл и красота. / Грозди винограда / Мудрецы как надо / Ценят неспроста» (Ф. фон Хагедорн, «Вино») [1; С. 500]; «Струи вина, цветы срывай, / Ты об одном веселье думай. / И прочь заботы отметай, / Что жизни путь таит угрюмо» (Г.-А. Шолье, «Куплеты песни») [1; С. 204].

В земной жизни лирический герой Дельвига неизменно предпочитал не ай (сорт шампанского), а марку «немецкого белого вина бледно-зеленого цвета, вырабатываемого в бассейне реки Мозель» [10; С. 644]: «Светлый мозель восхищенье / Изливает в нашу кровь!» («Дифирамб» («Други, пусть года несутся...»); [2; С. 95]); «Нам напомним розы / С Мозеля вино» («Застольная песня» («Други, други, радость...»); [2; С. 88]). В данном случае можно видеть у Дельвига влияние Авсония, автора идиллии «Mosella», создавшего чувственно насыщенную и изысканную картину природного бытия [11; С. 566], а также традицию Г.Р. Державина, писавшего в стихотворении «К первому соседу» о «мозеле с сельтерской водой» [12; С. 291].

В основе авторского замысла стихотворения Дельвига «Тленность», ранняя редакция которого известна под названием «Фиалка и Роза», лежала тема состязания Фиалки и Розы, значимая для западноевропейских поэтов [см.: 13; s. 54-55], в частности, для неизвестного автора средневекового «Спора розы и фиалки» («Conflictus rosae et violae»), сохранившегося в древних рукописях [см.: 14; s. 152-154], для Петруса де Винья, написавшего в XIII в. эпис-

толу о фиалке и розе, и Бонвизина де Рива [см.: 15; р. 336-338]. М.П. Алексеев отмечал, что отзвуки спора «долго не смолкали в европейской поэзии» и достигли «русской печати в XVIII в.» [16; С. 368], примером чему может служить анонимное стихотворение «Роза и фиалка», помещенное в 1798 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» [17; С. 93]. В созданном В.А. Жуковским стихотворении «Песня» («Фиалка», 1815), являющемся переводом произведения немецкого поэта И.-Г. Якоби «*Nach einem alten Liede*», «скромная фиалка представлена в противовес гордой и кичливой розе» и вместе с тем «судьба «весенней» фиалки приравнена к участи «летней» розы» [см.: 16; С. 368].

Лицейское стихотворение Дельвига «К Амуру», представлявшее собой переложение послания С. Геснера «*An den Amor*» точно передавало не только замысел швейцарского автора, но и избранный им стихотворный размер. Сквозь очарование поэтических строк сквозила грусть неразделенной любви, вселявшая безверие и отчаяние. Вместе с тем, в поэтических строках, стилизованных под античность, получил отражение русский образ мысли, черты современного поэту российского быта, родной природы, являвшиеся очевидными анахронизмами; их появление можно объяснить использованием художественных образов античности в современных целях. К примеру, поэт создавал образ русской зимы с вьюгами, метелями: «Уж сыплются метели / По обнаженным ветвям» [2; С. 86]. Рядом с мифологическими атрибутами был упомянут «домашний огород», в котором лирический герой стихотворения установил жертвенник богу любви. Перевод Дельвига выгодно отличался от более ранних обращений русской литературы к произведению С. Геснера — «Идиллии» А. Бухарского [18; С. 131], анонимных переводов «К Амуру» в «Аонидах» [19; С. 55] и в «Ипнокрене» [20; С. 606].

Беспечность, отсутствие пристального интереса автора к внутреннему миру лирического героя, заведомая ориентация на комический эффект характеризуют сти-

хотворение «Досада» (между 1814 и 1817), завершающее цикл произведений Дельвига о Лилете («К Лилете», «Хата», «К Лилете (Зимой)») и являющееся вольным переводом из Х.-Э. Клейста («*An Iris*») [см.: 21; С. 391]. Отказываясь в очередной раз идти по пути обожествления, идеализации Лилеты, поэт представлял ее обычной плотской женщиной, разочарование в которой было способно вызвать у лирического героя лишь чувство досады.

С позиций эпикурейства, проповедовавшего получение удовольствия как первого прирожденного блага посредством избегания телесных и душевных страданий (Эпикур, «Письмо к Менекею»), одну из самых существенных ценностей в человеческой жизни представляла собой дружба. Прославлению дружбы и честности в противовес тревожностям и ужасам были посвящены многие произведения анакреонтики XVIII в., например, известная песня немецкого поэта И.-М. Устери «Радуйтесь жизни» (1793) [см.: 22; С. 227], произведения И.И. Дмитриева («Ночь», 1796: «Кто в сем мире одарен / Дружелюбною душою, / Тот и в горестях блажен» [23; С. 320]), В.В. Попугаева («Воззвание к дружбе», 1799: «Дружба! дар небес бесценный, / Сладкий нектар жизни сей, / Гений мира, всей вселенной, / Божество души моей!» [24; С. 208]) и др. В стихотворениях Дельвига, обращенных к Е.А. Баратынскому, проявилось стремление обосновать необходимость дальнейшего поддержания прежних дружеских отношений. Послание «Евгению», подобно идиллиям Дельвига «Цефиз» и «Друзья», заключало в себе мысль о постоянстве истинной дружбы в изменчивом мире. Дружеские застолья, создававшие свободную атмосферу благожелательного общения, стали в русской поэзии первой трети XIX в. своего рода символом неразрывного братства творческих людей.

Согласно написанным вскоре после смерти А.А. Дельвига в 1831 г. воспоминаниям В.А. Эртеля, «Застольная песня» («Ничто не бессмертно, не прочно...»), являющаяся переводом стихотворения А. Коцебу «*Es kann doch nicht immer so bleiben...*»,

была создана во время поездки Дельвига, Н.И. Павлищева и Эртеля в Финляндию с целью посещения Е.А. Баратынского летом 1822 г., причем перевод стал результатом коллективной работы Дельвига, Баратынского, Эртеля и Д.А. Эристово [25; С. 264]. Суждение В.А. Эртеля, оспаривавшего единоличное авторство Дельвига, было недостоверным, о чем свидетельствует значительное число самых разнообразных обстоятельств: так, Дельвиг вписал стихотворение в альбом П.А. Осиповой, сделав притекстовую помету «Село Михайловское. 28 апреля 1825 г.» [26; С. 311], осуществил в 1830 г. прижизненную публикацию текста за подписью «Б.Д.». Кроме того, исследования последних лет поднимают вопрос о переосмыслении сообщенного В.А. Эртелем времени написания «Застольной песни». А.М. Песков указывает, что Дельвиг, В.А. Эртель и Н.И. Павлищев гостили у Баратынского в Роченсальме в 10-х числах сентября 1823 г. [27; С. 359]. Таким образом, «Застольная песня» может быть датирована не летом 1822 г., а сентябрем 1823 г. Впрочем, точная датировка станет возможной лишь при появлении дополнительных материалов, в частности, до сих пор неизвестны автографы стихотворения, за исключением позднейшей записи в альбоме П.А. Осиповой.

Ю.М. Лотман, отмечая характерность для отечественной поэзии идеи бегства от света, размышлял «о счастливой жизни в соответствии с Природой, о гордой и воинственной свободе, купленной ценой отказа от цивилизации, и о силе чувств простого человека» [28; С. 63]. Мотив бегства от реальности в естественную среду, духовного единения с чистой природой, проти-

вопоставленной суетливому обществу, мог быть заимствован русскими поэтами XVIII – первой трети XIX вв. (И.Ф. Богдановичем («Вкус возраста», 1763), П.А. Вяземским («Послание к Жуковскому в деревню», 1808), Е.А. Баратынским («Я возвращусь к вам, поля моих отцов...», 1821), Н.М. Языковым («Послание к А.Н. Очкину», 1822) и др.) как из текстов Горация, так и из созданных под несомненным горацианским влиянием позднейших произведений классика «*poesie fugitive*» Г.-А. Шолье, из «*La Chartreuse*» Ж.-Б. Грессе, из прославлявшей сельское уединение «пастушьей поэмы» С. Геснера «Желание» («*Der Wunsch*»), из описательной поэмы С. Бруннера «Тоска по Тавриде» («*Sehnsucht nach Taurien*»), где природа предстает как земной рай, далекий от городской цивилизации, «большого света», из идеализирующих сельские условия жизни и показывающих героя, порвавшего со своей средой и отправившегося в деревню, произведений И.-Г. Мерка («История господина Огейма», «Сельская свадьба»), из «представлявших собой незамысловатые зарисовки идеализированного быта и веселых нравов» [29; С. 43] «Шуточных песен» И.-В.-Л. Глейма, наконец, из связанных с традицией «легкой поэзии» и эстетически привычных для первой трети XIX в. сочинений Э. Парни [см.: 30; С. 88].

Как видим, анакреонтическая лирика Дельвига создавалась не только под влиянием произведений античных авторов, но и с учетом интерпретаций мотивов и образов античности, предложенных представителями западноевропейской (в особенности, немецкой) литературы XVIII – начала XIX вв.

Литература

1. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература XVIII века / сост. А.А. Аникст, Л.Н. Галицкий, М.Д. Эйхенгольц. – М.: Учпедгиз, 1938. – 688 с.
2. Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1959. – 369 с.
3. Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959-1960. – Т. 1-4.
4. Лотман Ю.М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // О русском реализме XIX в. и вопросах народности литературы: сб. статей. – М.; Л.: Гослитиздат, 1960. – С. 3-28.

5. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. — М.: Худож. лит., 1970. — 260 с.
6. Wielands C.M. Sämtliche Werke. — Carlsruhe: G.J. Göschen, 1815. — 312 s.
7. Ausfeld Fr. Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jh's. — Straßburg: MVG, 1907. — 132 s.
8. Данилевский Р.Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. — Л.: Наука, 1972. — С. 5-62.
9. Тронский И.М. История античной литературы. — М.: Высшая школа, 1983. — 464 с.
10. Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПб., 1999. — 847 с.
11. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 620 с.
12. Державин Г.Р. Стихотворения. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. — 562 с.
13. Walther H. Das Streitgedicht in der lateinischen Literatur des Mittelalters. — München: C.H. Beck, 1911. — 118 s.
14. Conflictus rosae et violae // Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen. — Berlin, 1893. — Bd. 90. — S. 152-154.
15. Vie et correspondance de Pierre de la Vigne / eol. par A. Huillard-Brèholles. — Paris: Scientia, 1865. — 412 p.
16. Алексеев М.П. Пушкин: сравнительно-исторические исследования. — Л.: Наука, 1984. — 480 с.
17. Роза и фиалка // Приятное и полезное препровождение времени. — 1798. — Ч. XX. — С. 92-94.
18. Бухарский А. Идиллия // Санкт-Петербургский Меркурий. — 1793. — Ч. 1. — С. 131.
19. <Анонимный автор>. К Амуру // Аониды. — 1798-1799. — Кн. 3. — С. 55.
20. <Анонимный автор>. К Амуру // Ишпокрена. — 1800. — Ч. 6. — С. 606.
21. Вацуро В.Э. Примечания // Дельвиг А.А. Сочинения. — Л.: Худож. лит. (Ленингр. отд.), 1986. — С. 378-426.
22. Тураев С.В. Патриархальные иллюзии швейцарских романтиков // Незученные страницы европейского романтизма. — М.: Наука, 1975. — С. 209-246.
23. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. — Л.: Сов. писатель, 1967.
24. Поэты-радищевцы. — Л.: Сов. писатель, 1979.
25. Эртель В.А. Из воспоминаний о Пушкине, Дельвиге и Баратынском // Литературный современник. — 1937. — № 1. — С. 263-267.
26. Томашевский Б.В. Примечания // Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. — Л.: Сов. писатель, 1959. — С. 259-340.
27. Песков А.М. Боратынский: истинная повесть. — М.: Книга, 1990. — 384 с.
28. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. — Л.: Просвещение, 1981. — 256 с.
29. Неустроев В.П. Немецкая литература эпохи Просвещения. — М.: МГУ, 1958. — 466 с.
30. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». — СПб.: Наука, 1994. — 240 с.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Жаткин Д.Н., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия (ПГТА), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

D. Zhatkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological Academy, Academic of the International Academy of Sciences of pedagogical education, hon-oured research worker of higher professional education, Member of the Union of Writ-ers of Russia, Member of the Journalists' Union of Russia

ivb40@yandex.ru

Научные интересы: русско-западноевропейские литературные связи XVIII – начала XX вв., переводоведение и межкультурная коммуникация

Scientific interests: Russian-West-European literary relations of 18 – early 20 centuries, translation science and cross-cultural communication

УДК 808.2:81'373.612.2:808.861

Надеина Луиза Васильевна
Luiza Nadeina**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ****FIGURATIVE UNDERSTANDING OF
FORWARD MOTION BY THE MEMBERS
OF FOLK CULTURE**

Предпринята попытка показать, что в сознании представителей народной культуры движение вперед связывается с достижением цели, ассоциируется с получением результата. На основе актуализации семантики движения вперед метафорически осмысливается целенаправленная деятельность, а на основе актуализации семантики сближения, соединения объектов – тип поведения человека

Ключевые слова: метафора, глаголы движения, движение вперед, метафорические модели, диалектные системы, семантика, сема, когнитивная лингвистика, образное осмысление

In this article there is an attempt to show that the forward motion in the mind of folk culture members is connected with the achievement of goal and associated with getting the result. On the basis of semantics of the forward motion the purposeful activity is understood figuratively, and on the basis of semantics of approaching the person's behaviour is interpreted figuratively

Key words: metaphor, verbs of movement, forward motion, metaphorical models, dialectal systems, semantics, seme, cognitive linguistics, figurative understanding

Говоря о горизонтальном направлении движения, поясним, что под термином «горизонталь» мы понимаем не прямую линию, идущую параллельно плоскости горизонта, а перемещение, которое протекает как передвижение по земной, водной поверхности и в воздухе и не имеет направления по вертикали.

Особо следует отметить, что в системе глагольных номинаций движение по горизонтали представлено намного шире, нежели перемещение по вертикали. Это, видимо, связано с особенностями функционирования человека, чья жизнедеятельность протекает в основном в горизонтальной плоскости.

Человеку наиболее свойственно поступательное движение, т.е. направленное движение/перемещение на земле.

При рассмотрении глаголов направленного перемещения в горизонтальной плоскости будем опираться на один из четырех

значимых ориентационных параметров, а именно – направленность движения вперед, например: **брызнуть:** исходное значение (далее **ИЗ**) «быстро, стремительно направиться куда-нибудь» (Она к нему в Чекуево брызнула) (Карел.), **грестись:** **ИЗ** «идти, направляться куда-нибудь» (Вот и коровы домой гребут) (Карел.), **двигать:** **ИЗ** «продвигаться вперед» (Ай-яй-яй, еще не движется) (Пск.) и мн. др.

Известно, что человек, видя цель впереди, всегда будет пытаться достичь ее, совершая при этом прямолинейное поступательное движение.

Говоря о метафоризации, В.Н. Телия подчеркивает, что это есть «процесс такого взаимодействия сущностей и операций, который приводит к получению нового знания о мире. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого име-

ни, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь «вплетается» и в картину мира, выражаемую языком» [3; С. 186].

Для метафорической модели «*Движение вперед – целенаправленное действие в ментальной, социальной сферах*» важным является направление движения. Дialeктный глагол *грестись*: ИЗ «идти, направляться куда-нибудь» (Вот и коровы домой гребут) → результитивное значение (далее РЗ) «стремиться к кому-либо, чему-либо» (За городского ты не гребись, лучше приезжай в деревню, он и любить и уважать будет) (Карел.) является глаголом с выраженной направленностью движения, поскольку основной акцент ставится на направлении. Что касается конечного пункта движения, то он обозначен менее четко. В рамках исходного значения «идти, направляться куда-нибудь» субъекты могут быть разными – и человек, и животное, а в результитивном значении им может быть только человек. В метафорическом смысле данный глагол передает не движение, а устремление, намерение, конечная точка движения метафорически переосмысливается как цель, направленность.

Рассмотрим глагол *подъехать* ИЗ в значении «приблизиться, передвигаясь на чем-либо» (Только Коля подъехал – и мы догнали его, посадили, увезли меня) → РЗ «хитростями, уловками и т.п. постараться добиться чего-либо, склонить кого-либо в свою пользу» (Как лисичка, подьедет, така прямо ехидна) (Верш.). Корневая морфема однонаправленного глагола *ехать* содержит в себе идею «передвигаться по твердой поверхности». Благодаря префиксу *под-*, глагол маркируется дополнительными семами «достижение конца пути» и «приближение к желаемому объекту». По образу такого типа пространственного перемещения метафорически моделируется смысловая сфера поступка и поведения человека. Признаки «приближение к объекту» и «достижение результата от такого сближения» дают основу для ассоциирования с таким поступком человека, как проявление напористости и применение

хитрости для получения желаемого результата. Это негативно оценивается окружающими и рассматривается как действие, нарушающее поведенческую норму. Недоброжелательность, осуждаемость действия, его несоответствие социальным нормам выражается с помощью таких компонентов, как «ловкость, хитрость».

Конкретизируется направление движения и в значении префикса. Так, например, диалектный глагол движения *доступиться* (Карел.) с префиксами *до-* обозначает движение, предполагающее перемещение субъекта из одной точки физического пространства в другую, целью которого является нахождение в некоторой точке пространства или контакт с физическим объектом, располагающимся там.

В значении *доступиться* отчасти сохраняется связь с мотивирующим глаголом (*ступать*) в его исходном значении, включающем смысл «делать шаг». Перемещение в физическом пространстве, отраженное в исходном значении глагола *доступиться*: ИЗ «подойти, приблизиться к кому-либо» → РЗ «пробиться, обращаясь к кому-нибудь с просьбой» (Если бы со мной, я бы доступился) (Карел.), метафорически осмысливается как движение в нефизическом пространстве, целью которого выступает не физический объект, а предмет из области «идеальной» природы (сделать шаг вперед, навстречу решению своих проблем).

Рассматривая глагол *бросаться*: ИЗ «стремительно направляться куда-нибудь, устремляться» (Девушка [от волка] к огороду; у окна он бросался, мужик вилам его) → РЗ «обращаться» (К депутатам бросался [по поводу пенсии]) (Пск.), видим, что помимо «направления движения» значимым является и семантический компонент «стремительность».

Н.А. Янко-Триницкая, рассматривая возвратные глаголы в современном русском языке, обратила внимание на то, что присоединение частицы *-ся* к глаголам движения, обозначающим перемещение объекта в пространстве, устраняет их переходность, и значение движения за отсутствием объекта относится теперь к субъекту [4; С. 20].

Считается, что присоединение частицы *-ся* сосредотачивает действие в нем самом, лишая его связи или с объектом, или с субъектом.

Обратимся к интерпретации данной метафоры с точки зрения внутренней формы. Итак, **бросаться**: **ИЗ** «стремительно направляться куда-нибудь, устремляться» (Пск.) – значение внутренней формы: *двигаться так, как будто бросаешь себя*. Если движение желаемо и необходимо, то действие субъекта, направленное на самого себя, потенцирует движение. Анализируя внутреннюю форму, можно выделить такие компоненты, как «большая скорость» и «резкость». Актуальные в исходном значении, эти компоненты в результативном трансформируются в значение желательности, целеустремленности, активного действия. В пределах модели глаголы создают образы различной интенсивности действия за счет наличия в исходном значении глагола *бросаться* семы «стремительность».

Семантика глаголов перемещения в пространстве, включающая компонент целенаправленности действия и семы «приближение к ориентиру», служит основой создания двух метафорических моделей. В рамках первой метафорически интерпретируется сфера социальных действий и поступков человека, вторая модель формируется как метафорическое отражение восприятия времени в образах физического перемещения в пространстве.

Рассматривая в рамках метафорической модели «Достижение конечного пункта движения – наступление периода времени» глаголы поступательного движения, направление которых указывает на приближение к ориентиру, **подойти**: **ИЗ** «идя, приблизиться к кому-либо, чему-либо» (Бабушка-то проснулась. Чё такое? Подходит ко мне) → **РЗ** «наступить какому-либо времени, исполниться какому-либо возрасту» (Вот кака жись подошла: полтора часа – и дома; Кому жаловаться? Годы подошли) (Верш.), **двигать**: **ИЗ** «продвигаться вперед» (Ай-яй-яй, еще не движется) → **РЗ** «о времени» (Время-то не движется совсем) (Пск.) и **надхо-**

дить: **ИЗ** «подходить, приближаться к кому-либо, чему-либо» (Надойти на уток с горы да подползти) → **РЗ** «приходить, наставать (о времени)» (Время надошло, женихи приехали) видим, что однонаправленность движения в физической среде соотносится с однонаправленностью, являющейся «одним из обязательных свойств движения времени» [1; С. 162]. В основу переноса наряду с направленностью движения кладется и приближение к заданному ориентиру.

Время метафорически уподобляется человеку, т.е. осмысливается как субъект действия подобно человеку: оно образно интерпретируется как способное совершать движение в заданном направлении и достигать желаемого (или предполагаемого) объекта. Подобного рода действия времени не оцениваются говорящим отрицательно, поскольку человек, изначально расчленив свою жизнь на определенные отрезки времени, которые он осознает как ориентиры (своеобразные пункты назначения), воспринимает эти этапы в жизни как достижение определенных результатов, результатов ожидаемых.

В рассмотренных примерах основой метафорического переноса является компонент направленности к конечному пункту, осмысленный в метафоре как целеполагание, в рамках следующей модели центром метафорической интерпретации становится смысл «достижение конечной точки движения», который имплицитно несет идею сближения, соединения объектов – того, что служит ориентиром, и того, который движется.

Семантика сближения, соединения объектов служит базой формирования смыслов «включить в личную сферу», «сделать своим», таким образом, формируется модель «Приближение к ориентиру – включение объекта в личную сферу».

Так, группа глаголов, объединенная префиксом *при-* со значением «приближения», называет самостоятельное передвижение предметов по поверхности воды, приближение к берегу – **пригребтись**: **ИЗ** «подгрести лодку к берегу» (Пригребут-

ся-ну на лодке к берегу) → РЗ «*пристать к кому-либо, неотступно следовать за кем-либо*» (Пригребтись – ну привязаться. Да чо ко мне пригребся?) (Новосиб.) и *пригрудить*: ИЗ «*пригрести, подтянуть*» (Ой, где она плывет, надо иё пригрудить к берегу) → РЗ «*присвоить*» (Икону в Бондюге одна женщина пригрудила) (Перм.).

В качестве конечной точки движения выступает берег, который представляется в оппозиции с рекой (морем, озером) прибежищем, пристанищем, одним словом, тем, что человек всегда пытается достичь, находясь в водном (несвойственном для него) пространстве.

Метафорические сферы переноса близки у названных лексем. Близки они и оценочными коннотациями: приближение в случае с глаголом *пригребтись* осмысливается как неотступное преследование человека, без учета его воли. На основе актуализации данной семантики метафорически осмысливается тип поведения человека. С морально-нравственных позиций такое поведение человека оценивается как недостойное, неподобающее и, следовательно,

вызывает неодобрение, порицается членами социального коллектива.

Анализируя глагол *пригрудить*, видим, что приближение интерпретируется как включение объекта в сферу «своего» и как следует из толкования слова, контекстов его использования, такое отношение не получает «социальной санкции», вследствие чего оценивается отрицательно. Представитель оценивается с точки зрения этических норм. Кража, посягательство на имущество, принадлежащее другим членам коллектива, всегда вызывает однозначно негативную реакцию со стороны других членов данного общества, поскольку такие действия не соответствуют этическим нормам и подлежат осуждению.

Таким образом, в сознании представителей народной культуры движение вперед, прежде всего, связывается с достижением цели, ассоциируется с получением результата. На основе актуализации семантики движения вперед метафорически осмысливается целенаправленная деятельность, а на основе актуализации семантики сближения, соединения объектов – тип поведения человека.

Литература

1. Катунин Д.А. Метафорические модели времени // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
2. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; АН СССР. Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – Л.: Наука, 1970. – Вып. 5; 1972. – Вып. 7; 1976. – Вып. 11; 1978. – Вып. 14.
3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
4. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – М., 1962.

Коротко об авторе

Надеина Л.В., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в области природных ресурсов, Институт природных ресурсов, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (НИ ТПУ)
naluiza@yandex.ru

Научные интересы: русская и зарубежная лингвистика, сопоставительное изучение языков, педагогика и методика преподавания иностранных языков

Briefly about the author

L. Nadeina, Candidate of Philological Sciences, Associate professor of Foreign Language Department (Specialization – Natural Resources), Institute of Natural Resources, National Research Tomsk Polytechnic University

Scientific interests: Russian and foreign linguistics, contrastive study of languages, pedagogical and language teaching methodology

Юридические науки

УДК 342.1

Жалсанов Батор Цыдендамбаевич
Bator Zhalsanov

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

REALIZATION REGULATIONS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION BY EXECUTIVE AUTHORITIES

Раскрываются особенности реализации прав и свобод человека и гражданина в современной России органами исполнительной власти, применение необнародованных нормативно-правовых актов, как того требует ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Приведены примеры пробелов в законодательстве, возникающие при применении некоторых норм административного права

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, реализация прав и свобод, применение права

The article describes implementation features of human rights in modern Russia by executive authorities, the application of laws that have not been promulgated as required part 3 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, also given examples of flaws arising from the use of some rules of administrative law

Key words: rights and freedom of a person and a citizen, realization of the rights and freedom, right applicatio

Государство, ставящее целью благополучие своих граждан, их правовую защищенность и заботу о них, должно позаботиться о том, чтобы провозглашенные конституцией права и свободы воплотились в действительность на практике, а основной закон государства применялся как нормативный акт прямого действия. Действующая Конституция РФ [1] определяет Российскую Федерацию как правовое государство (ч. 1 ст. 1), идеи, ценности и принципы которого должны быть положены в основу деятельности органов исполнительной власти на всем конституционно регулируемом пространстве. Права и свободы человека и гражданина, их признание, защита и гарантии являются основным и определяющим критерием правового ха-

рактера законодательства и практики его применения указанными органами государственной власти.

Реализация положений конституции — это показатель функционирования гражданского общества, его способность определять пределы и формы деятельности государственной власти и осуществлять контроль за ней. Конституция является актом проявления воли народа, которая в свою очередь выражается посредством осуществления деятельности органов исполнительной власти.

В Российской Федерации значение прав человека таково, что они, во-первых, лишают органы исполнительной власти Российской Федерации возможности их отменить или запретить, во-вторых — оп-

ределяют смысл, содержание и применение законов, деятельность исполнительной власти, что закреплено в ст. 18 Конституции РФ.

Следует остановиться на ряде принципов, которым необходимо следовать органам исполнительной власти при реализации положений Конституции РФ. Так, принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в Конституции РФ, обязателен для всех отраслей государственной власти, в том числе и для органов исполнительной власти Российской Федерации.

Принцип обязательности для государства соблюдения прав и свобод граждан устанавливается ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Данное положение по своей сути является фундаментальной основой конституционного строя РФ. Понятием «высшая ценность» не определяется никакая другая основа конституционного строя. Соответственно любая правоприменительная и иная деятельность органов исполнительной власти должна быть направлена на признание, соблюдение и защиту «высшей ценности».

Признавая, что деятельность рассматриваемых органов подзаконная и в пределах их полномочий они могут издавать подзаконные правовые акты коллективного и индивидуального характера, то весьма важным представляется и введение прямого запрета на антиправовой нормативно-правовой акт: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55). Хотя в положении и говорится о законе, логично предположить, что данный принцип распространяется на все нормативные правовые акты Российской Федерации.

Более того, поскольку Конституция РФ обладает высшей юридической силой, то все принимаемые в Российской Федерации правовые акты должны соответствовать Конституции РФ и не противоречить ей (ст. 15).

Анализ ч. 3 данной статьи позволяет утверждать, что огромный массив нормативных правовых актов РФ не обладает юридической силой. Обратимся, к примеру, к правовому акту «Государственный стандарт высшего образования» от 27 марта 2000 г. Документ, на котором построена деятельность образовательных учреждений Российской Федерации, никогда не был опубликован, т.е. в соответствии с нормой конституции не должен применяться. По данному случаю также существует решение Верховного суда РФ от 15 ноября 2005 г., косвенно, подтверждающее сказанное.

В этот массив входят также и правовые акты, принимаемые не только на федеральном, но и на территориальном уровне. Если правовые акты не соответствуют ряду требований, предъявляемых к ним законодательством, а в первую очередь Конституцией РФ, то такие акты недействительны и ими нельзя руководствоваться. Поскольку они нарушают право граждан быть ознакомленными с их текстом. Синонимом термина «опубликование» является термин «обнародование».

В своей деятельности органы исполнительной власти, исходя из того, что они более всего задействованы в реализации конституционных положений (воли народа), должны четко ставить акцент на обязательном анализе любых принимаемых решений только через призму положений Конституции РФ.

Статья 3 Конституции РФ говорит о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ», т.е. имеется в виду, что народ является носителем первичной власти.

К примеру, при нарушении прав граждан одним должностным лицом вынуждены обращаться за защитой к другому должностному лицу, т.е. фактически жалуемся государству на само государство. В данном случае мы имеем основу для процветания коррупции. Здесь нужно четко определять, что власть – это не должностное лицо или орган власти, власть – это функция должностного лица или органа. Возможно, это и

есть высшая форма народовластия.

Статья 27 конституции в ч. 1 закрепляет, что «каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства». ФЗ отменил прописку и ввел регистрационный учет граждан, но при этом регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных конституцией. Существует множество ограничений, налагаемых и на самих государственных служащих. Так, к примеру, ограничено передвижение по территории Российской Федерации сотрудникам милиции и военнослужащим [2]. Пусть само право напрямую и не ограничено, но косвенно определено ведомственными приказами обязанностью уведомлять о выезде за пределы гарнизона.

Статья 29 провозглашает, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», но современная действительность говорит о том, что не просто получить информацию, к примеру, о деятельности органов исполнительной власти. В частности, например, практически невозможно получить информацию о количестве совершенных краж в районе вашего проживания в органах внутренних дел. Хотя данная информация никоим образом не связана с государственной или служебной тайной.

Статья 35 ч. 3 говорит о том, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Возникает ситуация, когда в отношении гражданина постановлением налагается административный штраф [3]. В свою очередь административный штраф является денежным взысканием и выражается в рублях. Гражданский кодекс РФ относит деньги к имуществу. Значит «никто не может быть лишен своих денег иначе как по решению суда». Получается, что постановление по штрафам является незаконным.

Свобода труда провозглашена в ч. 2 ст. 37 «Принудительный труд запрещен». Любая форма принуждения человека работать

на недобровольно принятых условиях незаконна, поскольку противоречит норме конституции. У нас же принудительный труд по приговору суда — форма наказания.

Статья 38 повествует, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Защита материнства и детства, семьи носит комплексный социально-экономический характер и осуществляется путем принятия разнообразных государственных мер поощрению материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, ее социальной поддержке, обеспечению семейных прав граждан.

Статья 43 конституции устанавливает, что основное общее образование обязательно, однако нормативно не закреплено, что для получения этого образования необходимо посещать только школу, можно его получить и обучаясь на дому. Поэтому зачастую непонятна позиция комиссии по делам несовершеннолетних в принуждении посещать школу.

В Российской Федерации государственная защита прав и свобод граждан понимается как правозащитная деятельность, осуществляемая уполномоченными законом государственными органами и должностными лицами. В соответствии со ст. 45 Конституции РФ эта обязанность возлагается на государство. Среди них следует назвать охрану прав граждан, потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, необходимость компенсации причиненного им ущерба (ст. 52), установление обязанности государства возмещать вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции Российской Федерации). Выплачивается ли реально компенсация? К какому виду ответственности привлекаются данные должностные лица?

В то же время ст. 48 конституции говорит о том, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Ставится вопрос: реально ли государство гарантирует действие данной статьи?

Как данное положение реализуется ор-

ганами исполнительной власти на практике, мы можем рассмотреть на примере возбуждения административного дела. Дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления протокола [4]. Тут важно определить, что представляет момент составления протокола. Именно с этого момента гражданин имеет право на юридического защитника [5]. Если, к примеру, гражданина за нару-

шение ПДД в темное время суток остановил инспектор ГИБДД, каким образом он должен предоставить юридического защитника? Какое время необходимо ожидать его прибытия?

Именно такого рода вопросы должны быть решены органами исполнительной власти при реализации положений Конституции РФ. Именно это имеется в виду под «высшей ценностью».

Литература

1. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г.
2. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 3.5, ст. 32.2) от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
4. Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 28.1) от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. №11-П По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова.

Коротко об авторе

Жалсанов Б.Ц., ст. преподаватель кафедры административного права МосУ МВД, капитан милиции Служ. тел.: (3022) 41-72026

Научные интересы: административное право, административно-правовая деятельность органов внутренних дел, правоохранительная деятельность

Briefly about the author

B. Zhalsanov, Senior teacher of Administrative right department, Moscow state university of Ministry of Internal Affairs, captain of militia

Scientific interests: administrative right, administrative right activity of Internal Affairs body, law activity

УДК 347.4

Кошелев Михаил Сергеевич
Michael Koshelev

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОГОВОРНОГО ПРАВА РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

GENERAL PROVISIONS OF CONTRACT LAW OF RUSSIA, CHINA AND MONGOLIA: THE COMPARATIVE – LEGAL ANALYSIS

Рассмотрены общие положения договорного права России, Китая и Монголии. Дан анализ общих положений о гражданско-правовом договоре в правовых системах России, Китая и Монголии. Выявлены особенности, сходства и различия в интерпретации правовых норм договорного права

General provisions of conventional law of Russia, China and Mongolia are considered. The analysis of general provisions on the civil-law contract in legal systems of Russia, China and Mongolia to revealing of features, similarities and distinctions in interpretation the right norms of conventional law is carried out

Ключевые слова: договор, право, Китай, Монголия, Россия, анализ, сравнительный

Key words: contract, right, China, Mongolia, Russia, analysis, comparative

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 10-03-00494а

Россия находится на пути экономического реформирования. Из многочисленных направлений модификации экономики страны специалисты в области гражданского законодательства выделяют усиление роли договора в укреплении экономических связей между государствами. Особенно это вопрос актуализируется в свете трансграничного сотрудничества российских регионов со странами-соседями: Китаем и Монголией. Успешно апробированные на практике правовые конструкции должны быть использованы в российском законодательстве с учетом ошибок и проблем, которые отмечаются в законодательстве приграничных государств.

Изучение китайского и монгольского права и практики его применения приобретает актуальность также в силу интереса, проявляемого к нему в связи с расширением

внешнеэкономических связей между нашими странами и, соответственно, увеличения числа договоров в области внешнеэкономической деятельности.

Общие положения гражданского законодательства в области договорного права Монголии, России и Китая весьма близки. Гражданское законодательство этих государств основывается на схожих принципах: признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Сходство правовых норм объясняется и историческими особенностями становления законодательства этих приграничных государств.

Так, абсолютное большинство положений монгольского гражданского права по ГК 1952 г. (*Гражданскому Кодексу Монголии 1952 г. – прим. авт.*) копировало

соответствующие положения советского гражданского права (ГК РСФСР 1922 г. с последующими изменениями) [5; С. 448]. При дальнейшем преобразовании монгольского законодательства учтен исторический опыт по формированию законодательной базы. Поэтому большинство положений законодательства России трансформировано и вошло в текст современного Гражданского Законодательства Монголии (далее ГЗ Монголии), в том числе и нормы, касающиеся договорного права. Аналогичное сходство прослеживается при анализе гражданско-правовых актов Китайской Народной Республики.

Однако в ходе анализа нормативно-правовых актов рассматриваемых государств можно выделить и ряд существенных отличий в области правового регулирования договорных отношений.

Общие положения гражданского права КНР (ОПП КНР) являются «китайским вариантом» Гражданского кодекса. Большая часть норм, которые содержатся в этом акте, носят общий характер и раскрываются путем дублирования или дальнейшего развития в специализированном законодательстве.

ОПП КНР определяют договор как «соглашение, устанавливающее, изменяющее или прекращающее гражданские отношения между сторонами» (ст. 85) [2; С. 403].

Данная формулировка позволяет выделить следующие юридические особенности договора.

1. Договор — правовой акт, устанавливающий гражданские правоотношения между сторонами, акт сторон, который определяет права и обязанности между ними. Соглашения людей, не порождающие права и обязанности, не являются договорными отношениями.

2. Стороны договора, независимо от того, являются ли они юридическими или физическими лицами, а также независимо от их ведомственной принадлежности, равны по своему правовому положению.

3. Договор — всегда двусторонний или многосторонний правовой акт, выражаю-

щий совместную волю сторон. При заключении договора необходимо, чтобы все (две или более) стороны достигли соглашения, пришли к единому мнению.

4. Договор — это акт, основанный на законе.

Нормы договорного права КНР также нашли свое отражение в специальном нормативно-правовом акте, который был принят 2-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 1999 г. Речь идет о Законе КНР «О договорах», который включает 23 главы и делится на общую и особенную части.

Этот закон можно рассматривать «российским аналогом» ч. 2 Гражданского Кодекса Российской Федерации (ГК РФ). В связи с тем, что в ОПП КНР не конкретизируются общие положения о договорах, а также не раскрываются конкретные виды договоров, Закон КНР «О договорах» может рассматриваться в контексте сравнительного гражданского права как особенная часть договорного законодательства Китая. После вступления этого закона в силу своё действие прекратили такие законы КНР в области договорного регулирования, как закон КНР «О хозяйственном договоре»; закон КНР «О техническом договоре»; закон КНР «О внешнеэкономическом договоре». Также существенные изменения в гражданское законодательство Китая были внесены в связи с присоединением КНР к Всемирной Торговой Организации.

В Законе КНР «О договорах» определение «договора» дается в следующем виде: договоры являются соглашениями между равными субъектами — физическими лицами, иными организациями — об установлении, изменении, прекращении гражданских прав и обязанностей [3]. Данное определение весьма схоже с понятием договора в российском гражданском праве. В ст. 420 ГК РФ содержится следующее определение договора: договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [1]. Дополнительные принципы добросовестности и доверия, закрепленные в Законе КНР «О договорах», расширяют концептуальную

базу гражданского законодательства КНР.

В ГЗ Монголии всего три статьи посвящены регулированию вопроса, связанного с обязательствами. Отдельный раздел посвящен договорному праву. Однако в отличие от специализированного закона КНР, дополнительное отраслевое договорное законодательство в Монголии отсутствует.

В ГЗ Монголии отсутствует четкое определение договора. Особые требования в гражданском законодательстве республики Монголия предъявляются к оферте и акцепту как основанию заключения договора. Понятие оферты близко к аналогичному в российском гражданском праве (по ГК РФ офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение [1]). Согласно ст. 195 ГЗ Монголии, офертой признается адресованное одному или нескольким лицам предложение, которое достаточно определено и выражает намерение лица, сделавшего предложение считать себя заключившим договор с лицами, которыми будет принято предложение [4]. Однако в отличие от ГК РФ в ГЗ Монголии не содержится норма о публичной оферте.

Обращаясь к ГЗ Монголии, следует отметить, что заключение договора неизбежно связано с достижением согласия и определенности в отношении условий, с учетом которых договор будет исполняться. В отличие от существенных условий, определяемых в ГК РФ, а именно условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, в ГЗ Монголии определено иное. Основные условия договора — это условия, указанные в законе или которые следует обязательно отразить в договоре, а также признанные одной стороной в соответствии с ходатайством другой стороны. Что касается условий

договора, то законодатель Монголии называет такие условия стандартными и, согласно ст. 200 ГК Монголии, признает сформулированные для постоянного пользования условия, которые одна сторона договора предлагает другой и посредством которых устанавливаются правила, уточняющие положения закона или дополняющие их [4].

Что касается аналогичных норм — кондиций в китайском законодательстве, можно отметить следующее: согласно ст. 88 ОПГП КНР стороны по договору должны полностью исполнять свои обязанности в соответствии с его условиями.

Говоря о существенных условиях договора, законодатель КНР относит к таковым качество (товара, работы, услуги), срок, место и цену договора. Если же данные условия не определены в договоре либо стороны не могут достигнуть соглашения с помощью консультационных действий, то в законе содержатся дополнительные правила, конкретизирующие дальнейшие действия сторон. Они конкретизируются в положениях ст. 88 ОПГП [2].

Что касается регулирования отношений по расторжению (прекращению) договоров, здесь необходимо отметить следующее. Отказ от договора в монгольском законодательстве по формулировке приравнивается к расторжению договора, т.е. синонимизируются. Отказ от договора становится правомерным в случае, если сторона, отказывающаяся от договора, известит об этом другую. В противном случае сторона теряет право отказа от договора [4].

На учет взаимных интересов направлено правило, по которому невозможность исполнения обязательств вследствие изменения условий и обстоятельств должна обязывать стороны принять меры по урегулированию договора в изменившихся условиях и обстоятельствах. Если это невозможно, сторона, интересы которой затрагиваются, вправе отказаться от договора.

При наличии уважительных оснований стороны могут отказаться от договора, не взирая на сроки прекращения, зафиксированные в договоре. Уважительными признаются чрезвычайные обстоятельства,

непреодолимая сила, иные обстоятельства, при которых невозможно продолжать договор по причине необходимости защиты законных интересов и прав сторон.

Анализируя нормы гражданского права КНР, Монголии и России, мы отмечаем тот факт, что большинство норм в китайском и монгольском законодательствах о договорах, на наш взгляд, носят коллизийный характер. Гражданское законодательство КНР не носит кодифицированный характер, и количество нормативно-правовых актов, принимаемых в сфере гражданско-правового регулирования, недостаточно для прогрессивного правоприменения. Новизна систематизации порождает многочисленные правовые пробелы и дискуссии о применении тех или иных норм, в частности, норм о договорах. Монгольское законодательство с силу «краткости» содержащихся в нем норм и разделов порождает правовые коллизии, т.к. помимо норм закона на практике распространены случаи применения обычного права.

В ходе сравнительного анализа общих положений о договоре можно сделать следующие выводы:

1) нормы общих положений договорного права России, Китая и Монголии в целом очень схожи по своим юридическим конструкциям. Это объясняется рядом причин, в том числе и историческими особенностями развития гражданского законодательства и территориальной географической близостью этих государств;

2) несмотря на существенное сходство в формулировках, необходимо отметить и ряд различий в структурировании норм в области договорного права – а именно норм, касающихся структуры законодательных актов в области договорного права, различия в наименованиях договоров, различные подходы к определению существенных и факультативных условий действительности договоров, различия в процедурах заключения, изменения и расторжения контрактов;

3) следует также сказать о большом влиянии традиций на развитие правовых систем стран Дальнего Востока, тесное переплетение традиционного права и Западных заимствований способствовали созданию новой, отличной от других, правовой основы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации» часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Китайская народная республика. Законодательные акты / Под ред. и с вступительной статьей д-ра юрид. наук, профессора А.М. Гудошникова. – М.: Прогресс, 1989.
3. http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_contract_p1ch1 (законодательство КНР – ссылка по состоянию на 10.11.2010 г.).
4. Монголия. Энциклопедический справочник: авт. коллектив: Юрий Кручкин (Аюур). – Улан-Батор, 2005.
5. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред.: д-р юрид. наук, проф. А.Я. Сухарев. – М.: Норма (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 448.

Коротко об авторе

Коселев М.С., аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
deus_1986@mail.ru

Научные интересы: гражданское право и процесс

Briefly about the author

M. Koshelev, post-graduate student, Zabaykal state humanitarian pedagogical university named after N. Chernyshevsky

Scientific interests: civil law and process

Политология

УДК 351.17

Елисеев Борис Петрович
Boris Eliseev

**ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ
СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ****EDUCATION AS AN ELEMENT OF THE
NATIONAL SECURITY SYSTEM**

Показывается, что образование является неотъемлемой составной частью системы национальной безопасности. Обращается внимание, что проблема «утечки умов» и отчисления студентов – это серьезный удар по национальной безопасности, это потеря миллиардов рублей бюджетных денег, которые можно было бы сохранить в стране при изменении отношения государства к образованию. Приведенные аналитические соотношения показывают низкую эффективность единого государственного экзамена, выступающего в роли одной из систем отбора для поступления в высшие учебные заведения

Ключевые слова: национальная безопасность, образование, единый государственный экзамен, связь средней и высшей школы

Education is shown to be an inseparable part of the national security system. Attention is paid to the fact that the brain-drain problem and students' dropout deals a serious blow to the national security; it leads to a loss of billions of rubles of the budget money that can be saved in the country under the condition of state's attitude change. The developed analytical model demonstrates a low efficiency of the Unified State Examination as one of the systems of admission into higher education institutions

Key words: national security, education, Unified State Examination, coupling of school and higher education

Основным документом, определяющим понятие и задачи обеспечения национальной безопасности и национальных интересов, а также формулирующим опасности, которые им угрожают, является Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17.12.1997 г. № 1300 [1]. В Концепции затронуты все аспекты национальной безопасности, включающие в качестве своих составляющих государственную, общественную, техногенную, экологическую, экономическую, энергетическую, информационную безопасность и безопасность личности.

В качестве одного из основных инструментов, дающих возможность реализовать

требования Концепции и отвести угрозы национальной безопасности, Концепция предлагает использовать научно-технические достижения. О том, насколько это важно, можно судить по содержащейся в Концепции оценке: «Ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности угрожают России утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоемких производств, усилением внешней технологической зависимости и подрывом обороноспособности России». Основными задачами в области обеспечения нацио-

нальной безопасности России Концепция считает преодоление научно-технической и технологической зависимости Российской Федерации от внешних источников, расширение рынка наукоемкой продукции, опережающий рост производства наукоемкой продукции. Решение указанных задач предполагает концентрацию финансовых и материальных ресурсов на приоритетных направлениях развития науки и техники, оказание поддержки ведущим научным школам, ускоренное формирование научно-технического задела и национальной технологической базы, создание инфраструктуры, обеспечивающей коммерциализацию результатов научно-исследовательских разработок с одновременной защитой интеллектуальной собственности внутри страны и за рубежом, развитие общедоступной сети научно-технической и коммерческой информации. Концепция требует создания всех необходимых условий для организации приоритетных фундаментальных, прогнозных и поисковых научных исследований, обеспечивающих создание в интересах обороны и безопасности государства перспективного и опережающего научно-технического задела.

Как видно из приведенных фрагментов Концепции, науке в проблеме обеспечения национальной безопасности отводится одна из ведущих ролей. В то же время об основе любой науки, любых научных достижений и научно-технического прогресса — об образовании, к сожалению, не говорится ни слова (точнее сказать, по всему содержанию Концепции это слово упоминается только один раз, да и то в традиционном сочетании слов «прогресс науки и образования»). Нам представляется, что в этом состоит существенный дефект Концепции, поскольку именно образование определяет, в конечном счете, науку и технику, медицину и культуру, оборону страны и ее международный авторитет, т.е. все те элементы, которые и определяют национальную безопасность.

Уже говорилось об опасности оттока за рубеж специалистов как одной из причин деградации наукоемких производств и под-

рывом обороноспособности России. Низкая оплата труда ученых специалистов подстегивает процесс «утечки умов», который и так уже принял масштабы, угрожающие экономической безопасности России. Это означает, что зарубежные предприятия и компании получают высококвалифицированных работников, не затрачивая на их образование никаких финансовых средств, т.е. получают их даром за счет средств российского бюджета. Последнее с позиций государства означает, что средства отечественных налогоплательщиков, формирующих федеральный и региональный бюджеты, тратятся впустую. Как часто вузам приходится отбиваться от финансовых и налоговых служб, предъявляющих претензии вузам о неэффективном и нецелевом использовании бюджетных средств на основании того, например, что вместо аудитории была отремонтирована лаборатория. В то же время отъезд специалистов за рубеж — это действительно классический пример настоящего истинного «нецелевого и абсолютно неэффективного использования бюджетных средств», исчисляемый миллиардами (!) рублей. Правительство и те же финансовые и налоговые службы молчат по этому поводу, а ведь это серьезнейший удар именно по национальной безопасности.

Решение данной проблемы состоит, конечно, не в запрете выезда специалистов из страны, а в создании хороших, соответствующих мировым «стандартам» условий внутри нее. Разговоры и рассуждения лиц, власть предрежающих, о нехватке средств, не выдерживают элементарной критики. Потерять миллиарды, с их точки зрения — это допустимо, а добавить к этому миллиарду не так уж много дополнительных средств, и спасти этот миллиард, который в дальнейшем обернется миллиардными поступлениями в бюджет — это недопустимо. Только разорвав этот круг противоречий, можно всерьез говорить о решении сформулированной Президентом РФ Д.А. Медведевым задачи добиться как резкого уменьшения добровольного бесплатного «экспорта» российских специалистов за рубеж, так и возвращения выехавших туда

ранее их отечественных коллег.

Здесь вполне уместны вопросы: «Усилился или ослаб международный авторитет России на основании того, что два наших бывших соотечественников получили Нобелевские премии? Повысило ли это национальную безопасность России? Кто или какие государственные органы сэкономили на разработках талантливых тогда еще российских ученых?». Наконец, последний вопрос: «Разве даже приведенные примеры не говорят о том, что образование — это полноправный элемент национальной безопасности?».

Концепция большое внимание уделяет национальным интересам в духовной сфере, которые состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны. При этом отмечается нарастающая девальвация духовных ценностей, представляющая собой «угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации». В Концепции отмечается, что обеспечение национальной безопасности России включает в себя также «защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России». На государство при этом возлагается «формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения». Естественно, что решение этих задач должны, в первую очередь, решать средняя и высшая школы, т.е. это функции системы образования, что еще лишний раз подчеркивает, что образование — это элемент национальной безопасности страны.

Если в советские времена одной из центральных задач средней школы стояла задача подготовки выпускников к поступлению в высшие учебные заведения, то сегодня эта проблема снята с повестки дня, что приводит к разрушению органической связи этих двух естественных союзников. Неподготовленность школьников к учебе в высшей школе имеет своим следствием

резкий рост отчислений студентов за академическую неуспеваемость во время первых двух, а иногда и трех лет обучения, наблюдаемый практически во всех вузах страны. Это значит, что часть своего времени вузы работают вхолостую, «бесплатно съедая» столь дефицитные бюджетные средства государства или его регионов. Вот еще один пример действительно и «нецелевого», и «неэффективного» использования бюджетных средств, стоимость потерь в масштабах страны составляет при этом также миллиарды рублей. Восстановление органического единства школьного и высшего образования — залог спасения этих денег и существенный вклад в обеспечение экономической безопасности страны.

Судя по всему, именно пытаясь сблизить среднее и высшее образование, государство в законодательном порядке ввело пресловутый единый государственный экзамен.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее и, прежде всего, именно с позиций его влияния на национальную безопасность в широком смысле этого слова, имея в виду его влияния на систему образования.

Государство, вводя на законодательном уровне единый государственный экзамен (ЕГЭ), как единственную форму отбора выпускников средних школ для дальнейшего обучения в высшей школе, преследовало ряд целей, среди которых наиболее популярными были такие:

- поставить в равные условия всех лиц, желающих продолжить свое обучение в вузе;
- исключить коррупционную составляющую со стороны работников околотовской среды;
- снять стресс у школьников, связанный со сдачей двух циклов экзаменов (по окончании школы и при поступлении в вуз).

Насколько удалось реализовать сформулированные цели, об этом можно будет судить только через несколько лет.

С позиции теории управления единый государственный экзамен, как некая система отбора, должен рассматриваться как

единая большая сложная система управления, предназначенная для достижения стоящей перед ней цели (в рамках проводимого рассмотрения речь идет только о первой из названных выше целей, поскольку достижение второй из них — это задача соответствующих государственных органов внутренних дел и прокуратуры, а поэтому никакого отношения к системе отбора она не имеет. Третья цель должна быть отдана на откуп медикам и психологам).

Конечная цель любой системы отбора состоит в том, чтобы по каждому конкретному абитуриенту сделать заключение, во-первых, о том, что он имеет такой уровень знаний, который даст ему возможность освоить программы высшей школы, а во-вторых, проранжировать абитуриентов по уровню их знаний.

Проведение названных процедур с абсолютной неизбежностью сопряжено с ошибками двух типов. Рассмотрим их несколько подробнее, опираясь на результаты работ [2, 3].

Множество всех абитуриентов объективно разбито на два класса. К первому из них, которое обозначим А, относятся те, кто по уровню знаний при ранжировании занимает место выше порогового, дающего право на обучение в вузе. Ко второму классу, который обозначим Б, относятся все остальные абитуриенты.

При любой системе отбора возможны ошибки двух типов. В первом случае абитуриент из класса А системой отбора будет отнесен к классу Б. Во втором случае, наоборот, абитуриент из класса Б будет отнесен к классу А. Естественной мерой оценки системы отбора следует считать неизбежно возникающие при этом издержки. Поскольку возникновение ошибок носит случайный характер, целесообразно говорить о вероятности их возникновения. Обозначим вероятности перепутывания классов соответственно P_{AB} и P_{BA} . Также естественным представляется введение стоимости ошибок, которые обозначим S_{AB} (издержки, которые понесло общество, закрыв перед абитуриентом стены вуза) и S_{BA} (издержки, которые понесло общество, приняв

на обучение абитуриента, реального кандидата на отчисление из вуза). Целесообразно ввести среднюю стоимость издержек, которая может быть определена как $S_{\text{сред}} = P_{AB} \cdot S_{AB} + P_{BA} \cdot S_{BA}$.

Величина $S_{\text{сред}}$ дает возможность сравнивать между собой различные системы отбора. Никакого сравнения системы ЕГЭ с другими системами отбора абитуриентов, хотя бы по критерию средних издержек, автору ни в официальных государственных документах, ни в литературе найти не удалось.

Следует обратить внимание еще на один аспект, который, на наш взгляд, не может не учитываться, коль скоро речь идет о выборе системы отбора.

Автор возьмет на себя смелость утверждать, что при любой системе отбора контингент лиц (в своей основной массе), поступивших в вузы, будет один и тот же. Можно уверенно предположить, что этот процент вряд ли окажется меньше 80...85 % от общего числа желающих поступить в вузы, а в условиях имеющего место демографического спада, скорее всего, будет еще больше. Если согласиться с приведенным утверждением, то с неизбежностью следует, что естественным критерием оценки системы отбора должны выступать именно издержки, которые при этом несут собственно государство, вузы, школьники и их родители, да и сама система школьного и вузовского образования в целом. В этой связи многочисленные рассуждения о ЕГЭ, как элементе модернизации системы образования, вообще повисают в воздухе.

Если же оценивать системы отбора с позиции их преимуществ, то, прежде всего, необходим критерий сравнения систем. Такого критерия государство до сих пор не сформулировало, здесь на первый план выступают эмоциональные и, если можно так назвать, «начальственные» доводы (я прав, потому что я начальник).

Первое и главное, что поражает в ЕГЭ, — это навязываемая стране глобальная унификация в таком тонком и деликатном деле, как определение вы-

пускниками средних учебных заведений профиля своей будущей профессии, т.е. формирование профессионального состава лиц, которые в недалеком будущем будут определять все аспекты и направления деятельности государства, его науку и технику, культуру и экономику, оборону и транспорт и т.д. По сути, предлагается решить все проблемы отбора во все без исключения вузы страны одним унифицированным способом, вырывая из рук вузов право на внесение профильных для них элементов отбора. Закономерен вопрос, а можно ли с одной меркой подходить к оценке возможностей человека усвоить в процессе обучения любую систему знаний, будь то медицина или радиоп физика, философия или машиностроение, математика или культурология. Ответ однозначен: «Конечно, нет». Нельзя не согласиться с точкой зрения автора работы [6], утверждающего, что «Унификация экзаменационной системы, что самое главное, ее безальтернативность неизбежно приведут к унификации образования и, как следствие, к унификации мышления детей. В век глобальной компьютеризации, круглосуточного телевидения творческие точки роста детей и без того находятся в депрессивном состоянии. Унификация образовательной системы уничтожит их в зародыше».

Любая система отбора, в том числе и *ЕГЭ*, способна адекватно производить отбор лишь в ограниченной части спектра человеческих умений и способностей. При вузовском отборе можно ожидать заметного роста доли тех абитуриентов, которые по своим возможностям в большей степени соответствуют профилю выбираемой им специальности. При системе отбора через *ЕГЭ* названная «профилизация» заметно падает, что подтверждают результаты приема в вузы, имевшие место в последние годы.

Автор работы [4] отмечает, что принципиальная разница между тестом и настоящим экзаменом заключается в том, что тест — есть механическая проверка частных знаний. Экзамен — проверка умения думать на основании всей приобретенной массы знаний. Творчество — это принципиально

нестандартное, а тест — принципиально стандартизированное.

Попытка со стороны государства, отменившего вступительные экзамены, уменьшить стресс, испытываемый школьниками от их сдачи, привело к обратному эффекту, т.к. стресс, испытываемый ими при сдаче *ЕГЭ*, на порядок выше старого «двойного» стресса. Причина этого — создаваемая обстановка при сдаче *ЕГЭ* (чужая школа, чужие учителя, незнакомая обстановка, нервная атмосфера и т.д.). Однако самое главное — это то, что при выпускном экзамене учителя (а далеко не все из них жулики и мздоимцы, абсолютное большинство — это честные преданные своему делу люди) оценивают знания школьников не только по ответам на вопросы экзаменационного билета, а судят о знаниях школьников по их длительной «учебной» биографии, что существенно уменьшает вероятность ошибок при оценке знаний. *ЕГЭ* — это *одноразовая* попытка абитуриента, по которой с формальных позиций эксперт, не имеющий никакого представления об абитуриенте, или, того хуже, просто машина, судит о знаниях абитуриента и, по сути, определяет его будущее. Даже на спортивных соревнованиях спортсмену даются три попытки, по результатам которых определяют его мастерство. У школьников такой возможности нет. Тестовые испытания действительно разумно использовать там, где требуется автоматизм в решении стандартного набора задач, например, при сдаче экзаменов на получение прав на управление автомобилем. Но и здесь допускается практически неограниченное число попыток сдачи экзаменов.

Нам представляется очень удачным определением *ЕГЭ*, которое ему дали председатель комиссии Мосгордумы по науке и образованию Е. Бунимович [5], назвав *ЕГЭ* «образовательной кукурузой», и профессор Л. Айзерман [5], определивший *ЕГЭ* «технологией расчеловечивания».

Следующий момент, на который следует обратить внимание, если рассматривать систему отбора как систему управления, состоит в том, что в любой системе отбора,

а при системе отбора через ЕГЭ особенно, налицо наличие обратной связи, состоящей в том, что система отбора напрямую воздействует на систему обучения и процесс обучения школьников.

Отныне образование в старших классах школы переключается на подготовку к тестам ЕГЭ. Именно варианты ЕГЭ, а вовсе не учебники и не учителя становятся определяющим фактором.

Проиллюстрируем сказанное на примере математики. На первый взгляд, конец «вступительной» математики сам по себе является позитивным фактором. Теперь ее место занимает *математика тестов ЕГЭ*.

Что именно контролирует ЕГЭ-вариант по математике? Естественный набор вопросов, требующих ответа, звучит так: верно ли, что чем способнее абитуриент, тем больше он решит задач, верно ли, что абитуриент тем лучше решит, чем он лучше знает предмет?

Очевидно, что ответ на оба вопроса сразу не может быть положительным, потому что способности и познания вещи разные. Одним набором задач можно пытаться проверить первое, другим набором задач можно пытаться проверить второе.

Однако познание — вещь относительная, и прежде, чем выдавать набор задач, необходимо знать, какого именно уровня людей (а кстати, и какого именно типа) нужно оценивать.

На первый взгляд может показаться, что чем больше человек задач решил, тем выше его уровень. Однако даже смысл этой фразы не ясен. Потому что есть много шкал. То, что выше по одной шкале, может быть ниже по другой. ЕГЭ вводит какую-то неочевидную, по существу беспорядочную, сумбурную шкалу ценностей. Так что же контролирует ЕГЭ?

Способность к математике? ЕГЭ к этому вполне индифферентен. Как «орел-решка».

«Знание» математики? Отчасти, но в очень умеренной степени. Эффект «успешного решения задачи» состоит в автоматическом совершении ряда формаль-

ных действий. Более того, способность совершать автоматические операции предпочтительнее, чем «знания», потому что «размышление о задаче» занимает время, которое съедает отпущенное на ЕГЭ время. При этом даже малейшая пустяковая нечаянная описка сведет на нет решение даже самой сложной задачи.

Способность сохранять выдержку в экстремальных условиях? Лишь отчасти. Потому что величина «ставок» для разных людей разная, соответственно и ситуация «экстремальна» в различной степени. В этом смысле проверяется какая-то сумма степени выдержки со степенью безразличия.

Так что же *контролирует ЕГЭ-вариант по математике?* Исчерпывающий ответ на заданный вопрос, на наш взгляд, выглядит следующим образом: *ЕГЭ контролирует только способность абитуриента к решению предложенных ему задач.* Несмотря на абсурдность такого вывода, выполненная при ЕГЭ абитуриентом работа в очень слабой степени зависит от интеллектуальных качеств и способностей абитуриентов. Это неизбежная и предсказуемая плата за идею захватывающей дух унификации. Желая иметь вариант, контролирующий «все на свете», с необходимостью получим вариант, ничего не контролирующий. Воистину, хотели, как лучше, получилось, как всегда.

К чему именно ведет развитие у школьников способностей к написанию *ЕГЭ*? Условно говоря, есть три группы обучаемых лиц: те, кому все равно, середнячки и максималисты.

В наилучшем положении будет первая группа, которая своих способностей развивать не собирается.

Средняя группа пойдет по пути упомянутой выше «автоматизации». Им не будет ничего интересно, в ходе разучивания они разучатся думать самостоятельно, результаты обучения собственно математике будут близкими к нулевым. Максималисту придется чему-то учиться, он будет терять интерес, но будет продолжать учиться. Результат обучения будет минимален. Именно эта группа подвергнется наиболее сильному

отрицательному воздействию ЕГЭ.

Направление общечеловеческого и культурного воздействия ЕГЭ в двух последних группах будет сходным: воспитание посредственности в чистом виде с тщательным контролем успеха на выходе.

При всей своей мощи и блеске машина ЕГЭ и абстрактные независимые эксперты лишены рычагов управления. Их действия на учебный процесс в школе практически никакого влияния не оказывают, слишком далеки они от реальных проблем и забот школы. Какие опасности, на наш взгляд, могут поджидать нас в этом случае в дальнейшем?

– Замещение программы старших классов вариантами ЕГЭ примет формы более жесткие, чем в случае со «вступительной» математикой. Охватит оно все предметы.

– Ранее вступительные экзамены по математике сохраняли какое-то разнообразие и проходили где-то в стороне от школы. В тех условиях подготовка к ним не была прямой обязанностью учителя. Сейчас это уже не так. Старшеклассников, желающих поступить в вуз, будут интересовать именно варианты ЕГЭ. С этой стороны на учителя будет оказываться давление. Но и сам учитель, если он желает добра ученикам, должен будет «разучивать» тесты.

– Появляется «объективный» и «независимый» способ оценивать работу учителя. Нет сомнений, что он будет применен. Нет сомнений, что появятся передовики и начнется соревнование. Хотят того сейчас учителя или нет.

– Прохождение собственно школьной программы (которая содержательна) требует от учителя определенных усилий. Разучивать варианты ЕГЭ проще.

– С введением ЕГЭ происходит перераспределение коррупционных доходов вокруг образования, и они все больше перемещаются в школы. Это увеличивает заинтересованность части учительского состава в ЕГЭ. Несогласные оказываются в сложном положении. Протесты в школе против ЕГЭ долго продолжаться не будут. С каждым годом ЕГЭ будет проходить все успешней.

– Желание участников лишь в небольшой степени будут движущей силой этих процессов. Школа вынуждена будет перестраиваться сама в соответствии с поставленными ей государством (или от имени государства) целями. При этом следует четко понимать, что ЕГЭ – это не просто смена правил отбора для поступления в вуз, это принципиально новый элемент в системе образования, несущий в себе серьезную угрозу ее развитию и совершенствованию, т.е., в конечном счете, национальной безопасности страны.

В завершении статьи хотелось бы привести высказывание Председателя Совета Федерации С.М. Миронова [5]: «Кто будет создавать конкурентоспособность нашей страны, к которой призывает и Президент, и Премьер? Серенькие дебиловатые люди, которых загоняют в прокрустово ложе вот этого ЕГЭ? Кто будет способен к самому невероятному творческому мышлению? Кто будет способен на неординарные поступки, неординарные идеи? Те, кого загоняют сегодня и натаскивают, и учат же только вот этому? Ведь сейчас натаскивание уже идет, ЕГЭ марширует туда, в среднюю школу, уже в начальной тестирование идет по различным формам». Далее С.М. Миронов, оценивая ЕГЭ в целом, сказал: «...эта ошибка приводит к дебилизации выпускников школ и дебилизации всего высшего образования».

В заключение хотелось бы количественно проиллюстрировать, что такое *единый государственный экзамен*.

Итак, пусть на экзамен выносятся N равнозначных между собой вопросов. Коль скоро речь идет об оценке уровня знаний (а таких оценок четыре – 5, 4, 3, 2) испытуемого лица (ИЛ) по числу правильных ответов на задаваемые ему вопросы, естественно ввести некоторые три пороговые значения (N_1 , N_2 и N_3) и говорить, что если ИЛ знает правильные ответы на число вопросов, меньшее, чем число N_3 , то он заслуживает оценку 2 (будем в дальнейшем для удобства называть его «двоечником»). Если ИЛ знает правильные ответы больше, чем на N_3 числа вопросов, но меньше, чем на N_2 ,

то он заслуживает оценку 3 (будем называть его «троечником»). Если ИЛ знает правильные ответы больше, чем на N_3 вопросов, но меньше, чем N_2 , то он заслуживает оценку 3 (будем называть его «троечником»). Если ИЛ знает правильные ответы больше, чем на N_2 вопросов, но меньше, чем N_1 , то он заслуживает оценку 4 (будем называть его «хорошистом»). Если ИЛ знает правильные ответы больше, чем на N_1 вопросов, то он заслуживает оценку 5 (будем называть его «отличником»).

Таким образом, каждое ИЛ объективно принадлежит одному из перечисленных категорий (классов). Такое категорирование естественно назвать априорным. Задача любого экзамена как раз и состоит в определении категории ИЛ.

При тестовом испытании ИЛ задаются существенно меньшее, чем число N вопро-

сов, обозначим это число буквой M . Здесь также требуется провести аналогичное разбиение при помощи трех пороговых значений (M_1 , M_2 и M_3) и по числу правильных ответов соотносить ИЛ с одним из классов. Ниоткуда не следует, что категорирование по ограниченному числу вопросов (апостериорное категорирование) должно совпасть с априорным категорированием. Естественной мерой оценки процедуры экзамена следует считать вероятности отнесения отличника к классу отличника, отличника к классу хорошиста и т.д.

Искомая задача поддается строгому решению [8]. Ниже приводятся соответствующие таблицы для некоторых значений числа $N=50$ и $N=100$ и числа задаваемых при тестовых испытаниях вопросов – M (матрицы перепутывания гипотез).

Таблица 1

Вероятности соотношения объективной квалификации с квалификацией, присваиваемой по результатам тестовых испытаний (N=50/100, M=10; M₁=9, M₂=7, M₃=5)

Квалификация, присваиваемая по результатам тестовых испытаний		Объективная квалификация			
		отличник Q=45/90	хорошист Q=35/75	троечник Q=25/50	двоечник Q=15/25
отличник		0,74/0,74	0,12/0,23	0,01/0,01	0,00/0,00
хорошист		0,26/0,25	0,54/0,56	0,14/0,15	0,00/0,00
троечник		0,00/0,01	0,31/0,20	0,49/0,47	0,12/0,07
двоечник		0,00/0,00	0,03/0,01	0,36/0,37	0,88/0,93

Таблица 2

Вероятности соотношения объективной квалификации с квалификацией, присваиваемой по результатам тестовых испытаний (N=50/100, M=8; M₁=8, M₂=6, M₃=4)

Присваиваемая по результатам тестовых испытаний квалификация		Объективная квалификация			
		отличник Q=45/90	хорошист Q=35/75	троечник Q=25/50	двоечник Q=15/25
отличник		0,40/0,42	0,04/0,09	0,00/0,00	0,00/0,00
хорошист		0,57/0,55	0,51/0,59	0,12/0,13	0,01/0,00
троечник		0,02/0,03	0,41/0,30	0,53/0,51	0,17/0,10
двоечник		0,00/0,00	0,04/0,02	0,35/0,36	0,82/0,90

Таблица 3

Вероятности соотношения объективной квалификации с квалификацией, присваиваемой по результатам тестовых испытаний (N=50/100, M=5; M₁=5, M₂=4, M₃=3)

Присваиваемая по результатам тестовых испытаний квалификация		Объективная квалификация			
		<i>отличник</i> Q=45/90	<i>хорошист</i> Q=35/75	<i>троечник</i> Q=25/50	<i>двоечник</i> Q=15/25
отличник		0,58/0,58	0,15/0,23	0,03/0,03	0,00/0,00
хорошист		0,35/0,34	0,37/0,40	0,15/0,15	0,02/0,01
троечник		0,07/0,07	0,32/0,27	0,33/0,32	0,13/0,08
двоечник		0,00/0,01	0,15/0,10	0,50/0,50	0,85/0,90

Таблица 4

Вероятности соотношения объективной квалификации с квалификацией, присваиваемой по результатам тестовых испытаний (N=50/100, M=3; M₁=3, M₂=2, M₃=1)

Присваиваемая по результатам тестовых испытаний квалификация		Объективная квалификация			
		<i>отличник</i> Q=45/90	<i>хорошист</i> Q=35/75	<i>троечник</i> Q=25/50	<i>двоечник</i> Q=15/25
отличник		0,72/0,73	0,33/0,42	0,12/0,12	0,02/0,01
хорошист		0,25/0,25	0,46/0,43	0,38/0,38	0,19/0,14
троечник		0,02/0,03	0,19/0,14	0,38/0,38	0,46/0,43
двоечник		0,00/0,00	0,02/0,01	0,12/0,12	0,33/0,42

Приведенные матрицы перепутывания гипотез более чем наглядно демонстрируют слабую надежду на получение достаточно объективной оценки об истинных знаниях экзаменуемых лиц. На диагоналях стоят вероятности того, что испытываемое лицо будет опознано именно той категорией, которую оно объективно имеет. Бросается в глаза достаточно слабая зависимость от общего числа вопросов, выносимых на испытания, и очень сильная зависимость от числа вопросов, выносимых на экзамен.

Приведенные матрицы могут служить достаточно хорошим ориентиром при выборе числа вопросов, задаваемых на экзамене.

В последнее время все чаще со стороны руководителей Минобрнауки стали раздаваться призывы перенести систему тестовых испытаний в виде единого экзамена на профессиональное образование (бакалавриат и магистратура). По существу еще не подведены серьезные итоги по школьному

ЕГЭ, не проведена оценка издержек и достоинств, не оценены последствия, которые ЕГЭ оказал на школьное и вузовское обучение, а реформаторы от образования хотят нанести еще один удар по национальной безопасности России.

Нам представляется, что сказанного вполне достаточно, чтобы утверждать, что «Образование и, в частности, один из его элементов – ЕГЭ, есть ничто иное, как один из важнейших элементов национальной безопасности страны». Приняв сформулированный принцип, необходимо перефразировать задачу образования с позиций государства: «Обеспечить безопасность страны путем создания современной системы образования, доступной для каждого гражданина страны». Следствием этого является требование перестановки приоритетов распределения финансовых ресурсов: финансирование образования не по оста-

точному принципу, а чуть ли ни в первую очередь.

Перифразируя известное выражение, можно сказать: «Если страна не хочет превратиться в сырьевой придаток ведущих стран мира, в страну, не могущую защищать себя и своих граждан, нельзя жалеть денег на образование».

Еще Адам Смит писал: «Государство

обязано создавать и содержать определенные общественные учреждения, создание и содержание которых не может осуществляться в интересах никаких отдельных лиц или небольших групп, ибо прибыль от них никогда не сможет окупить затраты отдельного лица или небольшой группы лиц, хотя зачастую они и смогут с лихвой окупиться большому обществу».

Литература

1. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 17.12.1997 г., № 1300).
2. Елисеев Б.П. К оценке ЕГЭ как одной из форм системы отбора // Научный Вестник МГТУ-ГА, 2010. – № 162.
3. Елисеев Б.П. К оценке современной стратегии государства в области высшего образования и о некоторых парадоксах высшей школы // Теория и практика общественного развития, 2010. – № 4.
4. Елистратов В. Русский язык в школе. – 2005. – № 4.
5. Миронов С.М. Интернет-конференция Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Миронова Сергея Михайловича. 12.05.10.
6. Охрименкова Л. Учительская газета. – 1 августа 2006 г.
7. Елисеев Б.П. О стратегиях отечественного образования с позиций государства // Национальные интересы. – 2009. – № 4.
8. Елисеев Б.П. Общество, государство, высшая школа // Сайенс Пресс, 2011.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Елисеев Б.П., д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, зав. кафедрой государственного регулирования и права, ректор Московского государственного технического университета гражданской авиации

B. Eliseev, Rector of Moscow State Technical University of Civil Aviation, Head of the state law and regulation department, Honored Lawyer of Russian Federation, Doctor of Law Sciences

Научные интересы: связь средней и высшей школы, педагогика, национальная безопасность

Scientific interests: communication of secondary and high schools, pedagogics, national safety

УДК 314.74 (571.54/55)

Козыкина Наталья Владимировна
Natalya Kozykina

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ

MOTIVE FORCES OF THE INTERNATIONAL CHINESE MIGRATION

Рассматриваются факторы и особенности международной китайской миграции. Приводятся ее качественные и количественные характеристики. Обозначены основные потоки китайской миграции в мире. Акцентируется внимание на том, что демографический фактор оказывает определяющее влияние не только на внутренние процессы в КНР, но и проецируется вовне, влияя на миграционные процессы в Азиатском регионе в целом и Забайкальском крае, в частности

Ключевые слова: международная миграция, миграционная политика Китая, АТР, Забайкалье

Factors and features of international Chinese migration are analyzed in the article. Its qualitative and quantitative characteristics are shown in the research. Problems arising in this connection are considered. It is stressed that demographic factor makes impact not only on internal processes in the Peoples Republic of China, but also is projected outside, influencing migratory processes in the Asian region in the whole and Transbaikalie in particular. The basic streams of Chinese migration in the world are designated

Key words: international migration, migratory policy of China, Asian-Pacific region, Zabaikalie

Китайская миграция требует особого разговора в контексте тех вызовов международному сообществу, которые связаны с миграцией и возможностями управления ею. Причина этого – исключительно высокий демографический и миграционный потенциал Китая и происходящий в настоящее время рост численности китайских мигрантов и китайских землячеств во многих странах мира [1].

Массовые международные перемещения китайцев зафиксированы еще в первую «эпоху миграций». В период между 1842 и 1900 гг. около 2,3 млн китайцев работали по контракту в Юго-Восточной Азии, Африке и Северной Америке [2]. В среднем 100...180 тыс. китайцев ежегодно выезжали за рубеж в период 1978-1995 гг. Среди них доля нелегальных мигрантов составляла примерно 20 %. Последние направлялись в развитые страны мира. С 1980 по 1998 гг. среднегодовой темп роста численности про-

живавших за рубежом китайцев составлял 2,4 %. К 2001 г. в 150 странах мира насчитывалось 33 млн китайцев или лиц китайского происхождения; 80 % из них проживали в странах Азии – Индонезии (21,5 %), Таиланде (19,7 %), Малайзии (16,7 %). Четвертое место по количеству китайских мигрантов принадлежало США (8,5 %, или 2,8 млн чел.). Международная миграция китайцев особенно оживилась с началом экономических реформ. Многие китайские мигранты передвигаются в Южную Азию, Южную Америку, страны Карибского бассейна и Африку, рассматривая эти регионы как транзитные зоны для дальнейшего продвижения на Запад. Количество иммигрантов, въехавших в Китай в 1978-2000 гг., достигло 8,33 млн чел., а выехавших эмигрантов – около 1 млн чел., т.е. Китай принял примерно в восемь раз больше переселенцев, чем отправил за рубеж. При огромном экспортном потенциале рабочей

силы на Китай приходится треть всех работающих в мире, но всего лишь 2...3 % мирового рынка труда. В Пекине выдвигается задача увеличения последней цифры до 10 %. По-видимому, это вполне реальная цель, если учесть наличие 150...200 млн безработных, быстрое увеличение числа поездок граждан за рубеж с частными целями (рост на 30 % в год), а также последовательную либерализацию экономики Китая [3].

Китай демографически мощное государство с огромной численностью населения, которое постоянно растет. В конце 2009 г. население КНР составило 1,3 млрд чел. Для сравнения, число жителей России составляет лишь 1/9 от числа жителей КНР, приближаясь к численности населения трех приграничных китайских провинций на Востоке. На наш взгляд, китайская миграция в Россию превзошла рамки частной миграционной проблемы российского дальневосточного региона; она превращается в проблему масштаба сразу нескольких миграционных систем — Азиатско-Тихоокеанской, Евразийской системы и в вызов для Европейской системы. По мнению некоторых ученых, Азиатская цивилизация в будущем, возможно, заменит Европейскую цивилизацию [4].

Как подчеркивает И. Ивахнюк, «в значительной своей части китайская миграция в Россию имеет транзитный характер и нацелена на страны ЕС, и в этом контексте она несет в себе определенный демографический, экономический и политический потенциал» [1].

Нельзя обойти стороной и еще один важный аспект. В Китае существуют острые противоречия во всех областях внутренней жизни.

Во-первых, увеличение разрыва в экономическом развитии регионов Китая служит источником как внутренней, так и внешней миграции.

Во-вторых, «фактор народонаселения будет оказывать определяющее влияние как на внутренние процессы в КНР, так и до некоторой степени проецироваться вовне, в первую очередь, на внешнеэкономические связи, а также определять подхо-

ды Китая к тем или иным двусторонним и международным гуманитарным и экологическим инициативам. В настоящее время с учетом роста жизненного уровня в КНР демографическая экспансия со стороны Китая не угрожает другим странам. Но демографическое давление Китая, его геополитическое доминирование всегда будет потенциальным фактором, влияющим на миграционные процессы в Центральной Азии и других регионах, в том числе и в Европе» [5, 211].

В-третьих, сокращение населения Байкальского региона (куда входит Забайкальский край) и Дальнего Востока стимулирует миграционные процессы и создает возможности для притока китайских мигрантов на эти территории.

В результате сложившейся возрастной структуры населения в течение ближайших десятилетий доля населения в возрастной группе 16...65 лет, т.е. трудоспособного населения, будет превышать 70 %. Это означает, что Китай располагает огромными трудовыми ресурсами. Перед государством стоит сложная задача — обеспечить занятость населения в последующие годы. Можно предположить, что определенная часть китайских граждан будет стремиться найти работу и заработок за рубежом.

Внутриполитической проблемой для КНР стали массовые внутренние миграции из аграрных районов в прибрежные. Сельские жители КНР становятся потенциальным массовым миграционным потоком. Рост безработицы становится реальной угрозой социальной стабильности, тормозит внутренний спрос. Экстенсивный характер экономического роста ведет к очень быстрому росту потребления природных ресурсов и катастрофическому ухудшению экологической ситуации. Проблема перенаселения усугубляет переход к интенсивному пути развития экономики. Понимая это, власти КНР с начала периода реформ все решительнее принимают меры, которые смещаются от запрета миграции (1979-1983) к разрешению миграций (1984-1988), от ограничения миграций (1989-1998) к регулированию миграций (1999-2000) и, на-

конец, к поощрению миграций, принимая все более активное участие в международном рынке труда [6; С. 252].

Интересен в этом отношении опрос 100 наиболее крупных китайских ученых по программе «Вызовы Китаю в XXI веке». По их мнению, в период до 2010 г. «крайне важными» будут шесть социальных проблем: «проблема занятости» (66 % участников опроса), «отношения между разными слоями населения» (64 %), «коррупция» (62 %), «экология и ресурсы» (56 %), «проблема народонаселения» (54 %), «застой в реформе социально-политической системы» (52 %) [8].

Непосредственное отношение к миграции имеет проблема занятости. По данным Государственного статистического управления КНР в 2006 г. 737 млн проживало в сельской местности, тогда как в городах на тот период проживали 577 млн чел. [9]. 120...150 млн из них считаются излишней рабочей силой. Урбанизация идет слишком медленно. По состоянию на конец 2009 г., в городах и поселках городского типа Китая зарегистрировано 9,21 млн безработных, уровень зарегистрированной безработицы составил 4,3 % [10]. К этому надо прибавить скрытую безработицу в 30...40 млн. Следовательно, в Китае накапливается социальное недовольство и формируется гигантский потенциал иммиграции.

Китайское правительство обеспокоено огромными масштабами избыточной рабочей силы внутри страны. С начала 80-х гг. КНР проводит целенаправленную политику освоения зарубежных рынков трудовых ресурсов, активно поддерживает своих граждан в индивидуальном бизнесе, требует от них организованной и индивидуальной добычи твердой валюты, изучения иностранных технологий и повышения квалификации за рубежом [11].

Меры по дальнейшей стабилизации проблемы занятости и распределения трудовых ресурсов направлены на расширение экспорта рабочей силы из густонаселенных регионов Китая в малозаселенные сельскохозяйственные районы (в основном, приграничные области) сопредельных стран.

В числе этих мер — создание совместных предприятий с обязательным участием китайских рабочих; участие китайских специалистов на производстве в сопредельных странах по долгосрочным контрактам; нахождение китайских специалистов в зоне компактного проживания при длительном пребывании на территории другого государства; взятие китайскими предприятиями в аренду земель, расположенных в приграничных областях сопредельных стран.

Высшее китайское руководство особое внимание уделяет политике в отношении китайской миграции. Основными особенностями официальной миграционной политики КНР являются содействие укреплению своих позиций на мировом рынке трудовых услуг, борьба с нелегальной эмиграцией, активная защита прав китайских граждан за рубежом, поощрение осевших за границей ученых к возвращению на родину. Расширение экспорта трудовых услуг (т.е. увеличение иммиграции граждан Китая в другие страны) — важная составная часть долгосрочной внешнеэкономической стратегии выхода национального китайского бизнеса вовне, получившая название «Идти вовне» (провозглашена весной 2000 г. на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей). В целом стратегия «Идти вовне» означает товарную экспансию на внешних рынках, экспорт рабочей силы, импорт сырья и высоких технологий. После того, как в Китае была принята стратегия открытости, более 10 млн китайских граждан ежегодно становятся международными мигрантами, причем их число увеличивается более чем на 30 % в год [7].

Как считает А.Д. Воскресенский, характер экономических преобразований в Китае, целенаправленная внешнеполитическая стратегия корректировки правил мировой системы и формирование огромной зоны тесного взаимодействия КНР со странами по всему периметру китайских границ могут существенно изменить, если не трансформировать полностью, систему международных региональных отношений [12]. В рамках трансформации региональной системы Китай добивается следующих

стратегических целей:

– признание мировым сообществом территориальной целостности Китая, включая его права на Тайвань, Тибет, Синьцзян;

– международное признание «особых» прав КНР в акватории Южно-Китайского моря;

– распространение преобладающего влияния на Юго-Восточную Азию;

– приемлемое для Китая решение территориальных вопросов с соседними государствами;

– обеспечение поддержки соседними государствами позиций КНР в спорах с США и другими странами Запада;

– фактическое утверждение «особых отношений» между КНР и Монголией;

– приобретение де-факто «особого положения» в Центральной Азии;

– исключение шансов вступления Других Стран в антикитайские коалиции и военного противостояния с Китаем;

– навязывание другим странам торгово-инвестиционной политики, благоприятной для Китая;

– признание странами региона ведущей региональной роли КНР, выражающейся в форме неформальных, но обязательных консультаций с Пекином перед принятием важных внешнеполитических решений;

– обеспечение согласия других стран принимать китайских иммигрантов;

– закрепление «особых прав» китайских меньшинств за рубежом и признание права Пекина на их защиту;

– распространение китайского языка в Азии, обеспечение двуязычия в зарубежных районах компактного проживания этнических китайцев.

В России китайская диаспора существует с конца 50-х гг. XIX в. До 30-40-х гг. прошлого века она была по численности далеко не последней среди китайских зарубежных диаспор. Согласно переписи населения 1989 г., в России насчитывалось 5,2 тыс. китайцев. Компактного поселения они не образовывали и практически ассимилировались. Возвращение китайцев в Россию произошло после нормализации российско-китайских отношений в конце 80-х гг. XX

в. С тех пор ведется отсчет так называемой современной истории китайской миграции в Россию. И с тех пор она приобрела массовый характер и общественно-политическое значение [13; С. 4].

Еще недавно Россия не входила в число стран, куда китайцы хотели уехать в поисках лучшей жизни. В последние годы ситуация стала быстро меняться. В ходе первого раунда российско-китайских переговоров по вопросам вступления России в ВТО китайская сторона выдвинула требование о снятии барьеров для въезда в РФ китайских торговцев и предоставлении им равных прав с российскими предпринимателями. Хотя в последующем КНР сняла данное требование, в стране стали стимулировать поездки граждан РФ. В 2002-2003 гг. в 50 городах Китая введен свободный порядок оформления заграничных паспортов. Возникло более 200 компаний, специализирующихся на подборе китайцев на работу в других странах. Это нововведение способствовало росту иммиграции из Китая [8].

Являясь ключевым вопросом для правительства Китая, миграция носит двусторонний характер. С одной стороны, необходимо решить, как использовать огромный внутренний миграционный резерв для укрепления экономики страны, с другой – не ослабить при этом контроль за передвижением мигрантов как внутри, так и за пределами своей страны. Кроме того, в контексте российско-китайских отношений соразвития следует искоренить негативную реакцию на китайскую миграцию в Сибирь и на российский Дальний Восток. Пока китайское правительство не способно решить эти вопросы. Да и как их можно решить, если эти угрозы со стороны китайской миграции носят мнимый характер? Так, например, в России время от времени звучат идеи о «территориальной экспансии Китая», что провоцирует дополнительную социально-политическую напряженность. В результате это может отразиться на развитии двусторонних отношений между странами происхождения и странами назначения мигрантов. На наш взгляд, китайская миграция в России, как таковая, не пред-

ставляет вероятной угрозы национальной и региональной безопасности. Более того, неспособность урегулировать этот вопрос задерживает процесс интеграции Сибири и Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Проблема, как мы считаем, заключается не в том, как воспрепятствовать китайской миграции, а в том, как контролировать этот процесс и регулировать его в соответствии с потребностями российской экономики.

Место Дальнего Востока и Байкальского региона (и Забайкальского края в том числе) в глобальной экономике невозможно представить без учета оценки экономичес-

кого (в том числе миграционного) потенциала, тенденций развития и потребностей стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также экономики ведущих стран мира.

Россия как геополитически, так и экономически нуждается в усилении своих позиций в АТР. Опережающее развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сравнении с общемировыми показателями заставляет по-новому взглянуть на место Дальнего Востока и Байкальского региона (куда входит Забайкальский край) в политическом, экономическом и социальном развитии России, на их роль для России с глобальной точки зрения в стратегической перспективе.

Литература

1. Ивахнюк И. Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия. Доклад на 4-й региональной конференции совета Европы «Миграционная политика накануне расширения ЕС: Вызовы будущему сотрудничеству в Восточной Европе» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Киев, 9-10 октября 2003 г. — Режим доступа: — http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi_3/ [Загл. с экрана].
2. Доклад ООН о развитии человека «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — 2009. — Режим доступа: — <http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/> — [Загл. с экрана].
3. Белов А.В. Комплексный анализ проблем миграции в Северо-Восточной Азии // Проблемы современной экономики. — № 3/4. — 2002.
4. Okolski M. The Incoming Civilizations, the Outgoing Civilizations on the Turn of the 20th Century. Reflection from the Perspective of Demography // In: «The World in the Mirror of International Migration». Scientific series «International Migration: Russia and the Contemporary World». — Vol. 10. — Moscow MAX Press, 2002. — P. 153-170.
5. Баженова Е.С. Россия-Китай: демографические аспекты. Проблемы национальной безопасности // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Россия-Китай: проблемы обеспечения национальной и международной безопасности». — Чита: ЧитГУ, 2009.
6. Migration Without Borders. UNESCO Publishing, Paris and Berghahn Books. — New York, Oxford, 2007.
7. China Statistical Yearbook, 2001, Beijing.
8. Гельбрас В.Г. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке. — Отечественные записки. — № 4. — 2004.
9. Газета «Жэньминь жибао» он-лайн на русском языке [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: — <http://russian.people.com.cn/31521/6288649.html> [Загл. с экрана].
10. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения Китая. Агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://russian.cri.cn/881/2010/01/22/1s322951.htm> [Загл. с экрана].
11. Международная конференция «Россия и Китай в современном мире» [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — СПб., 2006. — Режим доступа: <http://www.rusnations.ru/news/662.html>. — [Загл. с экрана].

12. Китай в мировой политике / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: РОССПЭН, 2001.

13. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. – М.: Муравей, 2003. – 223 с.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Козыкина Н.В., зав. кафедрой международного права и международных отношений, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
april-chita@mail.ru

N. Kozykina, Head of International law and international relations department, Chita State University

Научные интересы: политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Scientific interests: Political problems of international relations, global and regional development

УДК 323.2

Маркова Елена Александровна
Elena Markova

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В НАЧАЛЕ XXI В.

NATIONALISM AND DEMOCRACY IN THE EARLY XXI CENTURY

Дан анализ этнических и национальных проблем, рассмотрен вопрос о том, как в начале XXI в. национализм соотносится с принципами либерализма и демократии. Сформулировано несколько тезисов о соотношении «национальной идеи» и демократии в современном мире.

Выявлено, что эволюции и перспективы национализма как политического феномена требуют тщательного изучения

Ключевые слова: этничность, идентичность, нация, национализм, демократия

An analysis of ethnic and national problems, the question of how, in the beginning of the XXI century nationalism refers to the principles of liberalism and democracy are observed. Several theses on the relationship between “national idea” and democracy in the modern world are formulated. The evolution and prospects of nationalism as a political phenomenon that requires careful consideration are stated

Key words: ethnicity, identity, nation, nationalism, democracy

Этнические и национальные проблемы играли большую роль не только в прошлом. В мире современной политики они занимают весьма значительное место. Более того, есть все основания полагать, что в обозримой исторической перспективе их актуальность будет возрастать.

Энциклопедический социологический словарь дает следующее определение: «Национализм — это система взглядов, идеология, питающаяся этноцентризмом и имеющая большую социально-политическую направленность. Идеологи национализма полагают, что главным видом социальных связей являются связи национальные (этнические) и главным субъектом истории — национальные (этнические) общности, сотрудничающие или чаще — враждующие между собой. Эти идеологи приписывают своему народу особые исторические заслуги и историческую миссию, призывают людей служить этой миссии, пренебрегая другими интересами, не считаясь с другими народами. В раннеклассовых формациях национа-

лизм обычно проявлялся в слабой степени, уступая религиозной идеологии. Свои наиболее четкие формы национализм получил с развитием капитализма и национальных движений, с завершением процесса формирования наций и национальных государств. Наиболее реакционную форму он приобрел в немецком так называемом национал-социализме (фашизме), который включал в свою программу физическое уничтожение неарийских народов. Применение фашистами расовых критериев связывает их идеологию с расизмом» [5; С. 443].

Подчеркивая значение этой проблемы, политолог Александр Соловьев следующим образом связывал ее с классификацией национализма: «Наиболее политически значимым основанием для типологии национализма в настоящее время является его отношение к демократии. Такое основание стало особенно актуальным в последние десятилетия, когда обозначился кризис современных национальных государств, а также выявились серьезные политические

противоречия в связи с резким ростом национального самосознания в посттоталитарных странах Восточной Европы и СНГ. С точки зрения отношения к демократии, как правило, выделяют три типа национализма: *враждебного* демократии, *нейтрального* и *соответствующего* его базовым принципам и задачам. Выделение национальных движений, находящихся в разном отношении к демократии, безусловно, имеет под собой реальную почву. Однако теоретическая проблема заключается не столько в констатации указанных типов национализма и их распространенности, сколько в понимании путей и методов демократизации национальных движений. А это, в свою очередь, зависит от понимания совместимости национальных и демократических процессов» [3; С. 187].

Л.М. Дробижева обозначила ряд принципов и норм, дающих возможность считать конкретный национализм (национальный регионализм) либеральным.

«О либеральном национализме можно говорить, если:

– государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

– устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

– обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

– допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических,

сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

– наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

– обеспечивается свободное право личности на выбор национальности» [1; С. 247-248].

Большинство из перечисленных признаков – отмечает Л.М. Дробижева – характерно для развитых и консолидированных демократий, но в условиях посткоммунистических обществ представляется «слабодостижимым идеалом». Тем не менее, по ее словам, либеральный национализм способен обновляться в своих принципах, институтах, процедурах, оставаясь целью, к которой национально ориентированные общественные силы, лидеры, властные структуры проявляют готовность стремиться, хотя не всегда и не во всем ее достигают [1; С. 249].

В этой перспективе либеральный национализм видится если и не доминирующей (к сожалению) формой современного национализма, то наиболее актуальной и перспективной.

Однако простое указание на то обстоятельство, что одни националисты готовы признавать ценности либерализма и политической демократии, а другие – нет, является лишь самым первым, хотя и необходимым приближением к ответу на вопрос о соотношении национализма и демократии в современную эпоху.

Например, как показывает политическая практика, некоторые группы националистов (как, впрочем, представителей и других политических течений) проявляют готовность «играть по демократическим правилам» лишь из тактических соображений, т.е. до тех пор, пока им не удастся сосредоточить в своих руках достаточного объема властных полномочий. Следовательно, вопрос о связи национализма, либерализма и демократии нельзя сводить к элементарной классификации, а следует ставить в гораздо более широком социально-политическом контексте.

Авторы фундаментального исследования «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг.» отмечали: «На современном этапе осмысление проблемы национализма и демократии стоит перед мировым научным сообществом в связи с принципиально новыми особенностями проявившейся современной глобальной взаимозависимости: смещением акцентов в международной безопасности по окончании «холодной войны» и крушении мировой системы социализма, подъемом этнического самосознания народов во всем мире, а также кризисом современного национального государства в условиях все возрастающего влияния транснациональных и субнациональных движений, организаций и институтов. В связи с этим в науке и политике идут острые споры практически по каждому из теоретических вопросов, связанных с пониманием и оценкой как демократии, так и национализма» [1; С. 11].

Тем не менее, при всем многообразии интеллектуальных подходов к данной проблематике представляется возможным сформулировать несколько тезисов о соотношении «национальной идеи» и демократии в современном мире.

Во-первых, очевидно, что масштабная демократизация политической жизни, повсеместно наблюдавшаяся во второй половине XX в. и продолжающаяся до сих пор, теснейшим образом связана с процессами глобализации. Например, во многих странах местные демократические движения пользуются существенной поддержкой со стороны глобальной сети демократических и правозащитных организаций. Большую, подчас решающую роль в процессах политической демократизации играют и международные средства массовой коммуникации. Наконец, лежащая в основе демократизации концепция «прав человека» носит, по определению, универсальный и наднациональный характер.

Однако подобная глобализация демократии также означает подрыв суверенных позиций классических национальных государств, сформировавшихся в эпоху модер-

на на волне массового политического национализма.

Известный немецкий социальный философ Юрген Хабермас, рассматривая «взлет» государств-наций и их «закат» в ходе глобализации как последовательные исторические этапы развития политической демократии, писал: «Глобализация означает разрушение, устранение границ и тем самым представляет опасность для национального государства, которое почти исторически блюдет собственные пределы... Национальное государство, безусловно, создало ту структуру, в рамках которой республиканская идея сообщества, сознательно влияющего на свою собственную жизнь, могла быть артикулирована и институционализована. Однако сегодня глобализация тех же самых тенденций, которые когда-то породили национальное государство, ставит его суверенитет под сомнение... В свете возрастающего плюрализма внутри национальных обществ и глобальных проблем, с которыми национальные правительства сталкиваются во внешней сфере, национальное государство в обозримом будущем уже не сможет обеспечивать надлежащие рамки для поддержания демократического гражданства. Что здесь в целом кажется необходимым, так это поднятие способностей к политическому действию на более высокий уровень, выходящий за рамки национальных государств» [4; С. 377-379].

Другими словами, современная демократия как бы «перешагивает» национальные границы. Именно в этом смысле некоторые авторы говорят о формировании «глобального гражданского общества».

Во-вторых, демократизация политической жизни на практике часто сопровождается всплесками «нового национализма», корни которого уходят в мощные пласты социальной истории тех или иных народов. В этих случаях демократия и национализм вступают в отношения, напоминающие те, которые были характерны для них на протяжении XVII-XIX вв. Так что можно сказать, что подобный национализм является как бы идеологическим отзвуком или «эхом» уже завершенного в целом этапа ми-

ровой политической истории.

При этом общее ослабление государственной власти, практически неизбежно сопровождающее демократизацию, повсеместно создает благоприятные условия для развертывания самых разнообразных межэтнических и межнациональных конфликтов, которые, в свою очередь, дополнительно стимулируют рост националистических настроений.

Обращая внимание на этот аспект политической демократизации, авторы книги «Демократизация и образы национализма в РФ 90-х гг.» писали (применительно к постсоветской ситуации): «Политические системы бывшего Советского Союза и Восточной Европы ослабили уровень государственного контроля и принуждения по отношению к национализму и межгрупповой борьбе в то время, когда еще не были созданы институциональные, цивилизованные средства выражения и согласования противоречащих интересов различных групп. Многие государства – приемники бывшего Союза – сталкиваются с теми же проблемами. Как показали этнополитические кросс-национальные исследования... успех демократизации в целом и ее влияние на этнический конфликт весьма противоречивы и неопределенны» [1; С. 33].

В демократизирующихся обществах этнические группы получают значительные возможности для политической мобилизации, однако у государства обычно нет ни ресурсов, ни эффективных институциональных механизмов для достижения межгруппового согласия и выработки толерантности, которые есть в государствах, имеющих более длительный опыт демократического развития. В таких условиях чрезвычайно высока вероятность того, что демократизация будет сопровождаться как этническими протестами, так и этническим насилием. Серьезный риск заключается в том, что отказ от поисков компромиссов и согласования позиций одной или всеми политически соперничающими группами может привести к гражданской войне и восстановлению режима авторитарного принуждения.

Александр Соловьев отмечал: «Важнейшее значение в демократизации национальных движений имеет массовое распространение чувств толерантности, инонациональной терпимости, взаимоуважения представителей различных наций, пропаганда в обществе образцов культуры и достижение компромиссов. При этом СМИ не должны становиться на защиту интересов только лиц определенной национальности, усугубляя различия между национальными группами, способствуя расширению чувств национальной неприязни, распространению националистических фобий и предрассудков» [3; С. 188].

В-третьих, важнейшим дополнением и стимулом политической демократизации является, без сомнения, плюрализация культуры. Собственно говоря, процесс демократизации политики можно рассматривать в качестве одного из аспектов общей социокультурной плюрализации. Именно культурные сдвиги, происходившие во всемирном масштабе во второй половине XX в., обеспечили ту социально-психологическую атмосферу, в которой стала возможной волна демократизации 1990-х гг. Общее содержание этих культурных сдвигов отражает термин «постмодерн».

Основной пафос постмодернистского отношения к культуре состоит в отрицании «метанарративов», т.е. каких-либо самодостаточных, претендующих на универсальную значимость идеологических построений и культурных образцов.

В эпоху постмодерна происходит отказ от попыток выработать тот или иной вариант «спасительного» социального дискурса в пользу свободной игры или «гибридизации» различных по своему происхождению дискурсов. Это относится к наиболее развитым странам Запада, выступающим, при всех необходимых оговорках, эталоном для народов большинства стран мира.

Разумеется, идея культурной гибридации является отрицанием ключевой для националистов всех времен и народов идеи «культурного единства».

Голландский исследователь Ян Недервеен Питерсе формулирует эту позицию

следующим образом: «Концепция гибридации предлагает противоядие от культурного дифференциализма расовых и националистических доктрин, так как берет за исходную точку тот опыт, который был в рамках этих теорий запретной темой. Она отвергает национализм, отдавая предпочтение пересечению культурных границ. Она подрывает политику формирования этнической идентичности и основы всяких притязаний на чистоту и исключительность, поскольку акцентирует размытость и подвижность культурных границ. Если модернизм выражает этос порядка, четкого разделения посредством жестких границ, то гибридация — постмодернистскую восприимчивость к смешению, преодолению границ, неустойчивость» [2; С. 323-324].

Другими словами, характерная для современной эпохи культурная плюрализация, сопровождающая и стимулирующая

политическую демократизацию, подрывает позиции «больших» национальных культур, сформировавшихся в эпоху модерна. Соответственно теряют легитимность и опирающихся на них «старые», или классические, национализмы. И это — тенденция общемирового масштаба.

Таким образом, о соотношении, в котором в начале XXI в. находятся демократия и национализм, можно сказать в целом следующее: современная глобализирующаяся демократия, несмотря на определенные тактические компромиссы, в силу своей внутренней логики выступает в качестве оппонента всех форм старого национализма — либерально-демократического, поскольку он «национально ограничен», и авторитарного — поскольку он не только «национально ограничен», но еще и антидемократичен.

Литература

1. Дробижина Л.М., Аклаев А.П., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. — М.: Мысль, 1996.
2. Питерсе Я.Н. Глобализация и культура: три парадигмы // Этнос и политика: хрестоматия. — М.: УРАО, 2000.
3. Соловьев А.И. Этнос и политика: хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Прусаускас. — М.: УРАО, 2000.
4. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002.
5. Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. — М.: ИСПИ РАН, 1995.
6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. — М.: Юнити, 2002.
7. Гумилев Л.Н. От Руси до России. — М., 2003.
8. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. — М., 2002.
9. Мнацаканян М.О. Нации и национализм: социология и психология национальной жизни. — М.: Юнити, 2004.
10. Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Маркова Е.А., канд. полит. наук, ст. преподаватель кафедры социологии организаций, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
markova27@yandex.ru

E. Markova, Candidate of Political Sciences, senior teacher of organizations' sociology department, institute of sociopolitical systems, Chita State University

Научные интересы: региональная специфика этнополитических процессов

Scientific interests: regional specificity of ethno-political processes

УДК 32.019.5:070

Осипова Ольга Валерьевна
Olga Osipova

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

REGIONAL INFORMATION POLICY IN THE CONTEXT OF POLITICAL COMMUNICATIONS' THEORY

Рассматриваются основные черты информационного общества в контексте коммуникации. Показана роль политической коммуникации в деятельности современных органов власти. Особое внимание уделено факторам формирования региональной информационной политики. На основе теории установления повестки дня определены особенности региональной информационной политики

Ключевые слова: региональная информационная политика, государственные органы власти, коммуникация, теория установления повестки дня

The article covers the basic traits of an information society in communications context. The role of political communications in activity of modern authorities has been shown. Special attention is paid to factors of regional information policy formation. On the agenda-setting theory basis the features of the regional policy were defined

Key words: regional information policy, authorities, communication, agenda setting theory

Согласно теории информационного общества, современность как этап развития характеризуется в первую очередь интенсификацией и повышением роли в жизнедеятельности социумов, процессов, направленных на производство, обмен и потребление информации.

Тем не менее, в известной, коррелирующей с перечисленными процессами триаде, выведенной Никласом Луманом — сообщение, трансляция, понимание — в современную эпоху компонент трансляции (коммуникации) становится определяющим и доминирующим, поскольку развитие информационных технологий и повсеместная информатизация позволяют не столько создавать информацию, сколько тиражировать ее, а главное — передавать. То есть, изменение возможностей в трансляции информации — это то, что коренным образом отличает современное общество как информационное.

В этой связи, мы полагаем, необходимо согласиться с Д.В. Ивановым, что увеличение объемов циркулирующей в обществе информации приводит к многократному увеличению значения сферы знаков и образов. Далее автор делает следующий вывод: «в таком обществе, где люди придают образам не меньшее, а порой и большее значение, чем реальным событиям, развитие информационных технологий не может осуществляться иначе, кроме как в направлении создания систем централизованного управления и программирования социальных процессов» [5].

Действительно, взятый за основу прагматический аспект исследования информации [9] наводит на мысль, что транслируемый информационный поток является процессом передачи символов, способным побуждать получателя информации к определенным действиям. Учитывая, что при-

рода политики состоит в коллективной целенаправленной деятельности в интересах общества, осуществляемой через специализированные формы общения людей, можно сделать вывод, что социально-информационным плацдармом политики является политическая коммуникация, которую можно определить как непрерывный процесс передачи информации, циркулирующей внутри и между политическими и социальными системами на всех уровнях [1].

Представляется верным рассматривать указанный аспект в рамках такого понятия, как государственная информационная политика, поскольку оно, на наш взгляд, наиболее верно отражает сущность деятельности государственных властных структур в информационно-коммуникативной сфере, в том числе с целью реализации политической коммуникации.

Государство, являющееся ядром политической системы, а также самым мощным производителем массовой информации в обществе, можно рассматривать как один из наиболее влиятельных субъектов политической коммуникации.

В то же время необходимо отметить, что государство, представленное федеральной властью, безусловно, определяет развитие информационного пространства, а также пути перехода к информационному обществу и его дальнейшее развитие. Тем не менее, как нам кажется, не способно ставить и решать какие-либо конкретные задачи по отдельным регионам, благодаря чему субъекты Российской Федерации вправе осуществлять собственное правовое регулирование в отдельных сферах жизнедеятельности, а также самостоятельно формировать структуру исполнительных органов власти.

Кроме того, необходимо учитывать, что регион — это политическая структура, где реализуются политические решения в соответствии с определенной спецификой, вытекающей из нескольких факторов:

во-первых, необходимо учитывать сложившийся уклад жизни, определяющий пространство культурной специфики. Действительно, процессы глобализации и

информатизации актуализировали региональную идею как пространственную локализацию общности [7]. В обществе риска и высокой степени неопределенности люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: этнических, национальных, территориальных, а население региона — это общность со своей историей, менталитетом, относительно автономный мир со сформировавшимся равновесием сил;

во-вторых, регион — это особый социально-политический порядок, имеющий свои традиции изменения;

в-третьих, динамика центробежных и центростремительных тенденций в региональном пространстве связана с проблемой целостности России, и политическое управление в этих условиях зависит от информационного поля. То есть информационная политика должна не только обеспечивать взаимодействие местной власти и населения, но и адаптировать информацию о тех политических решениях федеральной власти, которые затрагивают жизнь региона. Вот почему, как мы считаем, информационная политика должна проводиться как на федеральном, так и на региональном уровнях.

С учетом того, что региональная политика имеет множество особенностей, будет логичным определить чем, по мнению региональных экспертов, может быть вызвана потребность в информационной политике России на региональном уровне. Итак, среди факторов, вызывающих потребность в формировании информационной политики, чаще всего называют:

— неравномерность распространения информации по географическому и социально-демографическому принципу;

— отсутствие возможности у многих районных СМИ осуществлять свою деятельность без государственной поддержки;

— отсутствие балансирующего государственного влияния на процесс информационного обмена в обществе.

Все эти явления в той или иной мере приводят к недостаточной информированности граждан, что мешает им правильно сориентироваться в социальных, экономи-

ческих и общественных вопросах. А если общество оказывается недостаточно информировано о готовящихся и принимаемых решениях и действиях законодательной и исполнительной ветвей власти, о текущих событиях и положении в социальной, экономической и общественно-политической сферах, то в обществе возникают благоприятные условия для зарождения различных домыслов и устойчивых мифов, как правило, негативного характера по отношению к власти. В такой ситуации в отношении общества к власти будет доминировать недоверие, а все действия власти, даже объективно направленные на удовлетворение интересов гражданина и всего общества в целом, будут восприниматься недостаточно адекватно.

Таким образом, на основе рассмотренных данных можно прийти к выводу, что вся совокупность сложных информационных процессов подчинена выполнению государством своих базовых задач по принятию политических решений. Именно политико-административный процесс разработки и реализации общеколлективных целей концентрирует информационные усилия государства и на региональном уровне.

Соответственно, власть стремится к установлению постоянных информационных отношений с обществом, но не только для информирования, но и для влияния. Так, по мнению К. Сайнне, разработавшего одну из моделей политической коммуникации, элиты всегда стараются доводить до масс информацию, которая бы укрепляла их легитимность [8].

Возможности власти посредством СМИ формировать общественное мнение наиболее удачно раскрывает теория установления повестки дня, представляющая одно из бурно развивающихся направлений коммуникативных исследований.

Суть его заключается в том, что чем больше внимания СМИ уделяют той или иной проблеме, тем больше подобной информации в зоне публичной повестки дня, которая и задает список наиболее доступных доводов и критериев, на которые склонны опираться отдельные граждане, к

примеру, и при оценке деятельности властных структур.

В свою очередь необходимо отметить, что процесс принятия политических решений формирует некую политическую повестку дня – список проблем, которые считаются не просто важными, но требующими для своего решения вмешательства государства. И если публичная повестка дня формируется путем перестройки и коррекции медиа-повестки, то та, в свою очередь, в значительной мере вырабатывается именно за счет перестройки и коррекции политической повестки [2]. Таким образом, политическая повестка дня, учитывая коллективный характер реализуемых в политике целей, выступает в качестве основания для формирующегося общественного дискурса, и соответственно, предполагает каналы передачи информации, способные обеспечить единую направленность действий большого числа людей – средства массовой информации.

М. Паренти считает, что «СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом определен теми, кто контролирует мир коммуникаций» [10]. То есть средства массовой информации оказывают во многом решающее влияние на общественное мнение, но реально это происходит только в том случае, когда воздействие сообщений СМИ носит устойчивый и долговременный характер [4], а количество средств массовой информации, освещающих определенную тему, позволяет преодолеть порог публичного внимания [3].

Учитывая понимание региональной властью возможностей, которые предоставляет воздействие на СМИ, а также сложившуюся в России специфику взаимоотношений власти и общества, проявляемую в установлении властью прямой связи, региональная власть стремится к большему влиянию на средства массовой информации в регионах.

Этим можно объяснить то обстоятельство, что на уровне субъектов федерации каждое пятое издание в качестве учредителя или соучредителя имеет органы исполнительной власти [6].

Таким образом, регулируя деятельность СМИ, а также реализуя собственную информационную деятельность, региональные органы власти не только выстраивают каналы контакта государства и общества, но и несут аудитории информацию, рассчитанную на формирование определенных установок, выработку определенной картины мира, определенных норм, моделей поведения, интенций, убеждений, стремлений и т.п.

Соответственно, можно предположить, что региональная власть стремится к влиянию на большее число СМИ именно для формирования и поддержания определенной политической повестки.

В итоге мы приходим к следующим

выводам. На современном этапе, когда ситуация в политической сфере качественно изменяется, выдвигая на первый план в регулировании отношений власти и общества коммуникацию, возникает необходимость в особой форме деятельности органов власти, заключающейся в установлении информационного контакта с населением. В России же, учитывая многие особенности, данный процесс характеризуется также важностью формирования информационной политики и на региональном уровне. На региональном уровне информационная политика проявляется как в выстраивании информационного пространства, насыщения его информационными источниками, так и в собственно информационной деятельности. В результате становится возможным оказывать влияние на медийную повестку дня и таким образом формировать общественное мнение.

Литература

1. Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С. 24–39.
2. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Политические исследования. – 2003. – № 3 – С. 116.
3. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу. – С. 117.
4. Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление демократических ценностей. – М., 1999. – С. 180
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 03.06.2010).
6. Коновченко С.В., Киселева А.Г. Информационная политика в России // [Электронный ресурс журнала Государственная служба] URL: <http://www.rags.ru/akadem/all/34-2005%5C34-2005Content.html> (дата обращения 12.02.2010).
7. Лысенко Г.В. Взаимодействие власти и СМИ: стратегия и технологии ее реализации (региональный аспект) // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 73.
8. Политический процесс / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной // [Российский гуманитарный Интернет-университет] URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/meleshkina_polit/08.aspx (дата обращения 03.09.10).
9. Социальная информатиология: словарь / Сост. Л.И. Мухамедова // Под общ. ред. В.Д. Попова. Изд. 2. – М.: РАГС, 2007. – С. 45.
10. Швидунова А. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологий // [Российский гуманитарный Интернет-университет] URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/shvidunova_smi_as_subject_of/ (дата обращения 13.08.2010).

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Осипова О.В., ст. лаборант сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
OsipovaOVr@rambler.ru

O. Osipova, senior laboratory Ethnology sector Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Научные интересы: сфера политической коммуникации, в частности, выраженная в государственной информационной политике

Scientific interests: sphere of political communications expressed in the state information policy

УДК 321.7 (045)

Партугимов Владимир Валерьевич
Vladimir Partugimov

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE STATE FUNCTIONS

Дается представление о том, как глобализация влияет на важнейшие функции государства, в частности, анализируется ее влияние на внутренние и внешние функции государства. Приводится авторское понимание того, как политическая система должна реагировать на обусловленные влиянием глобализации видоизменения

Ключевые слова: глобализация, функции государства, интернационализация, политическая система, институты политической власти

This article gives an idea of how globalization affects essential functions of the state, in particular, examines its impact on internal and external functions of the state. Author's understanding of how the political system should respond to globalization due to the effect modification is presented

Key words: globalization, state functions, internationalization, political system, institutions of political power

Влияние глобализации сказывается на внутренних и внешних функциях государства. Внутренние функции государства интернационализируются, т.е. за счет тесного взаимодействия государства с другими государствами они приобретают международный аспект, и соответственно, взаимосвязь внутренней и внешней политики государства. В результате можно сделать логический вывод, что внутренние функции государства не могут развиваться исключительно на собственной основе, определяться целями, задачами, базирующимися только на национальном интересе, без учета интересов международного сообщества. Поскольку каждое государство не существует изолированно от других государств, все они связаны узами международного сообщества, необходимостью участвовать в решении глобальных проблем. Следовательно, они должны согласовывать свои интересы с общими интересами данного сообщества.

Так, глобализация вносит определенные изменения в содержание политической функции под углом зрения обязанности де-

мократического государства обеспечивать оптимальные условия для всестороннего и наиболее полного развития институтов демократии и демократического управления обществом. Можно согласиться с мнениями многих ученых в том, что в наше время происходит глобализация демократических ценностей.

Глобализационные процессы современности существенным образом отражаются и на реализации экономической функции государства. Это обусловлено тем, что глобализация предполагает прежде всего интернационализацию рынков, утверждение господства надгосударственных структур, которые создаются в результате экономической интеграции государств.

В мире за последнее время произошло существенное изменение правил игры. Наряду с традиционными субъектами международных экономических отношений — фирмами и национальными государствами — все большее значение приобретают транснациональные корпорации (ТНК).

В современной экономике (и не только

экономике) ТНК играют системообразующую роль. Их невидимая паутина, опутавшая земной шар, контролирует процессы в мировой экономике и политике, подчас оставляя государственной власти роль безучастного «фиксатора» и механического «штампователя» уже имевших место событий. «Миру ТНК» нужны только финансовые средства и возможность незаметно, из-за кулис, управлять происходящим на мировой сцене ради получения новых прибылей. Число этих наднациональных образований сегодня колеблется (в зависимости от того, как считать) от нескольких сотен до тысяч. Но и сами ТНК не полностью независимы. Они управляются относительно узкими группами людей, связанных общими экономическими (прежде всего финансовыми) и идеологическими целями. Для этих структур в принципе неважно, в какой отрасли, в каком государстве или регионе действуют подконтрольные им ТНК. Главное, чтобы от них поступала устойчивая прибыль и чтобы поддерживались сложившиеся «правила игры» в мире. Какими средствами — значения не имеет.

В последние годы резко возрос объем международной торговли товарами, расширяется и охватывает все новые отрасли международная торговля услугами, увеличиваются международные потоки капиталов и информации [1]. Указанные процессы, в свою очередь, серьезно сокращают возможности управления национальной экономикой со стороны государства. Транснациональный же капитал приобретает силу в регулировании глобальной экономики и при желании способен обрушить рынок любого государства.

Негативные последствия глобализации в сфере экономики дали основание некоторым ученым утверждать, что процессы глобализации уничтожают основу экономической функции государства и ставят само существование государства как политического института под сомнение.

Нельзя не согласиться с тем, что глобализация экономики резко обострила конкуренцию и дальнейшее углубление международного разделения труда. Внедрение

новых производственных информационных технологий актуализирует проблему уточнения экономической функции современного государства, поиски новых форм его экономической политики.

В то же время, несмотря на повышение влияния на государственную политику транснациональных корпораций, стабильное развитие национальных экономик по-прежнему остается одной из первостепенных задач государственной политики многих государств и заставляет их концентрировать максимальное количество ресурсов именно на этой задаче.

Следовательно, в условиях глобализации сохраняется такой аспект экономической функции государства, как государственное гарантирование экономической деятельности при обострении конкуренции (монополизма), охрана прав потребителей от недобросовестного производителя, определение правовых основ рынка, в частности, обеспечение равноправия всех форм собственности, правовая защита собственника, стимулирование государственными средствами эффективной рыночной экономики, достижение в национальном предпринимательстве сбалансированности интересов личности, общества и государства.

Глобализация экономики смещает центр тяжести государственного контроля за регулированием и развитием экономических процессов с макроуровня на региональный и отраслевой, а также на микроуровень (предприятие). На макроуровне можно прогнозировать тенденцию усиления влияния надгосударственных экономических институтов и концентрацию в них средств и рычагов экономического регулирования. Тем не менее, с отдельных государств не снимается ответственность за выработку механизма, позволяющего адаптироваться к изменяющимся экономическим отношениям и обеспечивать благосостояние собственного общества во избежание внутренних социальных конфликтов и дестабилизации обстановки в стране.

Таким образом, вряд ли можно утверждать, что глобализация вымывает основу экономической функции государства.

Экономическая нагрузка национального государства не уменьшается, а напротив, усиливается; особенно важна роль экономической стратегии в согласовании национальных интересов общества с общими интересами международного сообщества, т.к. от благосостояния каждой страны зависит благосостояние человечества в целом. Именно такую направленность должно иметь развитие глобализации, именно такая результативность способна превратить позитивные предпосылки экономической интеграции в реальность.

Под влиянием глобализации наибольшей трансформации подвержена социальная функция, в которой ярко выражено общесоциальное начало государства — снятие или смягчение социальных противоречий в обществе путем использования цивилизованных средств их разрешения, а также достижение достойных для жизни человека условий посредством гарантирования определенного объема социальных благ за счет государства.

Глобализация мировых экономических процессов подвергла кардинальному преобразованию рынок труда и отношения занятости. Зримые тенденции в указанной сфере обусловлены глобализацией рынков производства, возрастанием конкуренции на рынке труда, воздействием новых технологий, в том числе развитием микроэлектроники, искусственного интеллекта, электронного обмена данными и «бума» цифровой телесвязи. Все это формирует новые условия труда и занятости, например, уменьшает численность используемой рабочей силы, способствует использованию гибкой системы занятости, позволяя переходить от постоянной занятости к частичной, временной работе, работе на полставки, по контракту, к дистанционному наличию рабочих мест (работа на персональном компьютере дома) и т.д. В литературе приводятся следующие данные: в промышленно развитых странах за последние 10.....12 лет вклад частичной занятости в общее число работающих составил 50...52 % всего прироста, а в таких странах, как Австралия, Германия, Ирландия, Япония доля частично занятых

достигла 70...80 % всех вновь созданных рабочих мест. При этом на места с сокращенным графиком работы претендуют в первую очередь женщины. И если для мужчин число мест с неполным рабочим днем увеличилось на 10 %, то для женщин — на 32 % [2].

Представляется возможным выделить следующие особенности в организации рынка труда и занятости под воздействием глобализации:

1) отсутствие гарантий стабильной занятости;

2) возрастание временной занятости и появление новых ее форм, продиктованных технологическими изменениями, например, перемещение трудовой деятельности в виртуальный мир (например, электронная торговля). Это требует меньшего количества работников, но более высокой их квалификации;

3) снижение влияния профсоюзов.

Последняя из перечисленных тенденций может быть объяснена фундаментальными изменениями в характере труда и отношениях между работниками и предпринимателями. Снижился уровень социального партнерства между предпринимателями и профсоюзами по поводу определения условий труда, заключения коллективных соглашений и т.д.

Однако исследователи отмечают, что роль профсоюзов остается положительной и необходимой для сохранения демократии в сфере занятости. Профсоюзы не потеряли статуса наиболее представительных органов работников, в том числе при проведении трехсторонних переговоров. Будущее профсоюзов в значительной степени зависит от организованности тех, кто работает на основе нетипичных форм занятости. Например, в Швеции такие работники объединены в профсоюзы в той же степени, что и занятые на постоянной работе [2; С. 76].

Приведенные факторы заставляют государство пересматривать свою социальную политику и роль в обеспечении социальной защиты населения. В качестве отрицательных последствий глобализации

можно предположить возврат к принципу индивидуализма в области социального обеспечения, согласно которому работа и стабильный доход позволяют накопить сбережения для пенсии по старости и других случаев утраты трудоспособности.

В наибольшей мере глобализация затронула экологическую функцию государства. Как известно, в достижении высокого качества окружающей среды заинтересовано все международное сообщество. Поэтому экологические проблемы приобретают глобальное значение. Особая роль в решении глобальных проблем принадлежит странам, обладающим высоким промышленным, научно-техническим и природоресурсным потенциалом. На долю этих стран приходятся значительные масштабы загрязнения природной среды, в том числе проявление «парникового эффекта», изменения климата на Земном шаре. Потребности рыночной экономики ведут к игнорированию правил рационального природопользования, сохранения и освоения лесов, растительного и животного мира. Все это вызывает неблагоприятные последствия хозяйственной деятельности на природную среду, отрицательно сказываясь на качестве продуктов питания и, в конечном счете, на здоровье людей.

Необходимо отметить, что в области экологии государства взаимозависимы в наибольшей мере (энергоресурсы, сырье и т.д.). Экологические проблемы имеют планетарное значение, они не исчерпываются пределами одного государства. Поэтому важно наладить активное сотрудничество государств друг с другом, объединить усилия в борьбе с негативными последствиями научно-технического прогресса и неблагоприятного воздействия человека на природную среду, принять согласованные экологические решения и упорядочивающие действия.

Что касается функции государства по защите и охране прав и свобод личности, то она имеет не только чисто внутренний, но и глобальный аспект. Права человека являются общечеловеческой ценностью, которая признается всем международным

сообществом. Это предполагает проведение государствами согласованной политики в отношении соблюдения стандартов прав и свобод личности, создание специальных международных органов по контролю за соблюдением государствами прав и свобод человека и гражданина.

Международным сообществом сформирована универсальная концепция прав человека, уважение которых возведено в ранг общепризнанных принципов международного права. Это возлагает на все государства обязанность соблюдать и гарантировать исторически достигнутые стандарты прав человека, что составляет приоритетную сферу общих интересов международного сообщества. Признавая международные нормы по правам человека, государство берет на себя обязательства не только перед международным сообществом, но и перед всеми, кто находится под его юрисдикцией [3].

Права человека служат главным критерием демократичности государства. Они лежат в основе политики в отношениях с другими государствами и со всем мировым сообществом. Интернационализация проблемы прав человека обусловила перерастание ее из внутреннего дела государства в фактор международной политики и права, в признание международной юрисдикции по вопросам прав человека.

Что касается внешних функций государства, то процессы глобализации внесли кардинальные изменения в формы и содержание межгосударственного общения.

Глобализация активизировала осуществление внешних функций, в том числе внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, которые все более приобретают мировой масштаб. Произошла так называемая интернационализация национальных интересов государств. Так, например, практически все государства заинтересованы в поддержании мирового правопорядка, в том числе в международном сотрудничестве по коллективной безопасности и совместной обороне, поскольку в современных условиях ни одно государство не в состоянии защитить себя в одиночку.

Функция поддержания мирового порядка предполагает объединение усилий государств по разоружению, ликвидации ядерного оружия, запрещению оружия массового уничтожения и т.д.

Глобальный правопорядок может быть установлен, но только при условии сотрудничества государств в таких сферах, как борьба с организованной транснациональной преступностью, наркобизнесом, международным терроризмом, торговлей людьми, похищением автомашин, рынком порнографии, сексуальных услуг и пр.

Одним из отрицательных последствий глобализации стал генезис транснациональной преступности с присущими ей качествами интеграции, специализации, появлением преступных сообществ с четкой организацией, обосновавшихся в одном государстве и действующих в нескольких государствах с наиболее благоприятной конъюнктурой.

Участие международного сообщества необходимо и в регулировании межнациональных конфликтов, которые нередко сопровождаются нарушением прав человека и, следовательно, требуют международного вмешательства.

Каждое государство имеет внутренние потребности и интересы, которые во многом определяют его внешнюю политику. Формы и методы реализации внутренних и внешних функций существенно различаются. Так, как действует государство внутри своей страны, оно не может действовать во взаимоотношениях с другими государствами. Поэтому представляется преждевременным объединять внутреннюю и внешнюю политику в одну сферу деятельности такого политического института, как государство.

С нашей точки зрения, политическая система для успешной работы должна быстро и эффективно реагировать на появления новых требований, особенно в условиях глобализации. Осуществить это возможно с помощью структурной систематизации и высокой специализации функций институтов политической власти. Каждая политическая структура (законодательная, исполнительная, судебная) должна выполнять четко очерченную функцию. При этом все специализированные структуры должны быть тесно взаимосвязаны и составлять внутренне интегрированную структуру.

Литература

1. Ясин Е.Г. Модернизация России: доклады для 10 конференций. Кн. 2. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. — С. 218-220.
2. Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. — М.: Наука, 2006. — № 6. — С. 101-107.
3. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. — СПб.: Питер, 2009. — С. 221.

Коротко об авторе

Партугимов В.В., канд. полит. наук, руководитель группы экономической информации Службы главного выпуска ИТАР-ТАСС, г. Москва
vpartugimov@yandex.ru

Научные интересы: модернизация политических институтов и глобализационные процессы

Briefly about the author

V. Partugimov, Candidate of Political Sciences, Head of Economic Information Service of a major release of ITAR-TASS, Moscow

Scientific interests: modernization of political institutions and processes of globalization

УДК 342.24

Полежаев Вячеслав Михайлович
Viatcheslav Polezhayev

О СОЗДАНИИ ЕДИНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

TO THE QUESTION OF COMMON CONSTITUTIONAL SPACE CREATION

Рассматриваются вопросы создания единого конституционного пространства в России, а также проблемы разделения власти между Центром и регионами, межнациональные конфликты, возникшие при переходе от несостоятельной советской модели к более близкой к идеалу федеративной модели Российского государства, в которой субъекты федерации обладают значительной фактической обособленностью и автономностью

Ключевые слова: конституционное пространство, национальная безопасность, региональная безопасность, федерализм

Questions of creation of uniform constitutional space in Russia, and also problems of power division between center and regions, the international conflicts which have arisen at transition from insolvent Soviet model to federal model closer to an ideal of the Russian state in which subjects of federation possess considerable actual isolation and autonomy are considered

Key words: the constitutional space, development of the Russian federalism

Национальная и региональная политика Новой России уходит своими корнями в эпоху «большого провала», агонии коммунистического советского режима. Помимо социально-экономической несостоятельности советской модели, краха однопартийной системы, важнейшей тенденцией конца 80 – начала 90-х гг. стало нарастание противоречий между декларируемым федеративным по форме и унитарным по содержанию национально-государственным устройством СССР. Именно этим во многом и объясняется трагическое противостояние народов и кровотокающие межнациональные конфликты в различных регионах бывшего СССР. Отход от тоталитарно-унитарной системы был признан необходимым практически всеми политическими силами, включая тогдашнее руководство СССР и РСФСР, КПСС, лидеров нарождающихся партий и движений. Однако высказываемый спектр мнений и суждений о национально-госу-

дарственном строительстве был чрезвычайно широк, что может, с нашей точки зрения, свидетельствовать лишь о том, что четкого представления о механизмах трансформации псевдофедералистского государства в государство подлинно федеративное, в котором действительно учитываются интересы субъектов, его составляющих, не было. В 1989-1991 гг. общий порыв был таков: «Карфаген тоталитарного псевдофедерализма должен быть разрушен». В декабре 1991 г. «разрушение Карфагена» стало реальностью, хотя **de facto оно свершилось** задолго до Беловежской пуши [1].

В России, начавшей строить национальную и региональную политику самостоятельно, аксиомой стало утверждение о том, что возрождение страны как демократического правового государства, основные социально-экономические и политические проблемы спустились на уровень регионов, и от того, каким образом они будут решать-

ся, зависит целостность российского национально-экономического, политического и социокультурного пространства.

Вызовом единству Российской Федерации продолжает оставаться партикуляристский вариант государственного строительства. С нашей точки зрения, этот «вызов» окончательно сформировался непосредственно после принятия в декабре 1993 г. новой Конституции РФ, предоставившей юридическое равноправие всем российским субъектам.

В этой связи особую актуальность приобретает способность Российского государства выработать систему адекватного государственного противодействия этнократическому и партикуляристскому вызовам. Обеспечение единства государства возможно лишь при наличии комплексной программы государственного строительства в России. Российская политическая элита к 1993 г. главную угрозу распаду страны увидела в асимметрии федерации, а также в сохранении советского наследия в виде национально-государственного устройства. Конституция 1993 г., уравнившая в правах республики, края и области, продемонстрировала, что национально-государственное устройство не было единственной причиной превращения России в «общество регионов». Подлинная причина интенсивной регионализации и дезинтеграции процессов России заключалась, главным образом, в том, что, помимо их исторической детерминированности, «за годы существования России как нового государства, ее власть так и не смогла разработать сколько-нибудь связную систему национальных приоритетов и ориентации на историческую перспективу». Пока не определен ориентир национально-государственного идеала. Очевидно, что для выработки достойного адекватного ответа этнократическому и партикуляристскому вызовам, российскому федеральному центру необходимо разработать долгосрочную стратегию национально-государственной интеграции.

Проанализировав причины и конкретные проявления регионализации государственного строительства в РФ, необходимо

обозначить возможные механизмы преодоления «реакции распада». С нашей точки зрения, подобное преодоление должно строиться на нескольких «китах». Первое: федеральным властям пора отрешиться от мысли о том, что они в состоянии удержать в поле зрения все аспекты регионального экономического и национально-политического развития. Следует при этом помнить и второе: предоставление максимально широких прав регионам не означает «ухода» федерального центра из «глубинки», предоставления регионам столько суверенитета, сколько они захотят. Третье: необходимо осознать, что получение регионами значительной доли самостоятельности в вопросах государственного строительства и демократизация политической жизни в них вовсе не одно и то же.

Важной проблемой является поиск оптимальной формы закона, способной наиболее четко обозначить необходимые границы нормотворческих полномочий федеральных и региональных законодателей в сферах совместного ведения. Именно учет специфики регионов, их нужд и потребностей, но при этом исключительно в контексте общероссийских интересов и государственных задач должен стать залогом сохранения единства РФ, формирования адекватного ответа на этнократический и партикуляристский вызовы. При проведении продуманной и взвешенной государственной национальной и региональной политики влияние такого рода вызовов, порожденных комплексным социально-экономическим и политико-правовым кризисом, может быть минимизировано, что даст возможность развивать подлинно федеративные отношения, подготовить устойчивость политической системы Российского государства.

Создание единого конституционного пространства в рамках Российской Федерации требует более совершенной конституционно-правовой системы, своевременного обновления как федерального законодательства, так и законодательства субъектов Федерации, укрепления режима законности, безусловного признания вер-

ховенства конституции и других федеральных нормативных актов, изданных в пределах федеральной компетенции, субъектами Федерации, должностными лицами, общественными объединениями, органами местного самоуправления, гражданами. Содержательная нагрузка Основного закона государства и общества Российской Федерации общеизвестна — это провозглашение прав человека и гражданина; определение характера взаимоотношений по линии «личность — гражданское общество — государство»; закрепление основ конституционного строя, формы государственного устройства, конституционно-правового статуса Федерации и ее субъектов, системы и структуры федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной властей, основ построения системы государственных органов субъектов Федерации, местного самоуправления. Федеральная конституция определяет основные параметры гражданского общества, формы собственности, роль политических институтов и т.д.

В Российской Федерации коренным образом обновлена правовая база политической системы, включая конституционные основы общественного и государственного строя. С введением института президентства и реформированием законодательных, исполнительных и судебных органов положено начало реализации принципа разделения властей. Конституция Российской Федерации и Федеративный договор устанавливают верховенство федеральных законов на всей территории России по вопросам ее исключительного ведения. Иные федеральные акты исполняются должностными лицами, общественными объединениями, гражданами, органами власти субъектов Федерации в порядке, установленном конституцией и законами Российской Федерации. Установлено, что по предметам исключительного ведения Федерации ее нормативные акты обладают безусловным приоритетом над правовыми актами республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов федерального значения, национальных автономных образований. Таков же статус федеральных нор-

мативных актов по предметам совместного ведения с субъектами Федерации, изданных в пределах федеральных полномочий.

Акты субъектов Федерации, затрагивающие исключительные полномочия Российской Федерации, а также акты, связанные с регулированием сфер совместного ведения Федерации и ее субъектов, но противоречащие Основному закону Российской Федерации, Федеративному договору, основам законодательства и другим федеральным актам, не должны применяться. В случае коллизий федерального закона и нормативного акта субъекта Федерации по вопросам их совместного ведения или издания субъектами Федерации правовых актов по вопросам, отнесенным к исключительному ведению федеральных органов, действует федеральный закон. Конфликты, возникающие в данной ситуации, рассматриваются при участии Федерации и ее субъекта Президентом Российской Федерации и органом конституционного контроля.

В то же время федеральные органы государственной власти не могут издавать нормативные акты по вопросам исключительного ведения субъектов Федерации, т.к. это является прерогативой органов государственной власти самих субъектов Федерации.

В пределах сферы исключительного ведения Федерации могут издаваться законодательные акты в любой форме. Проект акта может быть направлен по решению федеральных органов государственной власти субъектам Федерации для ознакомления. Сложно решается проблема взаимодействия органов государственной власти Федерации и ее субъектов в сфере совместного ведения. В этой сфере Федерация может издавать Основы законодательства, федеральные кодексы, модельные законы, иные нормативные акты. Базовым актом для развития правотворчества как Федерации, так и ее субъектов в сфере совместного ведения станут федеральные Основы законодательства. Это гибкая форма, которая позволяет расширять или сужать объем регулирования по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее

субъектов. Основы призваны осветить все обилие вопросов правового регулирования и координации в соответствующих сферах деятельности органов государственной власти Федерации и ее субъектов. В Основых законодательства можно указать, какие их части или статьи подлежат непосредственному действию. В части, которая не регулируется федеральными Основами или иными актами, субъекты Федерации должны иметь право издавать любые акты, не нарушая прав и законных интересов других субъектов. Причем по одному и тому же вопросу могут действовать и федеральные Основы законодательства (Основы законодательства, равно как и иные федеральные нормативные акты, по смыслу Федеративного договора не нуждаются в ратификации либо каком-то ином подтверждении со стороны субъектов Федерации), и нормативные акты субъектов Федерации. Следует избегать множественности актов по одним и тем же проблемам.

Административная реформа призвана усилить полномочия федеральных округов в системе принятия государственных решений. Федеративная реформа, инициированная бывшим Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, является одной из актуальных тем для политологического анализа, поскольку для трансформирующейся российской политической системы еще не найден оптимальный вариант политической структуры, учитывающий специфику отечественной культуры, экономики и истории. К тому же отечественные социологи и политологи отмечают тенденцию движения России к гражданскому обществу, в котором государство рассматривается как совокупность институтов, осуществляющих управленческие функции в обществе. Динамика периода трансформации политической системы характеризуется постоянным возникновением задач государственного управления, для решения которых создаются новые институты власти.

Образование федеральных округов и реформирование института полномочных представителей президента на местах являются одной из важнейших составляющих

нового подхода к территориальному управлению в стране. Поэтому вполне обоснованно перспективы развития округов и текущая деятельность новых полпредов привлекают к себе самое пристальное внимание. Некоторые исследователи высказывают мнение, что от эффективности функционирования новых институтов власти в деле управления территориями, взаимодействия между федеральными и региональными уровнями власти в большой степени зависит экономическое и политическое развитие России.

В Российской Федерации принцип равноправия субъектов федерации закреплен конституцией. Различие между «государственным» статусом республик и «территориальным» статусом остальных субъектов федерации формально сохраняется, но его реальное политико-правовое наполнение претерпело существенные изменения. Институционализация «русских» регионов в качестве федерированных государственных образований, развитие федерального законодательства и, наконец, административная практика федеральной власти элиминировали большую часть институциональных различий в статусе и политическом строении субъектов федерации. По нормам представительства регионов в федеральном парламенте Российская Федерация является симметричной. То же относится и к конституционно-правовому устройству российских регионов. Институциональную неразвитость федеративных отношений М. Афанасьев относит к частным проявлениям общего и коренного изъяна российской государственности — слабости публичных институтов (см. М.В. Афанасьев; С. 193).

В рамках политического дискурса в рассмотрении проблемы власти следует опираться на заложенный в Конституции РФ (1993 г.) принцип двойного суверенитета. Так, ч. 4 ст. 11 указывает, что отношения между федерацией, ее органами и субъектами Федерации строятся на основании заключаемых между ними договоров, в том числе на основании Федеративного договора. А это значит, что федерация и ее субъекты выступают во взаимоотношениях друг с другом как равноправные стороны,

добровольно объединяющиеся в Федерацию.

Примером эффективного достижения политического компромисса в течение многих лет служили отношения между федеральным Центром и Республикой Татарстан – мусульманским анклавом в составе России, где этнический компонент играет существенную роль. При этом республика обладает значительным экономическим потенциалом, имея запасы нефти, развитые химический и автомобильный комплексы.

Подводя итог, отметим, что организованного взаимодействия между федерацией и ее субъектами в России пока не

сложилось. Формальные «правила игры» не совпадают с реальными. Федеральный центр не столько решает спорные вопросы с субъектами Федерации, сколько проводит их решение при помощи административного ресурса. В этом смысле в России пока нет принципиальной разницы между федеративной и унитарной формой организации. Однако следует отметить определенные изменения. Даже если абстрагироваться от формальных федеративных атрибутов, регионы (субъекты федерации) в России обладают значительной фактической обособленностью и автономностью.

Литература

1. Каграманян Н.С. Принципы и механизмы трансформации политических институтов федерализма в процессе административной реформы в современной России: на примере Центрального Федерального округа: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М.: РГБ, 2007. – С. 44.
2. Коваленко В.И. Политические отношения и политический процесс в современной России. – М.: МГУ, 2010. – С. 219.
3. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: Росспэн, 2010. – С. 143.
4. Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление. – М.: Норма, 2010. – С. 219.
5. Афанасьев М. Проблемы российского федерализма и федеративная политика второго Президента. Промежуточные итоги // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 1. – С. 78.

Коротко об авторе _____ *Briefly about the author*

Полежаев В.М., директор института ФСБ России, г. Новосибирск
Служ. тел.: (383) 41-72-26

V. Polezhaev, Director of Federal Services Safety Institute, Novosibirsk

Научные интересы: конституционное право, развитие Российского федерализма

Scientific interests: constitutional law, Russian federalism development

Науки о Земле

УДК 550:528

*Павленко Юрий Васильевич
Yury Pavlenko*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

STATE GEOLOGICAL CARD OF THE RUSSIAN FEDERATION OF NEW GENERATION AS THE BASIS FOR FURTHER INVESTIGATION OF EASTEN ZABAİKALIE

Представляется геологическая карта масштаба 1:1 000 000 листа М-50-Борзя Алдано-Забайкальской серии нового (третьего) поколения Государственной геологической карты России

The geological card in scale 1:1 000 000 sheets M-50-Borzya of an Aldano-transbaikalian series of new (third) generation of the State geological Russia map is represented

Ключевые слова: геологическая карта, карта полезных ископаемых, закономерности, месторождения, Восточное Забайкалье

Key words: geological card, card of minerals, laws, deposits, East Transbaikalie

В конце 2010 г. в г. Санкт-Петербург на картографической фабрике ВСЕГЕИ издан комплект Госгеолкарты – 1000/3 по листу М-50, состоящий из 13 обязательных и дополнительных карт масштаба 1:1 000 000, а также объяснительной записки [3]. Обязательные карты: геологическая, полезных ископаемых, прогнозно-минерогеническая. Дополнительные карты: золотоносности, глубинного строения, рудоносности зон гипергенеза и россыпей. Материалы объяснительной записки рассчитаны на широкий круг специалистов, интересующихся региональной геологией и полезными ископаемыми.

На разработку концепции Государственной геологической карты России масштаба 1:1 000 000 третьего поколения, создание и издание ее первого листа потре-

бовалось 9 лет творческого труда коллективов ФГУП «ВСЕГЕИ» и ФГУП «Читагеолсъемка». Это поколение региональных карт – основной источник фундаментальной геологической информации, обеспечивающий развитие геологической науки, общих знаний о геологическом строении, минерогеническом потенциале суши и континентального шельфа, динамики геологических процессов и явлений, направленных на разработку стратегических вопросов изучения и рационального использования недр. Основная цель Госгеолкарты – 1000/3 – создание современной геологической основы, обеспечивающей расширение и укрепление минерально-сырьевой базы (МСБ) страны [6].

На первом комплекте региональных геологических материалов третьего поколе-

ния отработаны основные положения концепции регионального изучения недр, учитывающие новые экономические условия развития России. Они заключаются:

- в изменении баланса и инфраструктуры МСБ России в связи с распадом СССР; возник острый дефицит ряда полезных ископаемых, ухудшилась «география» их распределения, обострилась минерально-сырьевая ситуация в старых рудных районах, возникла необходимость переоценки перспектив регионов, в ревизии перспектив укрепления МСБ страны;

- в расширении круга потребителей материалов Госгеолкарты-1000; требуется современная геолого-картографическая база данных для фундаментальных научных исследований, поисков и разведки полезных ископаемых, выявления природных геологических опасностей, планирования использования земель, рекреационных мероприятий, оценки водных ресурсов, улучшения качества образования, решения многих других вопросов жизнедеятельности страны, связанных с науками о Земле;

- в необходимости удовлетворения запросов все расширяющегося круга потребителей геологической информации для решения новых задач, нетрадиционных для российской геологии (лицензирование, маркетинг и др.).

Издание первого комплекта современной геологической карты страны именно по листу М-50-Борзя не является случайным. Этот лист (91736 км²) охватывает территорию Юго-Восточного Забайкалья на границе с Республикой Монголией и Китайской Народной Республикой, которая представляет один из основных рудных регионов страны. На его территории исторически развивались и совершенствовались многие фундаментальные вопросы наук о Земле. Здесь, с открытия казаками в 1676 г. первого (Аргунского) месторождения полиметаллических руд, положено начало изучению и освоению месторождений Восточного Забайкалья. Выявленные в XVII-XIX вв. серебро-свинцово-цинковые месторождения «Нерчинского округа», затем многочисленные месторождения цветных

камней, золота, олова, вольфрама и др. полезных ископаемых вызвали особый интерес нескольких поколений исследователей к изучению «Забайкальской рудной провинции». По результатам их труда в этом регионе впервые в России добыты флюорит, молибден, вольфрам, олово, серебро, золото, висмут, торий, открыты десятки новых минералов [2].

В районе Нерчинского Завода в 1789-1794 гг. на площадь 35 000 кв. верст создана первая в мире геологическая карта, а первая работа А.Д. Озерского, рассматривающая закономерности размещения полезных ископаемых, датирована еще 1867 г. [7]. Геологические исследования региона существенно активизировались в конце XIX в. с постройкой Сибирской железной дороги.

До XX в. геологические работы с целью поисков и описания отдельных месторождений и проявлений полезных ископаемых выполнялись преимущественно на локальных участках. Систематические площадные геолого-съёмочные исследования начались в 1920-1940 гг. На различных участках территории работали партии Геолкома под руководством В.А. Обручева, М.М. Тетяева, Ю.М. Шейнмана, Е.В. Павловского, И.В. Лучицкого, С.А. Музылева, проводили исследования такие крупные специалисты, как С.С. Смирнов, Ю.А. Билибин, Г.П. Падалка, Н.В. Шталь и др. Значительный объем геолого-съёмочных и поисковых работ выполнен партиями трестов «Спецгео», «Востсиболово», «Союззолото». Результаты этих исследований систематизированы в 1947 г. Т.С. Ивановой и М.М. Тетяевым в первой геологической карте листа М-50 масштаба 1:1 000 000 [5].

Геологические исследования территории существенно активизировались с образованием в 1949 г. Читинского геологического управления (ЧГУ). С 1954 г. Комплексной геолого-съёмочной экспедицией (КГСЭ) и другими организациями началось составление полистной Государственной геологической карты масштаба 1:200 000. Материалы этих исследований опубликованы в 1960-1980 гг. для всей территории

листа М-50, исключая листы М-50-VI, XIV, XVII и XX. Одновременно, вплоть до 1995 г., на площади известных рудных узлов и перспективных участках КГСЭ территориальными экспедициями ЧГУ и «Сосновгеологии» проведены поисково-съёмочные работы масштаба 1:50 000, которыми покрыто около 80 % площади листа масштаба 1:1 000 000.

В 1980-х гг. выполнена научно-производственная программа Министерства геологии СССР по Восточно-Забайкальскому геолого-съёмочному полигону – восточнее меридиана 116° в.д. на отдельных участках проведено геологическое доизучение масштаба 1:50 000, а по всем листам масштаба 1:200 000 – геологическое доизучение площадей (ГДП-200) с подготовкой к изданию комплектов Госгеокарты-200 второго поколения; материалы переданы на Картфабрику и частично изданы.

Все эти материалы использованы группой геологов ВСЕГЕИ и объединения «Читагеология» при составлении в 1985 г. под редакцией Л.А. Козубовой Государственной геологической карты масштаба 1:1 000 000 второго поколения по западной части листа М-50 [1], а по восточной – в 2000 г. под редакцией В.В. Павловой и В.В. Тернового [4]. В этих картах систематизированы выводы по основным проблемам стратиграфии, магматизма, тектоники и минерализации региона, полученные при геолого-съёмочных, плановых тематических исследованиях и в обобщающих картах масштабов 1:200 000-1:1 000 000. При картировании использованы данные гравиметрических съёмок масштабов 1:1 000 000, 1:200 000, частично 1:50 000, аэромагнитные карты масштаба 1:200 000, карты двух- и пятиканальной АГСМ-съёмки в масштабах от 1:200 000 до 1:25 000, а в пределах части рудных узлов и полей – результаты крупномасштабных магнито- и электроразведочных работ.

При минерализационном районировании частично учтены результаты не всегда представительных геохимических поисков по вторичным ореолам рассеяния масштаба 1:200 000, а на значительной площади

масштаба 1:50 000, которые продублированы геохимическими поисками по потокам рассеяния масштаба 1:200 000 и, частично, поисками по первичным ореолам рассеяния. Использованы и результаты выполненного впервые в стране многоцелевого геохимического картирования масштаба 1:1 000 000, при котором в каждой точке опробования отбирались пробы из донных отложений, делювия, почвенного слоя, из коренных пород, а также гидрохимические. Для оценки водных ресурсов использованы данные гидрогеологической съёмки масштаба 1:200 000, детальных поисков и разведки месторождений подземных вод для целей водоснабжения населённых пунктов и сельскохозяйственных предприятий.

При создании Госгеокарты-1000/3 значительно расширены требования к геолого-картографической продукции, которая касается, прежде всего, использования компьютерных технологий. Они предусматривают:

- обновление геологической и гидрогеологической основы;
- установление закономерностей размещения полезных ископаемых; оценку минерализационного потенциала, выявление новых рудных узлов и их прогнозную оценку;
- оценку геолого-экономических условий проведения геологоразведочных работ и освоения месторождений полезных ископаемых, а также состояния окружающей геологической среды с позиций благоприятности для обитания и деятельности человека.

В новом комплекте Госгеокарты-1000/3:

- увеличено количество обязательных карт;
- повышены требования к эколого-геологическим аспектам и геолого-экономической оценке территории;
- требуются создание опережающих баз картографируемых подразделений (серийных легенд), геофизической, геохимической и дистанционных основ;
- применяются компьютерные технологии составления и издания комплекта карт, существенно расширяющие информационную ёмкость комплектов, открываю-

щие новые возможности для пользователей;
— определен переход на полистную цифровую топографическую основу, что улучшает оперативность использования специализированной геофизической, геохимической и дистанционной информации, а также информации по другим природопользовательским аспектам на этапе составления карт и при принятии последующих интерпретационных и пользовательских задач;

— постоянно актуализированы все материалы комплекта карт как составного элемента геолого-картографической информационной аналитической системы «Региональная геология и минерагения России».

Компьютерное сопровождение составления и тиражирования карт комплекта Госгеолкарты-1000/3 базируется на принципах Государственной информационной системы (ГИС). Эти системы используют электронно-вычислительный и аппаратно-программный комплексы, которые обеспечивают автоматический сбор, поиск, преобразование пространственно распределенной геологической информации, позволяют создавать цифровые геологические карты для последующего их воспроизведения в традиционном виде, а также для оперативного преобразования геологической информации с целью получения новых знаний.

Новый комплект Госгеолкарты-1000/3 базируется на результатах предшествующих геолого-съёмочных и поисковых работ, ГДП-200 последних лет, специализированных и тематических исследований, приведенных в многочисленных фондовых и опубликованных источниках. В сравнении с листом предшествующего поколения в новом комплекте уточнено геологическое строение территории, включая возраст, объем и положение в разрезе ряда подразделений, в том числе магматических и метаморфических комплексов; глава о магматизме сопровождается внушительным списком средних значений химического состава пород.

По времени формирования структурно-вещественных комплексов, слагающих

террейны и блоки, выделено 10 структурных этажей — от раннепротерозойского до кайнозойского возраста. Приводится очень подробное описание вещественного состава и структурных особенностей каждого этажа. Подробно характеризуются наиболее важные в тектоническом устройстве территории Монголо-Охотский, Восточно-Агинский и Пограничный разрывные нарушения. Для Монголо-Охотского разлома, разделяющего Селенгино-Яблоновую область и Монголо-Охотскую систему, свойственны мощные сдвигово-надвиговые дислокации. Восточно-Агинский сбросо-сдвиг, ответвляясь от Монголо-Охотского разлома, имеет очень сложную морфологию. Пограничный разлом отчленяет Газимурский блок от Аргунского террейна. Ему соответствует высокоградиентная гравитационная ступень, отделяющая Приаргунский гравитационный максимум от Восточно-Забайкальского минимума. Разлом существенно влияет на пространственное размещение различных, в том числе рудоносных интрузий, предопределяя положение ряда рудных узлов и районов.

Территория листа характеризуется особенно сложным геологическим строением и насыщенностью разнообразными полезными ископаемыми. На карте полезных ископаемых помещена легенда с минерагеническими подразделениями, представлены 9 более крупномасштабных врезок участков, перегруженных на карте значками полезных ископаемых, схема минерагенических провинций, субпровинций, границы минерагенических подразделений (областей, рудных районов и узлов).

На специализированной карте золотосности показаны коренные и россыпные месторождения золота, а также комплексные месторождения, в которых золото представляет промышленный интерес. Легендой карты является геологическая легенда, на которой раскрыты только геологические подразделения, с которыми установлена или предполагается связь золотого оруденения. Легенда дополнена специализированным блоком, содержащим информацию о рудоконтролирующих комплексах пород,

их формационной принадлежности, минерагенической и геохимической специализации, рудоконтролирующих структурах и роли вмещающей среды в локализации оруденения.

Впервые представлена прогнозно-минерагеническая карта и карта рудоносности зон гипергенеза. Проведена ревизия всех известных объектов полезных ископаемых на территории листа, определены перспективы минерально-сырьевого развития региона. Прогнозно-минерагеническая карта сопровождается схемой продуктивности рудных узлов и схемой размещения прогнозных ресурсов коренного и россыпного золота в рудных районах, учтенных федеральным агентством и НТС Читанедра. В зарамочном оформлении приведена карта-врезка Балейского рудного узла масштаба 1:200 000, а также схема размещения запасов и прогнозных ресурсов россыпного золота.

Глава о полезных ископаемых содержит огромную информацию по месторождениям с указанием содержаний, запасов, очень информативны многочисленные таблицы, позволяющие проводить сравнительный анализ месторождений. Детально охарактеризованы россыпи золота, олова, вольфрама и других полезных ископаемых, приведены современные запасы и количество ранее извлеченных минералов; описаны и другие гипергенные полезные ископаемые. Её первая часть посвящена эволюции минерагении во времени, описанию соответствующих эпох с разной интенсивностью оруденения, связям его с конкретными геологическими комплексами, выделению рудных районов, узлов и т.д. Вся эта информация положена в основу перспективной оценки территории листа М-50 и выявления закономерностей размещения полезных ископаемых.

Впервые для подобных работ предлагается комплект карт и разрезов, характеризующих глубинное строение. Он включает геологическую карту среза на уровне 5 км, карту морфологии гнейсо-гранитового комплекса («слоя») ниже поверхности пятикилометрового среза и карту закономерностей

размещения и прогноза полезных ископаемых по глубинным критериям в масштабе 1:1 000 000 и несколько глубинных геологических разрезов. В тексте в масштабе 1:2 000 000 приведены карты районирования аномального магнитного поля и поля силы тяжести, закономерностей размещения рудных месторождений относительно региональной составляющей гравитационного поля третьего порядка и закономерностей размещения рудных месторождений относительно локальных составляющих гравитационного поля.

Основой для исследований послужили 14 глубинных геологических разрезов общей протяженностью 3200 км, рассчитанные по программам М.Ю. Чернышева и GM-SYS, а также геологические, гравиметрические, аэромагнитные карты масштаба 1:200 000 и геохимические материалы.

На территории листа М-50 по гравиметрическим данным выделены «трехслойный» раннедокембрийский кристаллический фундамент и верхний структурный этаж, сложенный образованиями рифея-фанерозоя. В фундаменте выявлен ряд иерархически соподчиненных структур. К структурам первого порядка отнесены фрагменты Аргуно-Верхнеамурского (АВМБ) и Байкало-Станового (БСМБ) мегаблоков, сочленяемые по Монголо-Удскому шву (МУГШ), второго порядка – Восточно-Забайкальский ареал-плутон АВМБ, занимающий центральную часть листа М-50. Он обладает резко увеличенной мощностью гнейсо-гранитового «слоя» (до 11 км), которая в его обрамлении изменяется 0...3...4 км.

Верхний структурный этаж мощностью в среднем 3-4 км сложен преимущественно магматогенными автоаллохтонными телами.

Региональные аномалии Δg первого и второго порядков обусловлены особенностями строения раннедокембрийского кристаллического фундамента, а аномалии третьего порядка – кристаллическим фундаментом и составом преимущественно магматических пород, слагающих верхний структурный этаж. В этом этаже интрузив-

ные тела имеют линзовидную, пластинчатую форму и мощность 1...3, реже 3...6 км. Глубже 5 км в земной коре преобладают образования кристаллического фундамента, что свидетельствует о беспочвенности выделения на территории Забайкалья океанических структур и зон субдукции.

Особенности строения фундамента во многом определяют развитие мезозойских рудоносных структур. Границы перспективных аномалий, отождествляемые с рудными узлами, предлагается проводить по градиентным зонам и точкам перегиба кривых Δg . С вероятностью 80 % перспективные локальные аномалии должны занимать площадь более 300 км², характеризоваться амплитудой более 8 мгл и обладать сложным характером поля Δg .

Для выявления закономерностей размещения полезных ископаемых использованы геологическая карта 5-километрового среза и карта морфологии гнейсо-гранитового комплекса. Распределение месторождений обусловлено глубинными региональными и локальными структурами, также интрузивными телами. Охарактеризованы основные региональные рудоконтролирующие структуры (МУГШ, ВЗАП и его обрамление) и многочисленные локальные геологические объекты верхнего структурного этажа, контролирующие размещение рудных узлов. Подавляющее большинство месторождений сосредоточено в 14 рудных узлах, прогнозируется девять новых узлов. В 140 выявленных локальных гравитационных максимумах и минимумах сосредоточено 87 % всех известных месторождений.

По материалам глубинного строения территории обоснованы также другие закономерности размещения эндогенного оруднения региона [11], часть материалов опубликована [8-10].

Сводка прогнозных ресурсов полезных ископаемых в виде таблицы выполнена по состоянию на 01.01. 2003 г. В ней приве-

дены запасы категорий А, В, С1, С2, стоящие на Государственном балансе, а также прогнозные ресурсы, масштабы которых огромны. Например, в Газимуро-Аргунской уран-флюорит-золото-свицовой минералогической области прогнозные ресурсы только рудного золота оценены в 3816 т. В этом разделе приведена не только количественная, но и стоимостная оценка прогнозных ресурсов в рыночных ценах; она составляет около 9 трлн руб.

По видам работ и масштабам исследований даны рекомендации по изучению полезных ископаемых и наращиванию сырьевого потенциала региона. На конец 2005 г. на территории листа М-50 действовало 169 лицензий на эксплуатацию, поиски и разведку минерального сырья.

Обстоятельно изложена экологическая обстановка, которая в ряде районов носит катастрофический характер, особенно в Краснокаменском и Балейском. В последнем уровень онкологических заболеваний среди населения в 3...4 раза выше, чем в других районах Забайкальского края, 95,4 % обследованных детей страдают психическими расстройствами, а у 80 % — отмечаются отклонения в иммунограмме. Воды крупных рек Восточного Забайкалья не пригодны для питьевых целей. Для поддержания нормальной экологической ситуации предложен ряд мероприятий, реализация которых связана с большими трудностями.

Комплект материалов листа М-50 подготовлен на высоком профессиональном уровне, объективно отражает состояние изученности региона, является многоцелевой геологической основой для планирования дальнейших региональных исследований, мероприятий недропользования и экологического характера. Важнейшие разделы по полезным ископаемым и перспективной оценке могут служить образцом подготовки таких разделов по программе Госгеокарты-1000/3.

Литература

1. Геологическая карта СССР. Масштаб 1:1 000 000 (новая серия). Объяснительная записка. Лист М-49, (50)-Балей / Л.А. Козубова. – Л.: ВСЕГЕИ, 1985. – 126 с.
2. Геологические исследования и горно-промышленный комплекс Забайкалья: История, современное состояние, проблемы, перспективы развития. К 300-летию основания Приказа рудокопных дел / Г.А. Юргенсон [и др.]. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 574 с.
3. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Лист М-50-Борзя. Объяснительная записка / Е.А. Шивохин [и др.]; под науч. ред. В.В. Старченко. – СПб: ВСЕГЕИ, 2010. – 553 с. + 6 вкл. (Минприроды России, Роснедра, ФГУП «ВСЕГЕИ», ФГУП «Читагеолсьемка»).
4. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (новая серия). Лист М-50(50), (51) – Приаргунск. Объяснительная записка / Ред. В.В. Павлова, В.В. Терновой. – СПб.: ВСЕГЕИ, 2000. – 238 с.
5. Иванова Т.С., Тетяев М.М. Геологическая карта СССР. Масштаб 1:1 000 000. – Иркутск: Вост.-Сибирское геолуправление, 1947. – 14 с.
6. Инструкция по составлению и подготовке к изданию листов Государственной геологической карты Российской Федерации масштаба 1:1 000 000 (третье поколение) / А.Ф. Морозов [и др.]. – СПб.: Минприроды России, ФГУП «ВСЕГЕИ», 2002. – 155 с.
7. Озерский А.Д. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. – Изд-во Импер. СПб. минерал. об-ва, 1867. – № 8.
8. Павленко Ю.В., Шивохин Е.А. Минерагенические факторы и критерии рудоносности доюрского периода Юго-Восточного Забайкалья – основа оценки и прогноза полезных ископаемых // Вестн. Чит. гос. ун-та. – 2007. – № 1 (42). – С. 10-19.
9. Павленко Ю.В., Шивохин Е.А. Минерагенические факторы и критерии рудоносности мезо-кайнозойского периода Юго-Восточного Забайкалья – основа оценки и прогноза полезных ископаемых // Вестн. Чит. гос. ун-та. – 2007. – № 2 (43). – С. 19-27.
10. Павленко Ю.В., Шивохин Е.А. Минерально-сырьевой потенциал Юго-Восточного Забайкалья // Вестн. Чит. гос. ун-та. – 2007. – № 1 (42). – С. 20-29.
11. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 200 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (8-3022) 31-70-90

Yu. Pavlenko, Doctor of Engineering Sciences (Geology and Mineralogy), Chita State University

Научные интересы: мелко-среднемасштабное картирование, прогнозирование, оценка, разведка месторождений

Scientific interests: geological mapping of small-medium cards, prognosis, estimation and exploitation of the mineral deposits

УДК 543.3

Шарапов Николай Михайлович
Nikolay Sharapov

НАЗНАЧЕНИЕ ОРИЕНТИРОВОЧНОГО ТРЕБУЕМОГО УРОВНЯ СНИЖЕНИЯ ВРЕДНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОВЕРХНОСТНЫЙ ВОДНЫЙ ОБЪЕКТ

APPOINTMENT OF TENTATIVE REQUIRED LEVEL REDUCING EXPOSURE ON SURFACE WATER BODIES

Рассмотрены основные основополагающие принципы назначения ориентировочного требуемого уровня снижения вредного воздействия на поверхностный водный объект. Предложен методический подход к определению консервативности загрязняющих веществ

Ключевые слова: трансформация загрязняющего вещества, «чистое разбавление», консервативность загрязняющего вещества, приращение массового расхода загрязняющих веществ, модуль трансформации загрязняющего вещества

The basic fundamental principles of indicative level appointment required to reduce harmful effects on surface water bodies are observed. A methodical approach to the definition of conservative pollutants is presented

Key words: transformation of polluting substance, «pure diluting», conservatism of polluting substance, increment of polluting substances mass expense, module of polluting substance transformation

В последнее десятилетие вопрос о формировании качества вод природных водных объектов является предметом бесчисленных дискуссий, научных исследований. Авторы работают над этой проблемой потому, что при формировании бюджетов различных уровней, расходных статей экологических фондов, территориальных и муниципальных программ восстановления и охраны водных объектов решение вопросов о расширении и создании новых производств выливается в альтернативу вложения средств в те или иные организационно-технические мероприятия. Средств этих всегда не хватает и при отсутствии надежного критерия эффективности того или иного мероприятия используют субъективные факторы, базирующиеся на действующих нормативах, часто не учитывающих региональные особенности формирования качественного состава воды, в том числе его

природной составляющей. В конечном итоге принятая программа, план мероприятий и т.д. не приносят ожидаемого эффекта, а порой усугубляют обстановку.

Наиболее востребованы в настоящее время математические модели, реализуемые с использованием современных ЭВМ. Они позволяют решать самые сложные задачи. К ним относятся одномерные модели русловых течений А.А. Атавина, О.Ф. Васильева [1], Ж.А. Кюнжа, Ф.М. Холли [2], А.А. Атавина, О.Ф. Васильева и А.Ф. Воеводина [3] и др. Основное затруднение в использовании одномерных задач применительно к речным потокам состоит в сложности нахождения коэффициента шероховатости, численное значение которого задается «методом подбора» с большой погрешностью [4; 5; 6; 7]. Кроме того, для изучения распространения консервативной примеси по течению реки дополнительно

решается уравнение переноса [8], в котором, кроме температуры и динамических характеристик водотоков, необходимо учитывать взаимодействие загрязняющих веществ между собой.

Двумерные (в горизонтальной плоскости) модели описывают более сложные процессы, рассматривают широкий круг прикладных задач и реализуются с использованием системы уравнений «мелкой воды» [9]. Применение этих моделей для естественных водотоков нашло отражение в работах Г.Б. Волковой, В.И. Квона и Т.Н. Филатовой [10], С.М. Шугрина [11] и др.

Двумерные (в вертикальной плоскости) модели рассмотрены О.В. Васильевым, В.И. Квоном и Р.Т. Чернышевым [12], Б.В. Архиповым, В.Г. Киселевым и В.В. Солбаковым [13] и др.

Трехмерные модели, которые применяются, когда течение воды в водном объекте нельзя считать установившимся и

плавно изменяющимся, описаны в работах В.М. Белопипецкого, В. Ю. Костюка и Ю. И. Шокина [14].

В то же время, применение численных методов в настоящее время ограничено. При создании системы оперативного прогнозирования и нормирования техногенных нагрузок, при достаточно ограниченном объеме исходной информации, в первую очередь, гидрохимического и гидробиологического характера, целесообразно использовать более простые модели.

Предлагается использовать простое уравнение гидрохимического баланса для назначения ориентировочного требуемого уровня снижения вредного воздействия (ОТУС) на водный объект (участок) по привносу загрязняющих веществ (ЗВ).

Рассмотрим участок реки, ограниченный нижним ($i+1$)-м и верхним (i)-м створами (рис. 1) [15].

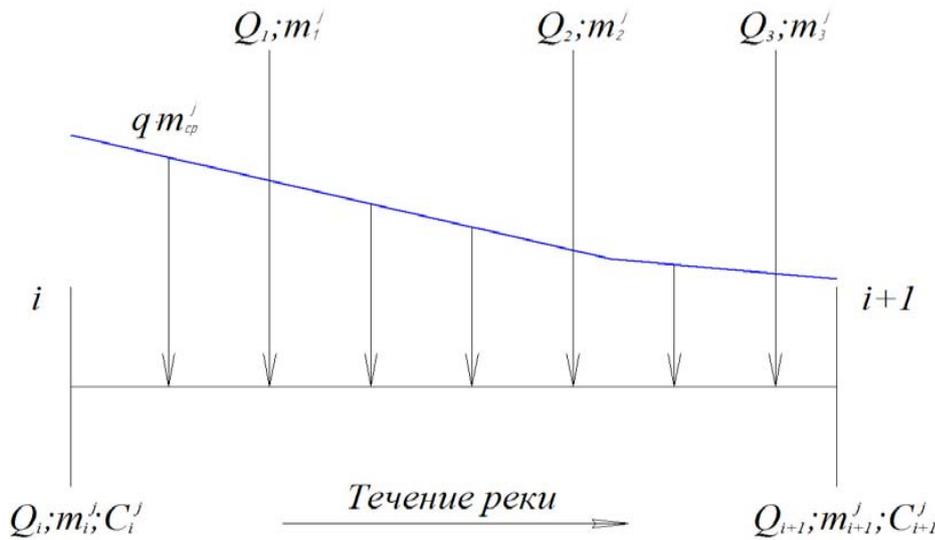

Рис. 1. Схема изменения расходов воды в реке, массового расхода и концентрации j -го загрязняющего вещества на участке реки от створа i до створа ($i+1$)

Расход воды в нижнем створе складывается из транзитного расхода, протекающего через верхний створ (Q_i) и сформировавшегося расхода в пределах выделенного участка за счет сосредоточенного и диффузионного стоков ($\Delta Q_{np}^{i+1,i}$).

В пределах выделенного участка реки трансформация содержания j -го ЗВ в воде

происходит за счет следующих процессов: во-первых, за счет привноса дополнительного его количества с сосредоточенным ($m_1^j; m_2^j; m_3^j$) и диффузионным

($m_{i+1,i(\partial\phi)}^j = q \cdot m_{i+1,i(cp)}^j$) стоками с водосбора и его разбавления из-за увеличения расхода ввиду того же сосредоточенного ($Q_1; Q_2; Q_3$)

и диффузионного (q) стоков, в том числе – и подземного; *во-вторых*, в природных водных объектах процессы изменения содержания ЗВ не исчерпываются «механическим» приносом и разбавлением.

Выразим приращение массового расхода рассматриваемого ЗВ через поступление этого вещества в пределах выделенного участка как с диффузионным ($m_{i+1,i(дф)}^j$), так и с точечным ($m_{i+1,i(точ)}^j$) стоками

$$(m_{i+1,i(точ)}^j) = \sum_{n=1}^N Q_n \cdot C_n^j,$$

где N – количество сосредоточенных притоков), т.е.

$$m_{i+1,i(поступление)}^j = m_{i+1,i(точ)}^j + m_{i+1,i(дф)}^j$$

и самоочищающая способность водного объекта

$$(m_{i+1,i(ч)}^j) \Delta m_{i+1,i}^j = m_{i+1,i(поступление)}^j - m_{i+1,i(ч)}^j. (1)$$

Решить уравнение (1) не представляется возможным, т.к. разделить поступление рассматриваемого ЗВ в пределах выделенного участка и его самоочищение невозможно. Однако известно, что формирование качественного состава в водном объекте происходит под действием двух взаимосвязанных процессов «чистого «механического» разбавления» и трансформации гидрохимического режима под действием процессов химической, биологической, физико-химической и др. природы.

Рассмотрим частный случай – это «чистое разбавление», для которого характерны следующие условия:

– изменение концентраций ЗВ происходит только за счет их поступления и последующего разбавления в пределах выделенного участка, т.е. $\Delta C_{i+1,i}^j = \Delta C_{i+1,i(чпз)}^j = C_{i+1}^j - C_i^j = C_{i+1(чпз)}^j - C_i^j$;

– изменение масс ЗВ и их концентраций за счет внутриводоемных процессов, таких, как самоочищение, поступление из донных отложений, гидробиологических процессов и т.д., происходящих в русле реки в пределах выделенного участка, не происходит, поэтому $m_{i+1,i}^j = m_i^j + \Delta m_{i+1,i(чпз)}^j$;

– расход в нижнем створе складыва-

ется из транзитного, входящего в верхний створ (Q_i) и притекающего в пределах рассматриваемого участка ($\Delta Q_{i+1,i(чпз)}$), т.е. ($Q_{i+1} = \Delta Q_{i+1,i(чпз)} + Q_i$).

Следовательно, уравнение для расчета концентрации j -го ЗВ в нижнем ($i+1$)-м створе для условий «чистого разбавления» может быть записано в следующем виде:

$$C_{i+1}^j = \frac{m_{i+1}^j}{Q_{i+1}} = \frac{m_i^j + \Delta m_{i+1,i(чпз)}^j}{Q_{i+1}}, (2)$$

а приращение концентраций этого вещества между рассматриваемыми створами есть разность концентраций в нижнем ($i+1$)-м (C_{i+1}^j) и в верхнем (i)-м (C_i^j) створах:

$$\Delta C_{i+1,i}^j = C_{i+1}^j - C_i^j = \frac{m_i^j + \Delta m_{i+1,i(чпз)}^j}{Q_{i+1}} - C_i^j. (3)$$

Если уравнение (3) преобразовать:

$$\Delta C_{i+1,i(чпз)}^j = \frac{1}{Q_{i+1}} \cdot \Delta m_{i+1,i(чпз)}^j - \frac{m_i^j \cdot Q_{i+1} - m_i^j \cdot Q_i}{Q_i \cdot Q_{i+1}}, (4)$$

то оно может быть записано в следующем виде:

$$\Delta C_{i+1,i(чпз)}^j = \frac{1}{Q_{i+1}} \cdot \Delta m_{i+1,i(чпз)}^j - (C_i^j) \cdot \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}}\right), (5)$$

которое и описывает трансформацию рассматриваемого ЗВ в случае «чистого разбавления». Если в уравнении (5) ввести обозначения: первое:

$$d_{i+1,i(чпз)}^j = \frac{1}{Q_{i+1}}$$

и второе:

$$f_{i+1,i(чпз)}^j = -\frac{m_i^j \cdot Q_{i+1} - m_i^j \cdot Q_i}{Q_i \cdot Q_{i+1}} = (C_i^j) \cdot \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}}\right),$$

то оно преобразуется в линейное:

$$\Delta C_{i+1,i(чпз)}^j = d_{i+1,i(чпз)}^j \cdot \Delta m_{i+1,i(чпз)}^j - f_{i+1,i(чпз)}^j. (6)$$

Уравнение позволяет сделать вывод, что численное значение углового коэффициента ($d_{i+1,i(чпз)}^j$) не зависит от вида ЗВ, т.к. представляет собой обратную величину расхода водотока в замыкающем ($i+1$)-м створе, т.е.

$$d_{i+1,i(чпз)}^j = \frac{1}{Q_{i+1}}$$

Рассмотрим реальный водный объект, для которого процессы самоочищения и привноса неразделимы, а фактический баланс всех процессов описывается уравнением

$$\begin{aligned} \Delta m_{i+1,i}^j &= (\Delta m_{i+1,i}^j)' - (m_{i+1,i}^j)_{\text{уч}} = \\ &= (Q_i \cdot \Delta C_{i+1,i}^j + \Delta Q_{i+1,i} \cdot \Delta C_{i+1,i}^j - Q_i \cdot C_i^j) - (m_{i+1,i}^j)_{\text{уч}}. \end{aligned} \quad (7)$$

Имея продолжительный ряд наблюдений по гидрологическим и по гидрохимическим характеристикам водного объекта для каждого ЗВ, их последующая математическая обработка по различным рекам в зоне действия ЗаБУГМС по Амурскому (рр. Ингода и Онон) и Байкальскому (рр. Хилок, Селенга) бассейнам показала, что в реальных условиях зависимость приращения концентраций j -го ЗВ ($\Delta C_{i+1,i}^j(\delta\sigma)$) от приращения масс этого же вещества ($\Delta m_{i+1,i}^j(\delta\sigma)$) в пределах участков водотока, ограниченных существующими стационарными створами, описывается линейным уравнением [15]:

$$\Delta C_{i+1,i}^j(\delta\sigma) = \Delta m_{i+1,i}^j(\delta\sigma) \cdot a_{i+1,i}^j - b_{i+1,i}^j, \quad (8)$$

где $a_{i+1,i}^j$ и $b_{i+1,i}^j$ — соответственно значения углового коэффициента и свободного члена для рассматриваемого ЗВ, численные значения которых для рассматриваемых участков, для водотока в целом, а также для разных водотоков неодинаковы. Они учитывают исторически сложившиеся условия формирования количественных и качественных показателей водных ресурсов и уникальность бассейна, в пределах которого происходит их формирование.

Уравнение (8) позволяет примерно рассчитать массовый расход рассматриваемого ЗВ или его концентрацию в любом створе, моделировать изменение приращения массового расхода этого ЗВ и его концентрации в пределах выделенного участка, в том числе и на нижерасположенных, при разработке программы водоохраных мероприятий, а также распределять планируемые нормативы НДС между всеми водопользователями, расположенными на этом участке.

Известно [16], что ЗВ в качественном отношении подразделяются на консерва-

тивные и неконсервативные. Первые не поддаются воздействию процессов превращения, разрушения и изменяют свою концентрацию в воде вследствие разбавления. Вторые изменяют свою концентрацию в воде не только за счет разбавления, но также и под воздействием различных процессов биохимической, физико-химической деструкции и в результате химического взаимодействия с водой и содержащимися в ней веществами.

В действующей методике комплексной оценки степени загрязненности поверхностных вод по гидрохимическим показателям [21] четкого деления веществ на консервативные и неконсервативные нет. Такое деление следует считать условным, поскольку в зависимости от водности года, гидравлического, термического и гидрохимического режимов «консервативность» или «неконсервативность» ЗВ проявляются в разной степени.

В то же время, действующая методика разработки нормативов допустимых воздействий предусматривает при их расчете применения коэффициента неконсервативности [17], численное значение которого определяется на основании данных натурных наблюдений или по справочным данным и пересчитывать в зависимости от температуры воды и скорости течения. Из-за скудного количества или практически полного отсутствия данных определить значения коэффициента неконсервативности ЗВ, уточнить его справочное значение зачастую не представляется возможным.

Далее предлагается методический подход к определению консервативности ЗВ. На рис. 2 и 3 показаны линейные зависимости, описывающие трансформацию ЗВ в русле реки в пределах выделенного участка водотока между верхним i -м и нижним $(i + 1)$ -м створами как для условий «чистого разбавления» (линия 1 — $\Delta C_{i+1,i}^j(\text{чрз}) = f(\Delta m_{i+1,i}^j(\text{чрз}))$), так и в природных водных объектах (линия 2 — $\Delta C_{i+1,i}^j(\delta\sigma) = f(\Delta m_{i+1,i}^j(\delta\sigma))$). На рис. 2 эти зависимости приведены для неконсервативных веществ (например, биогенов), а на рис. 3 — для консервативных веществ (например, СПАВ).

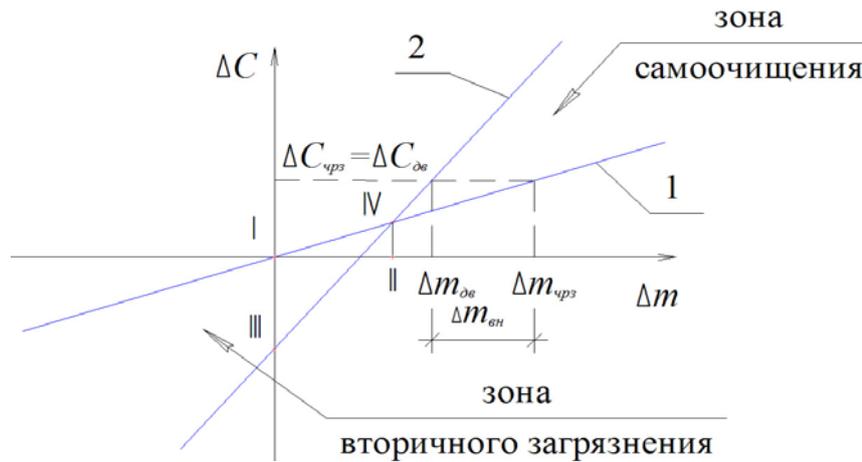

Рис. 2. Трансформация неконсервативного загрязняющего вещества

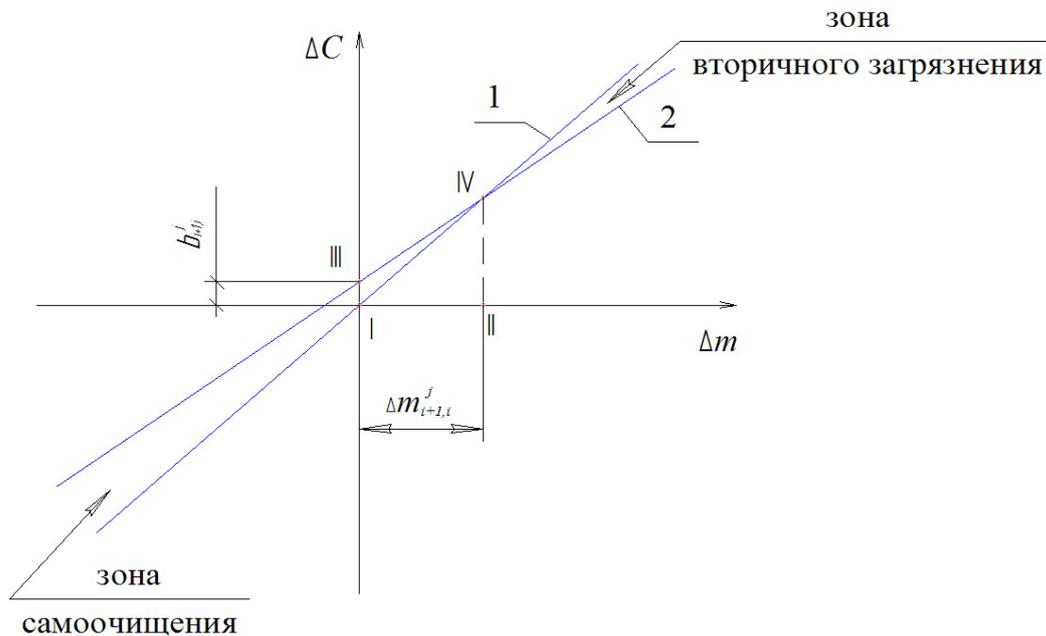

Рис. 3. Трансформация консервативного загрязняющего вещества

Анализ рисунков позволяет выделить следующие характерные точки, независимые от вида ЗВ:

– для линейной зависимости 1 («чистого разбавления» – $\Delta C_{i+1,i}^j(\text{чрз}) = f(\Delta m_{i+1,i}^j(\text{чрз}))$) – это точка I, проходящая через начало координат: ($\Delta C_{i+1,i}^j(\text{чрз}) = 0$ и $\Delta m_{i+1,i}^j(\text{об}) = 0$);

– для линейной зависимости 2 (реальный водный объект – $\Delta C_{i+1,i}^j(\text{об}) = f(\Delta m_{i+1,i}^j(\text{об}))$) – это точка II (при $\Delta C_{i+1,i}^j(\text{чрз}) = 0$) с координатами

$(\frac{b_{i+1,i}^j}{a_{i+1,i}^j}; 0)$ и точка III (при $\Delta m_{i+1,i}^j(\text{об}) = 0$)

с координатами $(0; b_{i+1,i}^j)$;

– точка IV – пересечение двух линейных зависимостей, в которой «чистое разбавление» соответствует трансформации j -го ЗВ в реальном водном объекте.

Таким образом, можно констатировать, что:

1) характерная точка II показывает, что в реальном водном объекте приращение массового расхода рассматриваемого ЗВ происходит только за счет изменения расхода в пределах выделенного участка, концентрация же этого вещества на данном участке остается постоянной;

2) характерная точка III показывает, что в реальном водном объекте приращение массового расхода рассматриваемого ЗВ происходит только за счет изменения его концентрации в пределах выделенного участка, в то время как расход на этом участке остается постоянным;

3) характерная точка IV показывает соотношение между «чистым разбавлением» и внутриводоемными процессами.

Рассмотрим частный случай трансформации j -го ЗВ, т.е. точку VI – пересечение двух линейных зависимостей, в которой «чистое разбавление» соответствует процессам в реальном водном объекте. Сравнение общего вида уравнений (6) и (8) позволяет констатировать, что они совпадают. Тогда результаты расчетов по этим уравнениям по среднегодовым данным также должны быть равными [18]:

$$\begin{cases} \Delta C_{\text{реал.реки}} = \Delta C_{\text{«чист»разбав}} \\ \Delta m_{\text{реал.реки}} = \Delta m_{\text{«чист»разбав}} \\ \Delta m_{i+1,j(\text{вн})}^j \Rightarrow 0 \end{cases} \quad (9)$$

Исходя из этого, можно предположить, что если выполняются условия: первое: $a_{i+1,i}^j - d_{i+1,i(\text{чрз})}^j \approx \pm \delta_Q$, где δ_Q – погрешность измерения расхода воды в водотоке; и второе: $b_{i+1,i}^j - r_{i+1,i(\text{чрз})}^j \approx \pm \sqrt{\delta_Q^2 + \delta_C^2}$, где δ_C – погрешность определения концентрации j -го ЗВ, то данное ЗВ является консервативным, в противном случае – неконсервативным для конкретных условий участка водотока.

В первом приближении оценка степени консервативности вещества может быть произведена по коэффициенту корреляции (R^2) экспериментальной зависимости (7). Для консервативных веществ R^2 значительно ниже, чем для неконсервативных.

На основании изложенного можно констатировать, что в реальном водном

объекте в зависимости от водности года могут наблюдаться следующие характерные случаи:

1) с увеличением притекающего расхода изменение содержания j -го инградиента происходит только за счет преобладания процесса его привноса с сосредоточенным и диффузионным стоком с водосбора и его разбавления из-за увеличения расхода ввиду того же сосредоточенного и диффузионного стоков;

2) с уменьшением притекающего расхода процесс «механического» привноса и разбавления снижается, начинают преобладать естественные процессы в водных объектах.

В зависимости от хозяйственной освоенности водосбора (антропогенного воздействия на водный объект) и региональных природно-климатических условий трансформация его гидрохимического режима может происходить по одному из следующих сценариев [19]:

1) экологически благоприятное состояние – самоочищение преобладает над поступлением ЗВ, которое наблюдается в водном объекте при выполнении одного из следующих условий:

- естественные процессы в водном объекте преобладают над «чистым разбавлением» или наоборот;

- естественные процессы в водном объекте соизмеримы с «чистым разбавлением»;

2) деградация водного объекта – поступление ЗВ преобладает над самоочищением.

Таким образом, линейные зависимости «чистого разбавления» и реального водного объекта графически представлены взаимно пересекающимися линиями (рис. 4).

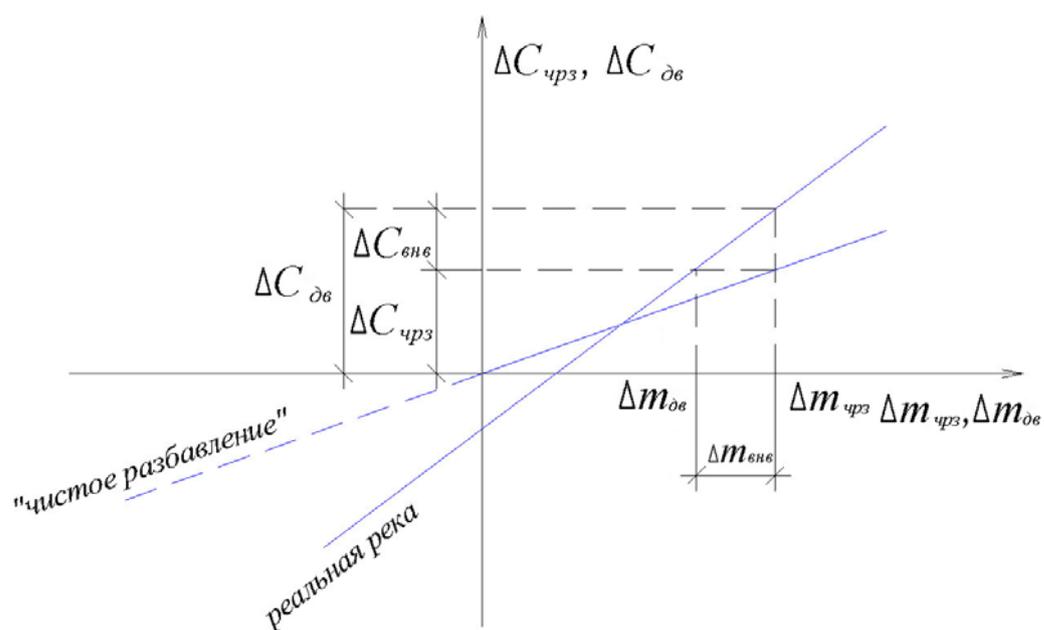

Рис. 4. Схема соотношения изменения масс химического вещества или соединения в русле реальной реки и для случая «чистого разбавления»

Для оценки существующего состояния водного объекта в [20] введено понятие *модуль трансформации* j -го ЗВ, представляющего отношение приращения массового расхода к площади выделенного участка водосбора, т.е. $M_{i+1,i}^j = \frac{\Delta m_{i+1,i}^j}{f_{i+1,i}}$.

Выразим из данного уравнения приращение массового расхода ($\Delta m_{i+1,i}^j = M_{i+1,i}^j \cdot f_{i+1,i}$) и подставим его в уравнение (8), получим

$$\Delta C_{i+1,i}^j = a_{i+1,i}^j \cdot M_{i+1,i}^j \cdot f_{i+1,i} - b_{i+1,i}^j. \quad (12)$$

Уравнение (12) увязывает два взаимосвязанных процесса — формирование гидрехимического режима водного объекта в пределах выделенного участка водосборной площади и его трансформацию непосредственно в самом водном объекте.

Если привести уравнение (12) к виду,

$$M_{i+1,i}^j = \frac{\Delta C_{i+1,i}^j}{a_{i+1,i}^j \cdot f_{i+1,i}} + \frac{b_{i+1,i}^j}{a_{i+1,i}^j \cdot f_{i+1,i}},$$

то на основании обработки многочисленных, достаточно продолжительных рядов среднегодовых наблюдений можно убедиться, что второй член фактически будет являться существующим региональным «фоном» по данному ЗВ, а первый — отражать процесс трансформации рассматриваемого инградента как в водотоке, так и его водосборе, по значению которого и следует назначать программу водоохраных мероприятий (назначение ОТУС), исходя из планируемого изменения модуля трансформации j -го ЗВ.

Литература

1. Атавин А.А., Васильев О.Ф., Воеводин Е.В. и др. Численные методы решения одномерных задач гидравлики // Водные ресурсы. — 1983. — № 4. — С. 38-47.
2. Кюнж Ж.А., Холи Ф.М., Вервей А.М. Численные методы в задачах речной гидравлики: практическое применение. — М.: Энергоатомиздат, 1985. — 256 с.
3. Воеводин А.Ф., Никифоровская В.С. Численный метод решения некоторых обратных задач гидравлики // Водные ресурсы. — 1981. — № 3. — С. 114-118.

4. Прохорова Н.Б., Черняев А.М., Бунькова О.В. Государственная политика управления водными ресурсами в Нидерландах // Водное хозяйство России. – 2000. – № 3. – Екатеринбург: РосНИИВХ. – С. 115-134.
 5. Litrico X. Nonlinear diffusive wave modelling and identification of open channels // Journal of Hydraulic Engineering. – Vol. 127. – April 2001. – P. 313-320.
 6. Добровольская З.Н., Епихов Г.П., Корявов П.П. и др. Математические модели для расчета динамики и качества сложных водных систем // Водные ресурсы. – 1981. – № 3. – С. 33-51.
 7. Вавилин В.А. Время оборота биомассы и деструкция органического вещества в системах биологической очистки сточных вод. – М.: Наука, 1986. – 144 с.
 8. Леонов В.В. Математическое моделирование трансформации соединений фосфора в пресноводных экосистемах (на примере оз. Балатон). – М.: Наука, 1986. – 152 с.
 9. Вольцингер Н.Е., Пясковский Р.В. Теория мелкой воды. Океанические задачи и численные методы. – Л.: Гидрометеиздат, 1977. – 207 с.
 10. Волкова Г.Б., Квон В.И., Филатова Т.Н. Численное моделирование ветровых течений в Чудском озере // Водные ресурсы. – 1981. – № 3. – С. 91-99.
 11. Шугрин С.М. Соединение одномерной и двумерной (плановой) моделей течения воды // Водные ресурсы. – 1987. – № 5. – С. 5-15.
 12. Васильев О.Ф., Квон В.И., Чернышева Р.Т. Температурно-стратифицированное течение в водоеме вытянутой формы // Гидротехническое строительство. – 1974. – № 4. – С. 35-43.
 13. Архипов Б.В., Киселев В.Г., Солбаков В.В. Двумерная модель термического режима водоема сложной формы // Тр. ИОФАН, т. 53, 1997. – С. 89-100.
 14. Белолыпецкий В.М., Костюк В.Ю., Шокин Ю.И. Математическое моделирование течений стратифицированной жидкости. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-е, 1991. – 176 с.
 15. Шарапов Н.М., Заслоновский В.Н. О математическом описании внутриводоемных процессов в руслах рек // Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ) № 3 (54). – Чита: ЧитГУ, 2009. – С. 36-41.
 16. Методические основы оценки антропогенного влияния на качество поверхностных вод // Под ред. засл. деят. науки и техники проф. А.В. Караушева. – Л.: Гидрометеиздат, 1981. – 175 с.
 17. Методические указания по разработке нормативов допустимого воздействия на водные объекты: утверждены приказом министерства природных ресурсов РФ 12 декабря 2007 г. № 328; зарегистрированы в Минюсте РФ 23.01.2008 г., рег. № 10974.
 18. Шарапов Н.М., Заслоновский В.Н. Методический подход к определению консервативности загрязняющих веществ и соединений // Горный информационно-аналитический бюллетень. – М.: МГУ. – 2009. – № ОВ6 Дальний Восток. – С. 147-156.
 19. Заслоновский В.Н., Шарапов Н.М., Капралов В.И., Черепанова Т.В. Об оценке водно-экологического состояния водосбора и планировании мероприятий по его улучшению на основе интегральных показателей // Водное хозяйство России. – 2003. – Т. 5. – № 1. – Екатеринбург: РосНИИВХ. – С. 18- 29.
 20. Шарапов Н.М., Заслоновский В.Н., Черепанова Т.В. Качественная оценка стока с водосбора с использованием модуля выноса // Материалы V республиканской научной конференции «Актуальные экологические проблемы Республики Татарстан». «Отечество». – Казань, 2003. – С. 274.
 21. РД 52.24.643-2002 «Методические указания. Метод комплексной оценки степени загрязненности поверхностных вод по гидрохимическим показателям».
-
-

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Шарапов Н.М., канд. техн. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
nmsharapov@mail.ru

N. Sharapov, Candidate of Engineering Sciences, assistant professor, Chita State University

Научные интересы: формирование гидрохимического режима водных объектов

Scientific interests: formation of hydro-chemical condition of water bodies

Социология

УДК 316.10

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

Романова Илона Валерьевна
Ilova Romanova

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН

FEATURES OF LONELY WOMEN'S SOCIAL ADAPTATION

Социальная адаптация одиноких женщин рассматривается как квантованный, постоянно существующий процесс, стремящийся к завершению

Social adaptation of lonely women is considered as kvant, constantly existing process aspiring to end

Ключевые слова: одинокие женщины, социальная адаптация, интернальность, экстернальность, бифуркация, маргинализация поведения

Key words: lonely women, social adaptation, internality, externality, bifurcation, behavior marginalization

Человек и общество представляют собой взаимно обусловленную систему. Изменения, происходящие в обществе, требуют соответствующих изменений личностных особенностей человека, его эмоционального состояния, ценностных ориентаций, потребностей. Коренные изменения, происходящие в России, генерируют мощный поток совершенно новых социальных реальностей, объем и интенсивность которых просто несоизмеримы с его прошлым социальным опытом. Изменения форм собственности, механизмов социального регулирования привели к тому, что человек оказался в новой, незнакомой обстановке, к которой он не только не может адаптироваться, но часто просто не способен адекватно ее воспринимать и оценивать.

Реформирование общества предполагает соответствующие изменения в структуре человеческой личности, основу которой составляют такие элементы российской

ментальности, как отсутствие установки на конкуренцию, невысокий уровень правовой ориентации и некоторые другие. Поэтому чтобы стать участником новых общественных отношений, человек должен пройти фазу внутренней перестройки, т.е. адаптироваться к новым жизненным условиям.

Сложные, в высшей степени неоднозначные процессы в экономической и духовной сферах, протекающие в условиях резкого снижения жизненного уровня, затрагивают те конкретные условия, в которых оказывается каждый человек в повседневной жизни, т.е. в условиях конкретной жизнедеятельности. С этих позиций здесь уместно привести основные тенденции, характеризующие состояние российского общества:

1) деградация и распад общественных структур, прежде всего, в экономике, спад общественного производства, сокращение его объемов, сужение рынка, сокращение

производства товаров, в первую очередь, предметов потребления. Вместе с тем, продолжается рост цен при резкой дифференциации доходов населения, вследствие чего большинство населения попадает в разряд малообеспеченных;

2) в сфере культуры, идеологии, духовности – появление новых идеологических, творческих, религиозных движений, но при отсутствии общероссийской идеи. Творческая жизнь страны в сфере массовой культуры находится под влиянием наилучших образцов Западной культуры;

3) деформация социального пространства: распадаются и теряют значение одни социальные группы и связи, появляются другие, резко обозначаются социальные дистанции, изменяется привычная шкала социальных статусов, трансформируются взаимоотношения человека и государства;

4) усиление криминального фона: рост преступности, появление новых видов преступлений (коррупция, терроризм, торговля наркотиками и т. п.), проникновение преступных сил в бизнес и политику [1].

Приведенные тенденции и определяют характер повседневного социального пространства российского гражданина. Они порождают ряд социальных эффектов, которые, на наш взгляд, образуют непосредственные условия формирования социальной оппозиции и поведения человека.

Накопление жизненного опыта в условиях реформ несколько снижает остроту проблемы, но, поскольку поток новаций продолжает нарастать, в целом проблема продолжает обостряться.

При переходе к новым формам организации общественной жизни адаптация населения к изменяющимся условиям происходит, как минимум, в двух внешне независимых друг от друга, но внутренне тесно связанных между собой пространствах обстоятельств. В первом из них, относительно доступном для внешнего наблюдения, происходит адаптация различных социальных групп к изменяющимся социальным условиям жизни. Арсенал средств, используемых при этом, состоит преимущественно из материальных благ и социальных позиций,

унаследованных от предыдущих социально-экономических условий, обеспечивающих удержание (или развитие) сложившегося уровня и качества жизни [2-4]. Среди них, в первую очередь, – экономический и профессиональный статусы, а также системы социальных связей.

Другая область, внутри которой происходит адаптация, – это ценностно-нормативное пространство, детерминирующее изменившиеся социальные отношения. В этом пространстве на уровне поведенческих навыков происходит (или не происходит) освоение норм, адекватных новым социальным обстоятельствам, но главное – интернализация ценностных приоритетов и общей системы мироотношения, обеспечивающей индивиду эффективную реализацию собственных жизненных программ в изменившихся социальных обстоятельствах [5].

Понятие адаптации широко употребляется в науке. Процесс адаптации реализуется во всех случаях нарушения баланса взаимоотношений в системе человек-среда. К этому понятию обращаются всякий раз, когда хотят описать взаимодействие индивидуального или группового субъекта с новой для него обстановкой, средой, деятельностью. Понятие «адаптация» полисемантивно и употребляется во многих значениях. В настоящее время оно используется в биологии, философии, социологии, социальной психологии, этике, педагогике, кибернетике, экологии и др.

Понятие «адаптация», как общенаучное понятие, содействует синтезу, объединению знаний различных (природных, социальных, технических) систем. В этой связи вполне обоснованной представляется точка зрения Ф.Б. Березина, который рассматривает адаптационную концепцию как один из перспективных подходов к комплексному изучению человека [6].

Анализ научной литературы показал, что существуют разные точки зрения на сущность и содержание социальной адаптации. Представители зарубежных научных школ (Г. Айзенк, В. Арнольд, Р. Метли) рассматривают социальную адаптацию с

позиций двух методологических подходов.

Согласно первому, она рассматривается как состояние гармонии между индивидом и социальной средой, т.е. как позитивный результат процесса приспособления человека к изменившейся социальной среде. Второй подход трактует социальную адаптацию как процесс, посредством которого это гармоничное состояние достигается.

Мнения российских исследователей, касающиеся предмета нашего обсуждения, концентрируются вокруг таких ключевых понятий, как «процесс активного развития индивидуума», «процесс и результат приспособительного взаимодействия», «итог процесса изменений».

Приведем определения этого понятия, на наш взгляд, наиболее полно отражающие существо явления. Первое (Ю.Н. Казаков) – социальная адаптация личности – это многогранный процесс активного развития индивидуума, который осуществляется в объективно-субъективной форме, в основе которого лежит активное и пассивное приспособление, взаимодействие с существующей социальной средой, а также способность изменять и преобразовывать саму личность на основе познания биологических, физиологических и психологических механизмов развития [7].

Другое определение, данное Л.В. Корель в цитированной работе, трактует социальную адаптацию как процесс и результат приспособительного взаимодействия личностей, социальных общностей, институтов и организаций, любых социально-организованных субъектов с окружающей социальной средой, направленный на приведение во взаимное соответствие на поведенческом и ментальном уровнях их обоюдных требований и ожиданий.

Приведем еще одно определение этого понятия, данное в работе О.В. Муровцева [8]. Социальная адаптация – это процесс освоения стабильных условий социальной среды, решения повторяющихся, типичных проблем использования принятых способов социального поведения, действия.

Анализируя различные подходы к определению понятия «социальная адаптация» и

распространяя его на социально-экономическую среду современной России, авторы склоняются к мысли, что это понятие объединяет процесс приспособления индивидуума к периодически возникающим социально значимым инновационным изменениям и соответствующую им последовательность незавершенных наслаивающихся друг на друга адаптивных состояний. Поэтому социальную адаптацию не следует рассматривать как итог, или результат, то есть завершённый процесс. Нам представляется, что это квантованный, постоянно существующий процесс, стремящийся к завершению.

Адаптационный процесс можно рассматривать на различных уровнях его протекания, т.е. на уровнях межличностных отношений, индивидуального поведения, базовых психических функций, психофизиологической регуляции, физиологических механизмов обеспечения деятельности, функционального резерва организма, здоровья. По мнению Ф.Б. Березина, у человека в этом ряду решающую роль играет психическая адаптация, в значительной мере оказывая влияние на адаптационные процессы, осуществляющиеся на иных уровнях [6; С. 9]. Ю.А. Александровский рассматривает психическую адаптацию как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, «которая обеспечивает деятельность человека на уровне «оперативного покоя», позволяя ему не только наиболее оптимально противостоять различным природным и социальным факторам, но и активно и целенаправленно воздействовать на них» [10].

Процесс адаптации реализуется во всех случаях, когда в системе человек-среда возникают значимые изменения, приводящие к нарушению адекватности их отношений. Поскольку человек и среда находятся не в статическом, а в динамическом равновесии, их соотношение меняется постоянно, также постоянно осуществляется и процесс адаптации. Равновесие, по мнению В.Г. Леонтьева, представляет собой динамический процесс уравнивания. Этот процесс протекает не только внутри одной системы, но и задействует другие и вовлекает

системы внешней среды. Уравновешивание не может происходить в рамках одной изолированной системы и только за счет собственных ресурсов, необходимо наличие связанных систем для передачи ресурсов от одной системы к другой, от этой к третьей и т.д.

Применительно к исследуемой группе одиноких женщин адаптационный процесс предполагает три составляющих: первая — своего рода постоянно присутствующий адаптационный фон, сопровождающий все остальные составляющие и связанный с приспособлением к состоянию одиночества, вторая — это адаптация к практически всегда негативным воздействиям формирующихся новых рыночных механизмов, и третья, определяемая бифуркационным ходом развития российского общества, когда адаптивная нагрузка, приходящаяся на субъект адаптации, характеризуется большим числом одновременно действующих социально значимых инновационных изменений в единицу времени. Все эти составляющие общей адаптации, действующие одновременно, осложняют процесс адаптации одиноких женщин.

В процессе адаптации имеются объективные и субъективные стороны.

Объективный процесс социальной адаптации заключается в том, что человек со дня своего рождения приобретает различные социальные свойства, отражающие его место в системе общественных отношений.

Субъективный процесс связан с личными качествами человека, убеждениями, с социально-психологическим развитием. Проявляется активная роль человека, его желание или нежелание изменить или усвоить существующие социальные ценности.

Дальнейшие наши рассуждения о социальной адаптации важны для понимания специфики развития современного российского общества как социальной среды, характеризующейся нестабильностью, неустойчивостью и очень малыми возможностями приспособляемости субъектов адаптации.

Традиционное понимание места и роли

адаптивных процессов в организации той или иной социальной системы находим в работах Т. Парсонса [11].

Конструируя уникальную для всех социальных систем формализованную модель системы действия, он вводит функциональную категорию «адаптация» в качестве базовой наряду с тремя другими: целедостижением, воспроизводством, интеграцией.

Современная трактовка развития социальных процессов, кроме традиционной эволюционной, подразумевающей линейность, равновесность, детерминированность среды, рассматривает возможность и бифуркационного развития, суть которого составляют неравновесность, нестабильность, открытость внешним воздействиям, кризисность.

Понятие «бифуркация» является одним из ключевых в понятийном аппарате синергетики — науки о самоорганизации систем или, более развернуто, о самопроизвольном возникновении и самоподдержании упорядоченных временных и пространственных структур в открытых нелинейных системах различной природы.

Философы указывают, что с появлением синергетики формируется новый тип рациональности, который рассматривает мир и человека как саморазвивающиеся системы. Согласно синергетическому видению мира, большинство систем, существующих в мире, — открытого типа, им свойственна изменчивость, непредсказуемость, стохастичность. С последней тесно связаны явления флуктуации и бифуркации. Согласно одному из создателей синергетики И. Пригожину [12], все системы содержат подсистемы, находящиеся постоянно в состоянии флуктуации. Иногда они могут стать настолько сильными, и существующая прежде система достигает такого состояния, что становится неустойчивой и принципиально невозможно предсказать ее дальнейшее развитие: станет ли она еще более хаотичной или перейдет на новый, иной, более высокий уровень организации.

Применительно к социальным системам бифуркационные периоды определяют экстремальность среды, когда практически

достигается предел существования самой адаптирующейся системы, начало ее разрушения, гибели. Этому предельному состоянию деструкции системы, как правило, предшествует ряд адаптивных состояний, обеспечивающих включение аварийных, защитных механизмов.

Проследим основные различия систем с эволюционным и бифуркационным ходом развития. Эволюционно развивающиеся сообщества характеризуются единичными социальными изменениями инновационного плана. Приспособление к ним идет постепенно, не затрагивая сразу и кардинально структуру сознания, и поведенческие стереотипы.

Общества с бифуркационным ходом развития характеризует большое число социально значимых инновационных изменений в единицу времени. Адаптивная нагрузка, приходящаяся на субъект адаптации, в этом случае может быть экстремальной и даже превышать порог его адаптивных возможностей, за пределами которого идет разрушение его внутренней структуры, прекращение взаимодействия с внешней средой и прерывание адаптации.

В обществах этого типа большое пространство получают разрушительные адаптации, сопровождающиеся деградацией и уничтожением адаптирующегося субъекта, а также насильственные и принудительные адаптации. Чем быстрее идет изменение среды на фоне очень малых возможностей приспособляемости субъекта, тем более вероятен кризис адаптации.

По мнению Л.В. Корель, определенные различия в адаптациях в эволюционных и бифуркационных средах должны заключаться также в самой последовательности преобразовательных процессов: затрагивают они сначала структуру сознания, а затем поведенческие стереотипы или же, наоборот, поведенческие характеристики, а потом, с некоторым запаздыванием — структуру сознания субъекта адаптации [13].

Далее Л.В. Корель предполагает, что адаптирующийся субъект в системах с бифуркационным ходом развития вынужден под воздействием обстоятельств экстрен-

ным образом менять, прежде всего, свои стандарты поведения, сохраняя на относительно длительное время неизменной структуру сознания (ценности, установки и пр.).

В обществе с бифуркационным типом развития, который иногда называют революционным, нестабильным, неустойчивым, подразумевается возможность мгновенного перехода системы в качественно новое состояние. При этом адаптация происходит по аналогии с теорией адаптационного синдрома канадского физиолога Г. Селье (H. Selye) в три стадии:

- 1) социального шока;
- 2) мобилизации адаптивных ресурсов;
- 3) ответа на вызов среды.

Такой переход не осуществляется синхронно: одни социальные группы быстро осваиваются, другие отстают. Неравномерность адаптации различных групп ломает социальную вертикаль, вызывает дестабилизацию, нарушает социальное равновесие в обществе. В случае затянувшихся двух первых стадий образуются маргинальные группы, нередко переходящие в пауперы и утрачивающие свой прежний социально-профессиональный и материальный статус.

При эволюционном ходе развития в первую очередь чаще всего меняется структура сознания, менталитет, которые и подталкивают к возникновению поведенческих решений, а вслед за ними уже появляются новые элементы и в структуре поведения.

Социальная адаптация в современной России представляет собой процесс взаимодействия индивида с кардинально изменяющейся социальной средой, в ходе которого постоянно согласуются требования и ожидания обеих сторон.

Менталитет россиян формировался в условиях, при которых такие, к примеру, социальные явления, как конкуренция и безработица, были достаточно абстрактны. В результате, с одной стороны, люди оказались психологически не готовы к адекватному реагированию на негативные социальные процессы. С другой стороны, экономические реформы обрушились на-

столько стремительно, что многие, «однажды проснувшись в своей квартире, но в другой стране», до сих пор как бы продолжают жить в несуществующем социуме. Поэтому понятно, что процесс адаптации человека значительно отстает от роста жизненных потребностей. Новые социальные условия предъявили к психологическим возможностям человека довольно высокие требования, с которыми он порой не может справиться. Задача адаптационного процесса – это проблема выживания человека через гармоничное приспособление организма индивида к процессам природной среды, которые в дальнейшем преобразовываются в социальные стороны развития.

Существуют различные уровни взаимоотношения личности с окружающим миром, и здесь необходимо найти гармоничные механизмы адаптации человеческого организма с индивидуально-личностными сторонами и потребностями, нуждами социального обустройства – с окружающей природной средой. Нарушение равновесия между этими системами может привести к вырождению или необратимым изменениям индивида и природы. У человека с развитием цивилизации не исчезают, а появляются новые социальные способы и средства адаптации.

Эффективному развитию всех механизмов социальной адаптации способствуют взаимодействие объективных социальных условий, среда обитания, сама личность, которая формируется в зависимости от активной или пассивной позиции, способностей, творческой деятельности, природных задатков.

Под адаптивным механизмом обычно понимается совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптационный потенциал субъекта для восстановления нарушенного равновесия в системе «адаптант – адаптирующая среда» (Л.Л. Шпак, 1991).

Включение адаптивного механизма наступает при наличии адаптивной ситуации. Последняя возникает под воздействием двух обстоятельств. Во-первых, таких изменений в среде, которые делают невоз-

можным для субъекта адаптации в новых условиях достижения старых жизненных целей и ориентиров старыми (прежними) средствами. Во-вторых, таких изменений в субъекте адаптации, которые делают невозможными для него достижение его новых целей в старых условиях среды. Внутренняя напряженность, присущая субъекту в момент обнаружения этих несоответствий (рассогласований), вынуждает его начать поиск выхода из дискомфорта среды.

В механизме социальной адаптации личности, по мнению Л.В. Корель [14], следует выделять следующие блоки регуляторов социальной адаптации:

- 1) социетальный, с выделением общих и локальных регуляторов;

- 2) личностный (групповой) с выделением статусных, социально-психологических и поведенческих регуляторов.

Социетальный блок подразделяется на два подблока: общие и локальные регуляторы. Первый подблок включает систему институциональных регуляторов наиболее общего плана.

Локальные регуляторы связаны с конкретными социально-экономическими условиями жизнедеятельности населения в конкретном регионе или поселении: региональный и поселенческий статус территории, состояние рынка труда, ее экономический статус (отраслевая структура экономики, национальное богатство и пр.), социальное качество населения (здоровье, образовательный уровень, преступность, возраст и пр.), нормативно-регуляторные факторы – традиции, нормы, обычаи, ритуалы и пр.

В систему личностных средств входят статусные, социально-психологические и поведенческие регуляторы.

Статусные – включают характеристики экономического, демографического, этнического, социально-территориального статусов, историко-биографические особенности индивидов и др.

Социально-психологические – объединяют когнитивно-аксеологические и мотивационно-волевые характеристики [15].

Поведенческие регуляторы – это прак-

тические меры, действия, поступки. К ним относят миграцию, социальное подражание, социальное сравнение, социальный протест, конкуренцию, непосредственное включение в новые структуры и др. поведенческие акты.

Таким образом, резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что социальная адаптация личности — это многогранный процесс активного развития индивидуума, который осуществляется в объективно-субъективной форме, в его основе лежит активное и пассивное приспособление, взаимодействие с существующей социальной средой, а также способность изменять и преобразовывать саму личность на основе познания биологических, физиологических и психологических механизмов развития.

Процесс социальной адаптации изучается в трех структурных уровнях:

- общество (макросреда);
- социальные группы (микросреда);
- сам индивид (внутриличностная адаптация).

Структура — общество (макросреда) — этот уровень выделяет процесс социальной адаптации личности в социально-экономическом, политическом, духовном развитии общества.

Структура — социальная группа (микросреда) — изучение этого процесса позволяет выявить причины конфликта индивида с социальной группой (трудовой коллектив, семья), поставить правильный социальный диагноз и разрешить проблему.

Структура — индивидуальная (внутриличностная) адаптация — стремление достичь гармонии, сбалансированности внутренней позиции и ее оценки с позиции других индивидов. Неумение адаптировать себя в новом коллективе может привести к конфликтным ситуациям, разрушить ценностные ориентации.

Развитие современного российского общества показывает, что в большинстве случаев человек не удается адаптироваться к новым экономическим, политическим, социальным условиям. В большей мере это относится к наименее защищенным слоям общества вообще и одиноким женщинам, в

частности.

Анализ происходящих социально-экономических процессов позволяет выявить существо общественной трансформации в России. Прежде всего, она затрагивает модели и механизмы экономической деятельности населения. Прямой властный хозяйственный контроль уступает место рыночным регуляторам социально-экономического поведения. В основе его формирования лежит рациональный выбор людей, что создает достаточно широкий спектр возможностей адаптации. Постепенно меняется сам механизм макросоциализации: медленно уходит в прошлое формирование стандартных моделей социального поведения на основе идеологических конструкций и жестких санкций, и приходит другой принцип формирования социального действия, основанный на рационализации индивидуальных и общественных потребностей. Кризисный характер трансформации состоит именно в том, что старые модели и механизмы входят в противоречие с новыми, что в отсутствии эффективных мер социальной политики, устойчивых нравственных норм и правовых санкций, угрожают обществу и дезинтеграцией.

Кризисное состояние, в котором оказалась преобладающая часть женщин, выражающееся в неосвоенности новых, адекватных складывающимся институциональным формам, образцов хозяйственного поведения и несформированности устойчивой социальной идентичности, является объективной характеристикой переходного периода в развитии российского общества. Кризис адаптации — провалы продуктивных моделей социально-экономической деятельности, основанных на профессионализме и квалификации, — и наоборот, успех полукриминальной деятельности не только тормозит социальную динамику, но и несет угрозу социальной стабильности. Невозможность для большинства женщин реализовать свои социально-экономические притязания, повысить или хотя бы поддержать социальный статус блокирует продвижение по всем другим направлениям преобразований, создает социальное напряжение, раз-

рушающее общественное согласие.

Изучение условий и факторов адаптивности одиноких женщин в период социальных трансформаций общества предполагает оценку их жизненных ориентаций, ценностных устремлений, определение динамики поведения женщин на рынке труда, выяснение их социальных предпочтений и возможных средств самозащиты, установок на определенную модель социального поведения.

Эти и другие подобные вопросы: как трудоспособные одинокие женщины оценивают свое экономическое положение, обстановку в стране, какими средствами намереваются обеспечить выживание и развитие себя и своих детей, какова степень их интернальности и экстернальности, т.е. те проблемы, которые принято объединять понятием «адаптационное поведение», постоянно находятся в поле зрения социологической общественности.

Под адаптационным поведением в данном случае мы имеем в виду некоторые комплексы оценок, принятия решений и действий по осуществлению намеченного плана, т.е. совокупность актов — рефлексивных, волевых, поведенческих.

В условиях относительно устойчивого развития, когда общество не переживает кризисов и потрясений, а будущее в общих чертах предсказуемо, адаптационное поведение индивидов и социальных групп представлено двумя полярными разновидностями:

— первая модель характеризуется преобладанием активно-инициативного воздействия на возникающие жизненные ситуации, в целом, на социальную среду. Данная модель может реализовываться только при наличии позитивных мотиваций — их отсутствие препятствует раскрепощению инициативного потенциала даже тех, кто отличается социальным темпераментом;

— вторая модель социальной адаптации представлена преимущественно пассивной формой поведения, с преобладанием конформистской жизненной ориентации. Такая стратегия преобладает — и вполне объяснимо.

Все многообразие жизненных форм поведения в постсоветском кризисном обществе может быть представлено следующим образом (в основу приведенной типологии положены материалы публикаций и выступлений акад. Е.В. Бабосова):

а) преобладание в жизненной позиции индивида или группы активно-инициативного воздействия на другие социальные группы, общность и организации таких индивидов и групп в социальной структуре общества. В среде рядовых граждан к этому адаптационному типу относятся в первую очередь те, кто занимается активной предпринимательской деятельностью (пусть в самых мелких масштабах), работает на нескольких работах. Метафорически говоря, это немногочисленный слой людей, который не дает собой пренебрегать, создает сам для себя предпосылки не просто выживания, а относительно нормального существования. Между этой группой и всеми другими существует известный ценностный разрыв, отчуждение;

б) пассивно-конформистское приспособление к резко изменившимся в худшую сторону условиям своего повседневного существования, сопровождаемое упадническими настроениями и возросшим цинизмом, самоуничижением, атомизированным замыканием личности, пытающейся сохранить социально-психологическое равновесие с ближайшим социальным окружением, в русле своих семейно-бытовых интересов;

в) более или менее активное неприятие, отвержение индивидами и группами новых социально-политических, экономических, социокультурных реалий, сопровождаемое ностальгией по утраченному прошлому, настроениями «радикализма от безвыходности»;

г) маргинализация поведения и жизненных позиций индивидов, которые с прежним типом самоидентификации уже порвали и от прежнего, привычного социального статуса в силу социально-экономических, психологических причин оторвались, а в новую идентификацию, соответствующую новой социальной ре-

альности, включиться не смогли или не успели;

д) криминальное использование индивидами и группами кризисной ситуации, непоследовательности и слабости власти, недостаточной разработанности и противоречивости новой нормативной базы.

В ходе исследования при изучении соответствующих источников [16] и материалов мы пришли к заключению, что социальную адаптацию одиноких женщин в России обуславливают два вида факторов:

– общие показатели социальной ситуации (уровень материального положения, устойчивость на рынке труда, длительность одиночества, состояние здоровья, эмоционально-психологическое состояние, индивидуальные качества и личностные особенности, наличие межпоколенного конфликта);

– специфические особенности современной российской действительности (кризис социальных ценностей и идеалов советского общества, потеря смысла жизни).

В исследованиях Е.Н. Сметанина выделяются три уровня адаптированности населения к новым экономическим условиям. Лица с высокой степенью адаптации однозначно считают реформы необходимыми и полезными [17]. Их личные дела в современных условиях складываются благополучно. От реформ они многое получили. Как результат – состояние психологического комфорта.

Лица с низкой степенью адаптации пессимистично воспринимают экономические преобразования, считая, что перемены в экономике заметно осложнили их личную жизнь, привели к потерям. В итоге – негативные эмоциональные переживания, порой отчаяние, безысходность.

Лица со средней степенью адаптации занимают промежуточное положение. От хорошо адаптированных они отличаются большей критичностью в оценке влияния реформ на их жизнь. В связи с трудностями – озабоченность, тревога. Но критичность их умеренна. В отличие от лиц с низкой адаптацией, они более оптимистичны, наряду с трудностями отмечают положи-

тельные изменения. Эмоциональный фон жизнедеятельности представителей этой группы более благоприятный.

На процессы адаптации людей к новым условиям, условиям рынка оказывает влияние ряд факторов. По данным Сметанина, ведущая роль среди них принадлежит факторам «материального» характера. Так, 60 % респондентов беспокоит заработок, 24 % работников обеспокоены надежностью места работы, способного обеспечить уверенность в будущем.

Важным фактором, влияющим на адаптацию человека, являются его индивидуальные особенности, которые либо помогают вписаться в современные условия, либо загоняют в жизненный тупик. Анализ причин, способствовавших успешной адаптации людей в условиях рынка, показывает, что у многих дела идут успешно не за счет конструктивных действий, а благодаря обстоятельствам, благоприятно сложившимся еще в доперестроечное время, – хорошей профессии и подходящему месту работы.

Важную роль в процессе адаптации играют индивидуальные качества и личностные особенности людей. Из приведенных Сметаниным данных следует, что на отсутствие здоровья, находчивости, жизненной ловкости указывают чаще всего респонденты с низкой адаптацией. Особенно это характерно для интеллигенции. На недостаток здоровья чаще всего сетуют женщины. Для многих людей слабое здоровье действительно проблема, но Сметанин указывает, что, согласно исследованиям, ряд людей прячут свою пассивность за ссылками на недомогание.

Люди с высоким уровнем адаптации к рыночным экономическим условиям среди качеств, отсутствие которых мешает достижению успеха, отмечают, прежде всего, умение от слов перейти к делу (23 %), силу характера (23 %), смелость и решительность (18 %), квалификацию и знания (15 %).

При оценке личных качеств, отсутствие которых препятствует достижению успехов в жизни, 40 % людей с низким уровнем адаптации отметили такие качества, как нахальство и бесцеремонность. Это

объясняется, как минимум, двумя фактами, определяющими такое мнение [17]. Прежде всего это расхожий в обществе образ преуспевающего человека – «этакого хама и циника, попирающего нормы права и общественного поведения».

С другой стороны, в ряде случаев срабатывает механизм психологической защиты по типу рационализации, когда ситуация человеком упрощается и он успокаивает себя: «Да, другие преуспели в жизни, но за счет нахрапистости, что добродетелью вовсе не является. Был бы я таким же бесцеремонным – все сложилось бы иначе, но я не такой плохой, а следовательно, лишен успеха».

Одновременно игнорируются факторы, которые в действительности во многом определяют эффективность деятельности и при этом не расходятся с представлениями о порядочности. Так, 45 % людей с высоким уровнем адаптации к современным экономическим условиям считают, что важнейшими условиями, при которых человек может успешно прожить в наше время, являются выгодные связи, столько же называют активность и предприимчивость; 70 % опрошенных называют умение по настоящему работать, не лениться; 35 % отмечают наличие хорошей специальности; 28 % выделяют личную честность и порядочность.

Успешная адаптация к условиям рынка в значительной мере возможна лишь в том случае, если идеология, концепция реформ совпадет с ценностными ориентациями, представлениями, психологическими установками человека. Во многих случаях о таком совпадении говорить не приходится, и это является одним из обстоятельств, затрудняющих адаптацию.

Причиной фрустрации, переживаемой значительной частью населения, стали несбывшиеся надежды на большую социальную защищенность. Однако современные реалии затронули и, казалось бы, непоколебимые сферы российской ментальности. Если раньше перемещения работника по иерархии трудового статуса были жестко детерминированы, то в условиях рынка

он зачастую должен сам решать, как в ситуации возросшей трудовой мобильности вести себя на рынке труда. При всем многообразии возможных типов поведения (от открытия собственного бизнеса до организации забастовок и политической борьбы с правительством) можно выделить две принципиальные схемы поведения работника, если он оказался перед необходимостью приспосабливаться к изменившимся условиям на своем предприятии или на вынужденном увольнении.

Эти адаптационные схемы поведения могут быть выражены единым признаком противодействия или подчинения работников неблагоприятным обстоятельствам. То есть всех работников, которые в современных условиях вынуждены искать работу и адаптироваться к ней, можно разделить условно на две группы в соответствии со схемой поведения. Первая группа сочетает стремление удержать, восстановить или даже повысить трудовой статус и готовность пойти для этого на дополнительные затраты физической и умственной энергии. Вторая группа работников, напротив, предполагает серьезные уступки: получать меньшую зарплату, – трудиться на любой работе, в пределах – вообще лишиться ее и жить на пенсию или накопления. При такой позиции человек не планирует дополнительных физических и умственных затрат.

Можно привести некоторые отличительные признаки двух названных типов работников. Так, второй тип отличается от первого более старшим возрастом, низким образованием, меньшей зарплатой, большей усталостью, сравнительно высокой долей женщин. Понятно, что молодым, более образованным и квалифицированным мужчинам проще затратить дополнительные усилия, повысить квалификацию, после увольнения найти работу по специальности. Людям пожилым, не обладающим достаточным образованием, здоровьем и физическими возможностями это дается труднее. Кроме того, им зачастую проще пойти на уступки, ибо многие имеют «тылы» для отступления (это накопления прошлых лет, приближающаяся пенсия, взрослые дети).

Те, кто настроен бороться с обстоятельствами, особенно ценят гарантии высокого уровня оплаты, ориентированы на самореализацию и автономию в труде. «Уступчивые» же в первую очередь озабочены гарантиями занятости, и их главное опасение – перспектива потери постоянной работы. Для представителей этой группы больше, чем для других, работа является источником уважения, авторитета в глазах окружающих, им психологически сложнее оказаться без нее или в ситуации вынужденной смены предприятия.

В условиях современной трансформации общества, характеризующейся обновлением системы ценностных ориентиров, естественно предположить отражение таких изменений и в социокультурном статусе, и социальных ролях женщин вообще, и одиноких женщин, в частности.

Произошедшее за последние годы снижение социального статуса женщин, процессы маргинализации, ухудшение материального состояния, возрастающие трудности в совмещении женщинами нескольких социальных ролей, низкий уровень жизни, подавление базовых потребностей у основной части населения приводят к повышению напряженности в социуме.

Анализируя социологические исследования, посвященные проблемам адаптации женщин, можно сделать вывод о том, что многие проблемы адаптации рассматриваются сквозь призму двух современных стратегий жизнедеятельности – стратегии самореализации и выживания.

Результаты наших исследований позволили выявить средства, пути выживания и развития, на которые рассчитывают различные категории женщин, определить степень ориентации данной социально-демографической группы населения на сильную социальную поддержку со стороны государства. Установлено, что определяющим в своем социальном и психологическом самочувствии большинство одиноких женщин называют уровень экономического и материального благосостояния. Годы экономического кризиса вынуждают абсолютное большинство женщин оценивать любые

проявления трудовых, правовых, социальных норм с точки зрения получения определенных материальных благ.

На одно из ведущих мест в рейтинге волнующих проблем выдвинута возможность потерять работу. Причем, более других проблема потерять работу беспокоит одиноких женщин в возрасте старше 40 лет (48 % в целом по массиву), по сравнению с 13 % женщин в возрасте до 40 лет, не обладающих специальным образованием (59,9 %).

При анализе проведенных социологических исследований особое внимание мы обращали на поколенческие различия. Молодое поколение одиноких женщин в целом относится более терпимо к происходящим переменам в экономической и социальной сферах, к расслоению общества по уровню доходов, экономическому неравенству. Возрастным рубежом, когда жизненные ориентации и оценочные суждения начинают существенно различаться, по результатам наших наблюдений, являются 40...45 лет.

В постсоветском обществе это явление обусловлено психологическим наследием социалистического распределения материальных благ, когда старшее поколение все еще широко использует советские версии социальной справедливости, поэтому, когда она не реализуется, лица старших возрастных категорий ощущают растерянность, неуверенность, тревогу и беспокойство. По данным различных исследований, у каждой четвертой одинокой респондентки отмечается постоянно выраженная реактивная тревожность, угнетенность, подавленность.

Неуверенность в завтрашнем дне тревожит 49,5 % одиноких женщин старше 50 лет против 11,7 % молодых женщин в возрасте до 25 лет. Более напряженно чувствуют себя женщины, не имеющие высокой квалификации (68,1 %), среди специалистов с высшим образованием одиноких женщин с таким настроением вдвое меньше.

Тот или иной тип адаптационного поведения выбирается, как правило, в соответствии с индивидуальностью, типом личности. Он выступает как способ разрешения

противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни, в которой внешние условия не всегда соответствуют и способствуют потребностям, способностям, интересам данной личности.

Исследования показывают, что большинство женщин все еще ориентируются на те средства адаптации, которые характерны для стратегии выживания: по-прежнему высока доля одиноких женщин, ориентирующихся на работу на приусадебном участке; экономии на приобретении продуктов питания, одежды, литературы; сокращение расходов на отдых.

Целью большинства исследований является определение путей адаптации женщин к новым социально-экономическим условиям. Предлагаемые пути решения направлены на изменение объективных политико-экономических условий, а не на изменение психологии женщины. В отечественной науке проблема работающей женщины преимущественно рассматривается в социально-экономическом ключе, тогда как социально-психологический остается в тени.

Анализ социологических и информационных материалов, полученных при изучении факторов адапционного поведения женщин, позволил сформулировать следующие выводы:

– женщины, и в особенности одинокие, чутко реагируют на социально-экономическую ситуацию страны и региона. Обострение кризиса в экономике вызывает интенсивное проявление жизненной стратегии выживания. Срабатывает традиционный для многих поколений женщин механизм самообеспечения и ухода в частную жизнь;

– социальное настроение женщин, выявленное в ходе социологических исследований, достаточно адекватно отражает их жизненные ориентации в современных социокультурных условиях. Детерминантами социального самочувствия в переходном обществе выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов граждан, степень востребованности их жизненного потенциала, реальные политические и культурные процессы в обществе;

– подавление базовых потребностей, сужение жизненных шансов одиноких женщин, нарастание абсолютной и относительной бедности сформировали такие компоненты социального настроения, как психологический дискомфорт, разочарование, неуверенность в завтрашнем дне, ощущение беспомощности перед нарастающим валом трудностей.

Важнейшей составляющей адапционного поведения одиноких женщин является их психологическое состояние, сформированное окружающей жизненной средой. Нарастающая новизна ситуации, постоянное возникновение новых, необычных реалий общественной жизни, обесценивание прошлого жизненного опыта в совокупности с возрастными изменениями базовых психологических процессов, особенно на финальном этапе онтогенетического развития человека, порождает чувство тревоги, упаднические настроения, кризис социальной идентичности. В связи с этим мы посчитали необходимым оценить некоторые параметры, определяющие психологическое состояние исследуемой группы одиноких женщин.

Чтобы выжить, чтобы избежать того, что называется нарушением адаптации, человек должен закрепиться в мире на совсем иных основаниях, чем прежде, стать более приспособленным, чем когда бы то ни было.

В исследовании мы попытались объективно оценить два показателя психологического состояния одиноких женщин: уровень депрессии и уровень тревожности.

На рис. 1 приведены диаграммы, иллюстрирующие состояние депрессии исследованной группы одиноких женщин. Они свидетельствуют, что в общей сложности около двух третей женщин подвержены воздействию депрессии. Диаграммы выявляют тенденцию общего повышения уровня депрессивного состояния с возрастом. Большинство опрошенных женщин отмечали общий отрицательный эмоциональный фон, мрачное подавленное настроение, душевную боль, чувство вины. Именно эти чувства, с точки зрения современных

психоаналитических исследований депрессии, являются ее характерными диагностическими особенностями. Из интервью: «...просыпаюсь и очень часто не могу заставить себя встать с кровати, не могу заставить себя делать что-то, а в мозгу

как маятник: надо, надо, надо...», или другое высказывание: «...часто вдруг начинают преследовать неотвязные, порой бредовые мысли, которые переполняют все сознание так, что невозможно и думать ни о чем другом».

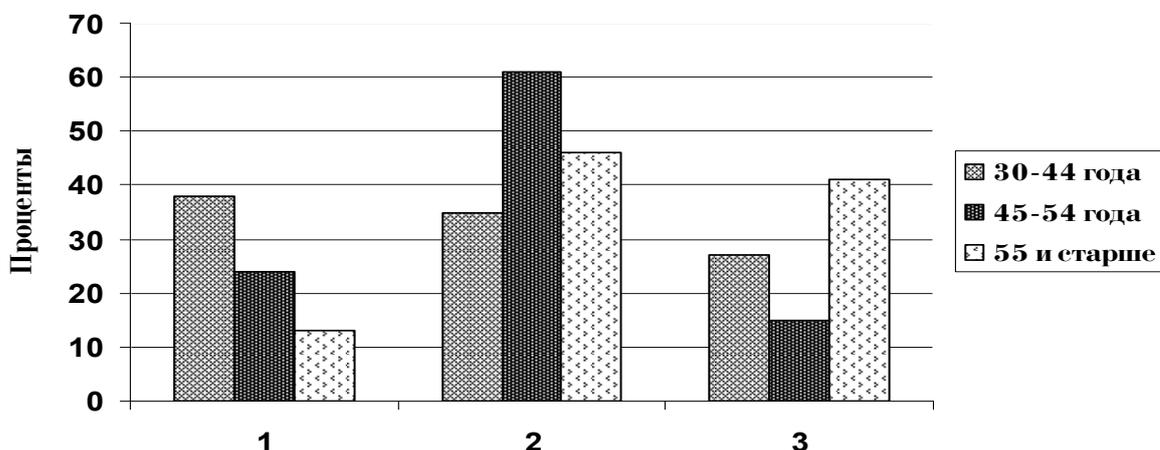

Рис. 1. Уровни депрессивного состояния исследуемых групп одиноких женщин:
1 – состояние без депрессии; 2 – легкое депрессивное состояние;
3 – депрессивное состояние

Используемый нами тест для диагностики тревожности имеет следующие уровни градации: очень высокая (75...100 %), высокая (50...75 %), средняя (25...50 %), низкая (менее 25 %).

Большинство протестированных женщин (82,3 %) выявили средний и высокий уровни тревожности, соответственно 50 и 32 %. В наше время «высоких скоростей и стрессов» – это закономерно, однако постоянное пребывание в состоянии высокой тревожности истощает и разрушает личностные ресурсы и становится фактором стресса. Интересно, что этот показатель имеет значимую обратную корреляционную зависимость с длительностью одиночества – чем выше «стаж» одиночества, тем ниже уровень тревожности, при mode минимальных значений 40 %.

Для исследования особенностей процессов социальной адаптации одиноких женщин нами также был привлечен тест, позволяющий определить их социальную направленность. Личность человека много-

гранна, она характеризуется различными ее проявлениями в различных ситуациях. Основу жизни личности составляют три ее особенности-характеристики: Я, Общение, Дело. В связи с этим выделяются три вида направленности личности: направленность на себя, направленность на общение, направленность на дело.

На основании анализа результатов обработки тестов нами выделены пять типов общей направленности личности, которые описывают наиболее часто встречаемые комбинации различных составляющих этого показателя.

На рис. 2 приведены диаграммы, иллюстрирующие соотношение выделенных нами типов общей направленности личности различных возрастных групп одиноких женщин. В возрастном периоде становления, развития и утверждения трудовой личности (30...44 года) сказывается преобладание второго (около 40 % выборки) и третьего (около 30 %) выделенных нами типов. На этапе становления преобладает

некоторый конформизм, налаживание отношений, ориентация на социальное одобрение.

В завершающей стадии этого возрастного периода доминирует тип личности, который ценится и востребован в любых социальных условиях — это авторитетный, инициативный, высококвалифицированный работник, могущий быть лидером группы.

Эти же типы преобладают и в более старшей возрастной группе, но здесь уже более явно прослеживается тип, соответствующий одной из поведенческих моделей выживания в современных условиях, когда личность по каким-либо причинам (де-

фицит современных знаний и навыков, конкуренция со стороны перспективных молодых) вынуждена занимать подобную жизненную позицию.

В возрастной группе старше 55 лет понижен активный конформизм, т.к. после выхода на пенсию постоянное место работы обычно имеют только явно востребованные специалисты (второй и третий типы вкпе составляют около 60 % выборки). В этой группе заметно проявлен гармоничный тип личности, что связывается, видимо, с некоторой отстраненностью от давящей ранее зависимости производственных обстоятельств.

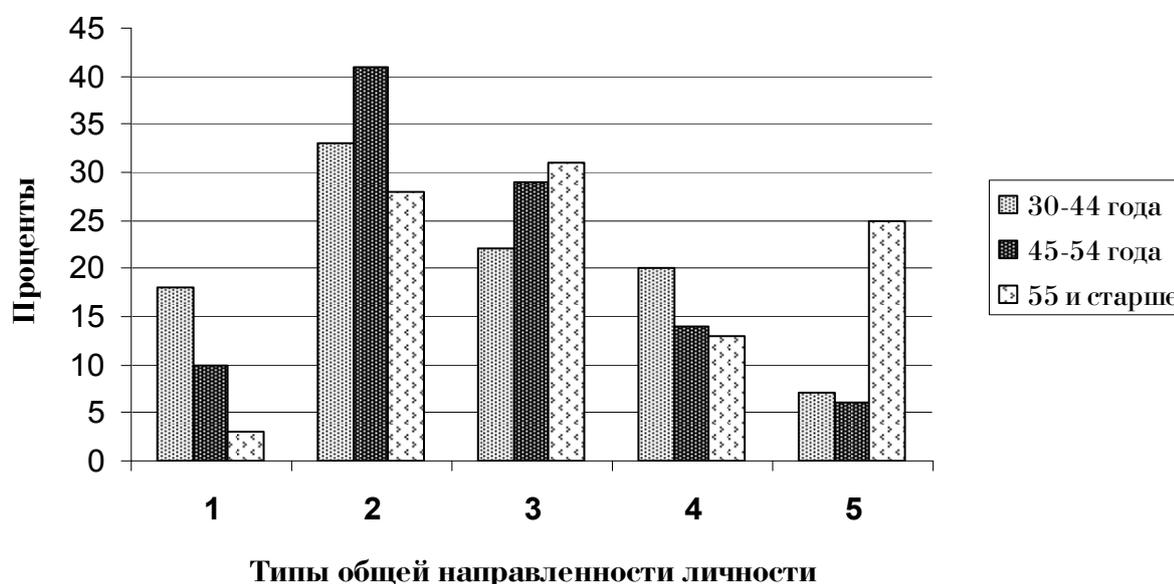

Рис. 2. Соотношение различных типов общей направленности личности одиноких женщин различных возрастных групп

Завершая описание процесса социальной адаптации современного российского общества, необходимо отметить следующее. Анализируя различные подходы к определению понятия «социальная адаптация» и распространяя его на социально-экономическую среду современной России, авторы склоняются к мысли, что это понятие объединяет процесс приспособления индивидуума к периодически возникающим социально-значимым инновационным изменениям и соответствующую им последовательность незавершенных наслаивающихся друг на

друга адаптивных состояний. Поэтому социальную адаптацию не следует рассматривать как итог, или результат, т.е. завершённый процесс. Нам представляется, что это квантованный, постоянно существующий процесс, стремящийся к завершению.

Особенностью развития современного российского общества как социальной среды является ее нестабильность и неустойчивость, оно определяется как общество с бифуркационным ходом развития с большим числом социально-значимых инновационных изменений в единицу времени. Адап-

тивная нагрузка, приходящаяся на субъект адаптации, в этом случае может быть экстремальной и даже превышать порог его адаптивных возможностей, за пределами которого идет разрушение его внутренней структуры, прекращение взаимодействия с внешней средой и прерывание адаптации.

В таких условиях процесс социальной адаптации одиноких женщин предполагает три составляющих: первая — своего рода постоянно присутствующий адаптационный фон, сопровождающий все остальные составляющие и связанный с приспособлением к состоянию одиночества, вторая — это адаптация к практически всегда негативным воздействиям формирующейся рыноч-

ной среды, и третья, определяемая бифуркационным ходом развития сегодняшнего российского общества. Все эти составляющие общей адаптации, воздействующие одновременно, значительно осложняют процесс адаптации одиноких женщин.

Важнейшая сущностная характеристика социально-психологической адаптации как таковой состоит в том, что она, в отличие от психофизиологической адаптации, не происходит автоматически, и ее успешность в решающей степени зависит от собственной активности и подготовленности человека, от его специальных целенаправленных усилий.

Литература

1. Шаров А.Н. Проблема человека в контексте радикальных социальных преобразований // Вестн. СибГУ. Сер. 6. 1996, вып. 1 (№ 6).
2. Гордон Л.А. Область возможного. — М., 1995. — С. 192.
3. Гордон Л.А. Общество «недовольных» (Особенности массового сознания в переходный период) // Полис, 1998. — № 3. — С. 32-48.
4. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями: теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Т. I, № 2. — С. 102-112.
5. Бурмыкина О.Н., Нечаева Н.А. Социокультурные аспекты адаптации населения к рыночной экономике. — СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1998.
6. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. — Л., 1988. — 270 с.
7. Казаков Ю.Н. Инструментарий социальных технологий (психологический аспект). — abs.vvsu.ru.
8. Муровцева О.В. Адаптация как общенаучное понятие. — Могилев, 1986.
9. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая интеграция // Бессознательное. — Новочеркасск, 1994. — Т. 1. — С.187-200.
10. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация (пограничные нервно-психические расстройства). — М., 1976. — 272 с.
11. Парсонс Т. Система современных обществ: пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 1997. — 270 с.
12. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. — М.: Мир, 1979.
13. Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. — Новосибирск: ИЭиОПП, 1997. — 160 с.
14. Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики: дис. ... д-ра социол. наук в форме науч. докл. — Новосибирск, 1998. — 69 с.
15. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. — Красноярск, 1991. — 232 с.
16. Кононов И. Адаптационные и адаптирующие стратегии поведения жителей Луганщины в условиях общественного кризиса // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 2. — С. 70-88.
17. Сметанин Е.Н. Адаптация населения к современной экономической ситуации // Социологические исследования, 1995. — № 4. — С. 85.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova, Dr. Sc. (Sociology), Full Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: phylosophy of loneliness, gender research, buisness communications

Романова И.В., канд. социол. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-67-18

I. Romanova, Candidate of Social Sciences, assistant professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: социальная геронтология

Scientific interests: social gerontology

Есть мнение....

Профессор кафедры геофизики Салихов Владимир Салихович, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

УДК 553.078:553.2 (571.55)

О СОВМЕЩЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ГЕОЛОГО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ТИПОВ МЕДНОГО ОРУДЕНЕНИЯ В ЕДИНЫХ СТРУКТУРАХ ЗЕМНОЙ КОРЫ

ABOUT COMBINATION OF VARIOUS GEOLOGIC-INDUSTRIAL TYPES COPPER MINERALIZATION IN UNIFORM STRUC-TURES OF EARTH CRUST

Предложена прогностическая модель рифтогена, в которой формируется все многообразие геолого-промышленных типов медного и сопутствующего оруденения, при эволюционном развитии рудно-магматической системы

The forecasting rifting model in which all variety of geologic-industrial types copper and accompanying mineralization is formed under evolutionary development of ore-magmatic system is offered

***Ключевые слова:** прогнозирование, рудно-магматическая система, промышленные типы, медь*

***Key words:** forecasting, ore-magmatic system, industrial types, copper*

В настоящее время для решения широкого круга геологических и минерагенических задач активно привлекаются положения синергетики – нового научного направления в естествознании, позволяющего использовать аппарат нелинейной термодинамики для расшифровки сложных природных процессов и систем. Такие системы сопровождаются образованием упорядоченных пространственно-временных и временных структур, возникающих в результате кооперативного (согласованного) поведения составных частей природных систем [3; 5].

Учитывая, что в тектонофере (вплоть

до границы мантии и ядра) все достаточно крупные структуры (локальные или региональные) взаимосвязаны, а эндогенные и экзогенные процессы (с учетом внесемных, космогенных факторов) находятся в пространственно-временном взаимодействии, нет изолированных структур, развивающихся в автономном режиме.

Уже имеются многочисленные примеры объяснения сложных процессов рудообразования с позиции неравновесной термодинамики, учитывающей нелинейность и волновую динамику течения физических свойств горных пород в литосфере, хаотичность развития геосфер (в том числе и

детерминированную), относительную упорядоченность конкретных участков земной коры, что в конечном итоге определяет принципиально новые возможности в методологии и технологии прогноза и поисков месторождений полезных ископаемых [2]. Последнее является главнейшей задачей прикладной геологической науки, в то время как главнейшая задача фундаментальной науки — создание глобальной теории Земли.

Прикладная задача геологии — поиски месторождений полезных ископаемых в различных структурах земной коры, увязываемая с проблемой связи мантийно-коровых неоднородностей земной коры с близповерхностными структурами и их рудоносностью. Такая связь устанавливается, например, при анализе различных типов медного оруденения.

Ведущими геолого-промышленными типами медного оруденения в Мирове являются медно-(молибден)-порфиновый, медно-никелевый в расслоенных габброидах, медно-(цинк)-колчеданный в вулканитах и тип медистых песчаников и сланцев. Особенностью промышленных типов медного оруденения является формирование их в единых рудно-магматических системах — рифтогенах при наложении (или телескопирования) оруденения в единых структурах [8].

Под рифтогеном понимается неравномерная эндогенно-активная обособленная структура (узел линейной зоны), проявляющаяся в земной коре и верхней мантии и вмещающая природные сообщества магматических, вулканических, осадочных, метасоматических и рудоносных пород, которые представляют собой многоэтапный рудно-петрогенетический самоорганизующийся процесс. Особенностью процесса является его эволюция от мантийно-корового расслоения и ликвации до эксталяционно-осадочной дифференциации вещества, а образуемый при этом комплекс пород вмещает весь набор геолого-промышленных типов известного медного оруденения.

Таким образом, один геолого-промышленный тип оруденения, появляясь

на определенной стадии развития рифтогена, сменяется скачкообразно другим, в бифуркационных точках в результате чего возникает другой промежуточный тип оруденения, например, скарново-медно-порфиновый и др. [4].

Области зарождения рифтогенов определяются разноуровневыми, физико-геологическими неоднородностями как по вертикали, так и латерали, а последние, по В.В. Белоусову (1991), являясь нормой геологического строения Земли, во многом определяют ход дальнейших процессов, т.е. история Земли — это непрерывное проявление и видоизменение неоднородностей [1].

Движущей силой эволюционного развития рифтогена является неравновесность (противоречие), которая побуждает его к внутреннему саморазвитию и, как следствие, к формированию новых типов (в бифуркационных точках) оруденения от мантийного к мантийно-коровому (резонансные зоны мантии) и далее к экзогенному (латераль-секреционному и вулкано-генно-осадочному) в близповерхностных условиях. В результате такой эволюции (вдали от состояния равновесия) возникают и усложняются пространственные и пространственно-временные структуры как результат взаимодействия поступающих фильтрующихся флюидов со вновь образованными породно-минеральными ассоциациями. Последние могут резко отличаться от ранее созданных минеральных ассоциаций, но приемственность сохраняется (единство многообразия, общность и индивидуальность) [7].

Самоорганизация меденосной рифтогенной системы — это непрерывный процесс эволюции, который приводит к образованию новых упорядоченных (диссипативных) макроструктур и новых типов оруденения. Начало этому процессу положено формированием расслоенных основных интрузивных комплексов с ярко выраженными диссипативными структурами.

Рудогенерирующий потенциал рифтогена определяется его градиентностью, степенью контрастности в нем физико-химических и термодинамических условий,

определяющих в итоговом рудно-геологическом теле степень разнообразия и масштаб минерализации: самый незначительный компонент в синергетической флюидно-магматической системе может привести к существенным преобразованиям и появлению «нестандартного» оруденения. Критический уровень градиентности существует на каждом этапе рудогенерации и в каждом геолого-промышленном типе. Мантийный рудоносный флюидный поток в процессе своей эволюции скачкообразно меняет физико-химические свойства («парадоксы» метасоматоза по Г.Л.Поспелову, 1973), что способствует появлению в системе бифуркационных зон и смену типов минерализации.

В полно развитом рифтогене, наиболее упорядоченном, встречаются (должны быть) все известные геолого-промышленные и другие типы медного оруденения, но разной масштабности, а предложенная модель совмещенного развития медного оруденения позволяет по-иному оценить и пересмотреть перспективы известных медно-рудных районов с позиции недостающих членов. Такой подход может быть осуществлен и при прогнозной оценке иных типов оруденения в известных горно-рудных районах: многообразного золото-рудного (нередко с ураном, сурьмой), оловянно-вольфрамowego и др.

Весьма показательна в этом плане выделенная в последнее время Центрально-Алданская золото-урановая с молибденом магматогенная система в ранге рудного района как целостная и представляющая собой совокупность рудообразующих систем различного ранга. Последние являются производными магматических резервуаров (очагов) разноуровневой и разноранговой, этажной магматогенной системы. При этом оруденение (золото, молибден, уран) располагается зонально по отношению к головному магмоводу [6]. В пределах Удоканской рудоносной структуры совмещенно

развивается комплексное медное оруденение в основных массивах (Чинейское месторождение) и оруденение типа медистых песчаников и сланцев (Удоканское месторождение). Наличие в районе медно-колчеданного оруденения, связанного с вулканоогенными толщами, здесь нет, и ожидать не стоит, поскольку активного разновозрастного вулканизма в районе не было, а деятельность магматизма происходила в твердопластинном состоянии (типа протрузии) без сопровождения вулканизма. Наличие же медно-молибден-порфинового оруденения (и непосредственно под Удоканом) вполне возможно. К этому настраивают и нередко встречаемые в регионе медно-молибденовые проявления (Правая Хадатканда, грабен Чукчуду и др.).

Таким образом, с позиций рифтогена, основанного на одном из основных законов диалектики — «единство и борьба противоположностей», а также с учетом синергизма, можно уверенно утверждать, что под уникальным месторождением Удокан (геолого-промышленный тип — медистые песчаники и сланцы), на глубинах 3 км и более располагаются иные руды, иной геолого-промышленный тип, недостающий в рифтогене: медно-(молибден)-порфиновый, возможно с попутным золотом. Вертикальный размах оруденения может быть существенно сокращен, учитывая длительность существования рудообразующей магматогенной системы и, соответственно, различную глубину эрозионного среза.

Прогноз обосновывается синергетической (кооперативное, совместное действие) моделью меденосной рудно-магматической системы, предложенной автором и зарегистрированной Международной Академией авторов научных открытий и изобретений (2010 г.) в качестве научной гипотезы под названием: «О совмещенном развитии типов медного оруденения в рифтогенных самоорганизующихся структурах земной коры».

Литература

1. Белоусов В.В. Тектоника Земли: Взаимодействие верхней мантии и коры. – М.: Межвед. геофиз. кон., 1991. – 72 с.
 2. Барышев А.Н. Использование моделей рудно-магматических систем при прогнозе, поисках и оценке рудных районов, узлов и полей // Руды и металлы. – 2009. – № 4. – С. 25-32.
 3. Горяинов П.М., Иванюк Г.Ю. Самоорганизация минеральных систем. – М.: ГЕОС, 2001.
 4. Грабежев А.И., Карпенко А.М., Савельев В.П. и др. Тарутинское скарново-медно-порфировое месторождение // Докл. АН СССР. – 1990. – Т. 311. – № 2. – С. 451-454.
 5. Летников Ф.А. Процессы самоорганизации при формировании магматогенных и гидротермальных рудных месторождений // Геология рудных месторождений. – 1997. – Т. 38. – № 4. – С. 307-322.
 6. Максимов Е.П., Уютов В.И., Никитин В.Н. Центральнo-Алданская золото-урановорудная магматогенная система (Алдано-Становой щит, Россия) // Тихоокеан. геол. – 2010. – 29, № 2. – С. 3-26.
 7. Салихов В.С. Единство и многообразие промышленных типов медного оруденения // Геология и Геофизика. – 1991. – № 10. – С. 71-75.
 8. Салихов В.С. Самоорганизация меденосной рудно-магматической системы (синергетическая модель) // Докл. РАН. – 2001. – Т. 379. – № 2. – С. 237-240.
-

Книгоград

Стетьюха Г.В. Проектирование железобетонных бункеров: монография. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 123 с.

Монография посвящена проектированию железобетонных бункеров. Излагается расчет пирамидально-призматических бункеров в упругой стадии работы и методом предельного равновесия. Кинематическим методом предельного равновесия рассчитывается стенка сложного очертания. Приводятся конструктивные решения монолитных и сборных железобетонных бункеров. Представлены таблицы и формулы для расчета прямоугольных, треугольных и тра-

пецеидальных плит. Даны примеры определения усилий в элементах бункера и расчет вертикальной стенки методом предельного равновесия.

Монография предназначена для инженерно-технических и научных работников строительной отрасли, для студентов и аспирантов строительных специальностей

Юбилейные даты

Руководство университета, коллеги,
сотрудники, студенты поздравляют
Гостюхину Тamarу Ивановну
с Юбилеем, желают долгих лет,
творческих успехов, благополучия

За короткий период Читинский государственный университет из маленького общетехнического факультета Иркутского политехнического института превратился в крупный учебный и научный центр Забайкальского края. И дело здесь не только в том, что благодаря стараниям руководства университета удалось значительно расширить учебные площади, оснастить лаборатории современным оборудованием, создать комфортные условия студентам и сотрудникам, а в том, что учебному заведению удалось не только вырастить своих преподавателей из научных кадров, но и привлечь высококвалифицированных специалистов и ученых, благодаря которым приумножается слава нашего университета.

Одна из таких преподавателей – Гостюхина Тамара Ивановна, отдавшая обучению и воспитанию молодого поколения в высших учебных заведениях более 40 лет. В настоящее время Тамара Ивановна – доцент кафедры экономической теории института экономики и управления ЧитГУ.

Тамара Ивановна – коренная забайкалка. Детство и школьные годы прошли в селе Улёты Читинской области в большой дружной семье. Родители, как и многие из того поколения, испытали и голод, и нужду. Отец прошёл всю войну, вернулся инвалидом. Родители старались привить детям любовь к труду, знаниям, честность и порядочность.

Тамара, очень способная и любознательная девочка, выросшая среди прекрасной природы, стремилась узнать как можно больше об окружающем мире и дальних странах, поэтому после окончания школы поступила в Читинский педагогический институт на естественно-географический факультет, который успешно закончила. Как одна из лучших студенток была приглашена преподавателем в институт.

Стремление к самосовершенствованию, узнать как можно больше привело к тому, что она поступила в аспирантуру и выбрала актуальную для того времени и, как оказалось, для настояще-

го времени, тему исследования: «Формирование территориально-производственных комплексов и повышение эффективности общественного производства».

На разных должностях Тамара Ивановна работала в Читинском педагогическом институте, в институте повышения квалификации работников образования, а с 2002 г. – в Читинском государственном университете. Где бы ни работала Тамара Ивановна, везде пользовалась авторитетом у своих коллег. А главным для нее были и остаются ее ученики – студенты, которые любят и уважают своего преподавателя за глубокие знания, творческий подход к любому делу, умение корректно общаться с аудиторией. В 2006 г. в конкурсе «Преподаватель – глазами студентов» она признана лучшим преподавателем института.

Тамара Ивановна не стоит на месте – руководит методическими семинарами на кафедре, занимается научными исследованиями. За время работы ею опубликованы более 40 научных трудов, многие из которых имеют большое практическое значение.

Под руководством Тамары Ивановны студенты принимают активное участие в научных конференциях, где занимают первые и призовые места. Многие из них поступили в аспирантуру, защитили диссертации.

Молодые коллеги института тоже учатся у талантливого педагога и ученого. Часто посещают ее лекции, спрашивают совета. А Тамара Ивановна – добрый, отзывчивый, коммуникабельный человек, всегда с открытым сердцем готова помочь каждому. Воспитала замечательного сына, который пошел по стопам матери: защитил кандидатскую диссертацию, преподает в Кызыльском государственном университете.

Тамара Ивановна всю жизнь занимается любимым делом – передает знания молодому поколению. Мечты той маленькой девочки сбылись. Про таких людей говорят: «Жизнь задалась».

А. Сергеева

Содержание

Экономические науки

Васильева С.В. Трудовые затраты и вопросы свободного времени сельских жителей S. Vasilieva Labour Costs and Spare Time Questions of Rural Population.....	3
Городкова С.А. Маржиналистский подход к определению сущности категории «издержки» современного формата S. Gorodkova The Marzhinalistsky Approach to Defining the Modern Format Essence of the «Expenses» Category.....	9

Философские науки

Дорогенский А.В. К проблеме интеграции методологических программ в исследовании цивилизационной динамики A. Dorogenski The Problem Integration of Methodological Programs Into the Study of Civilizational Dynamics.....	15
Журавлёва И.А. К проблеме демаркации между концепциями постиндустриального общества, информационного общества и общества знаний в современной социальной теории I. Zhuravleva To a Demarcation Problem Between Concepts of Postindustrial Society, Information Society and Society of Knowledge in the Modern Social Theory.....	22
Кучинская Т.Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая: уроки для России T. Kuchinskaya Opened Border Regionalism in China's Global Strategy: Lessons for Russia.....	27

Филологические науки

Дутова Н.В. Гендерные картины мира: сравнительный анализ Западной и Восточной ГКМ N. Dutova Gender Pictures of the World: comparative Analysis of Western and Eastern Gender World Picture	35
Жаткин Д.Н. Традиции немецкой литературы в анакреонтической лирике А.А. Дельвига D. Zhatkin German Literature Traditions in Anacreontic Lyrics of A.A. Delvig	41
Надеина Л.В. Метафорическое осмысление движения вперед представителями народной культуры L. Nadeina Figurative Understanding of Forward Motion by the Members of Folk Culture	47

Юридические науки

Жалсанов Б.Ц. Реализация положений Конституции Российской Федерации органами исполнительной власти B. Zhalsanov Realization Regulations of the Constitution of the Russian Federation by Executive Authorities.....	51
Кошелев М.С. Общие положения договорного права России, Китая и Монголии: сравнительно-правовой анализ M. Koshelev General Provisions of Contract Law of Russia, China and Mongolia: the Comparative – Legal Analysis.....	55

Политология

- Елисейев Б.П.
Образование как элемент системы национальной безопасности
B. Eliseev
Education as an Element of the National Security System 59
- Козыкина Н.В.
Движущие силы международной китайской миграции
N. Kozykina
Motive Forces of the International Chinese Migration 69
- Маркова Е.А.
Национализм и демократия в начале XXI в.
E. Markova
Nationalism and Democracy in the Early XXI Century 75
- Осипова О.В.
Региональная информационная политика в контексте теории политической коммуникации
O. Osipova
Regional Information Policy in the Context of Political Communications' Theory 81
- Партугимов В.В.
Влияние глобализации на функции государства
V. Partugimov
The Impact of Globalization on the State Functions..... 86
- Полежаев В.М.
О создании единого конституционного пространства России
V. Polezhayev
To the Question of Common Constitutional Space Creation..... 91

Науки о Земле

- Павленко Ю.В.
Государственная геологическая карта Российской Федерации нового поколения
как основа дальнейших исследований Восточного Забайкалья
Yu. Pavlenko
State Geological Card of the Russian Federation of New Generation as the Basis
for Further Investigation of Eastern Zabaikalie..... 96
- Шарапов Н.М.
Назначение ориентировочного требуемого уровня снижения вредного
воздействия на поверхностный водный объект
N. Sharapov
Appointment of Tentative Required Level Reducing Exposure on Surface Water Bodies 103

Социология

- Романова Н.П., Романова И.В.
Особенности социальной адаптации одиноких женщин
N. Romanova, I. Romanova
Features of Lonely Women's Social Adaptation 112

Есть мнение...

- Салихов В.С.
О совмещении различных геолого-промышленных типов медного
оруденения в единых структурах земной коры
V. Salichov
About Combination of Various Geologic-Industrial Types Copper Mineralization
in Uniform Structures of Earth Crust 128
-
-

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (68)

2011

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.01.2011

Сдано в производство 27.01.2011

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 16

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
Раb. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
